

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 1 (170) январь 2025

В НОМЕРЕ:

Артюхин Р. Е.

Правовой режим единого счета бюджета

Кашанина Т. В.

Право в эстафете социального регулирования

Скобников П. А.

Противодействие нацизму и экстремизму:
выборочное исследование судебной практики
по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте
действующего законодательства

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 20 № 1 (170) ЯНВАРЬ 2025

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 27.01.2025
Объем 22,78 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 20 № 1 (170) JANUARY 2025

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

27.01.2025
Volume: 22.78 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Кашанина Т. В.** Право в эстафете социального регулирования 11
- Васильев С. В.** О дискуссионных аспектах правопонимания
в свете проблем реализации права на охрану здоровья 26

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Кокотова М. А.** О толковании законодательного понятия общественного контроля
в деятельности отдельных местных общественных палат (советов) 38

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Мухтарова О. С.** Институт оспаривания решений о привлечении
к административной ответственности в арбитражных судах
Российской Федерации: генезис и современное состояние 48

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Артюхин Р. Е.** Правовой режим единого счета бюджета 57
- Голощапов И. И.** Публично-правовое регулирование
валютных операций в условиях контрсанкционного режима 66

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Дейнеко А. Г.** Нормативные и социальные основания кодификации
информационного законодательства Российской Федерации 76
- Федоров П. Г.** Формы проявления коммерческой тайны в цифровой экономике 86

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Васильев А. С., Калистратов А. А.** Применимость норм договорного права
к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ 98
- Поваров Ю. С.** Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием
заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы 111

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Толкачёв Н. С.** Исковая давность по трудовым спорам во взглядах ученых:
дискуссионные предложения по совершенствованию законодательства о труде 121

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Антонченко В. В.** Оптимальная уголовная политика 131
- Маслов В. А.** Судимость в России в 2013–2022 годах:
общая характеристика и особенности совершаемых деяний,
виновных лиц и назначаемых мер воздействия 141

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Скобников П. А. Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства	162
Смушкин А. Б. Криминалистическое исследование распределенной информации	180
Саркисян К. Т. Проблемы собирания цифровых следов при производстве следственных действий по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях	188

Contents

THEORY OF LAW

- Kashanina T. V.** Law in the Relay Race of Social Regulation 11
- Vasilyev S. V.** Controversial Aspects of Legal Consciousness in the light
of the Problems of Implementation of the Right to Health Protection 26

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Kokotova M. A.** The Interpretation of the Legislative Concept
of Public Control in the Work of Individual Local Public Chambers (Councils) 38

STATE ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Mukhtarova O. S.** The Institution of Challenging Decisions
on Bringing to Administrative Responsibility
in the Arbitrazh (Commercial) Courts of the Russian Federation:
Genesis and Current State 48

FINANCIAL LAW

- Artyukhin R. E.** Legal Regime of a Single Budget Account 57
- Goloshchapov I. I.** Public Law Regulation of Currency Transactions
in the context of the Counter-Sanctions Regime 66

INFOSPHERE LEGAL REGULATION

- Deyneko A. G.** Regulatory and Social Foundations of the Information
Legislation Codification in the Russian Federation 76
- Fedorov P. G.** Forms of Trade Secrets in the Digital Economy 86

CIVIL AND FAMILY LAW

- Vasiliev A. S., Kalistratov A. A.** Applicability of Contract Law
Principles to Relations between Participants in Civil Law Communities 98
- Povarov Yu. S.** The Mechanism for Convalidation of a Contract entered into due
to Misrepresentation, with the Consent of the Counterparty to Maintain its Force 111

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Tolkachev N. S.** Limitation Period for Labor Disputes in the Views of Scientists:
Controversial Proposals for Improving Labor Legislation 121

CRIMINAL LAW

- Antonchenko V. V.** Optimal Criminal Policy 131
- Maslov V. A.** Criminal Record in Russia in 2013–2022:
General Characteristics and Features of Acts Committed,
Perpetrators and Assigned Enforcement Actions 141

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Skoblikov P. A. Countering Nazism and Extremism: A Selective Study of Judicial Practice under Part 1 of Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the Context of Current Legislation	162
Smushkin A. B. Forensic Investigation of Distributed Information	180
Sarkisyan K. T. Problems of Collecting Digital Traces during Investigative Activities in Cases Related to Illegal Drug Trafficking in Computer Networks	188

Право в эстафете социального регулирования

Аннотация. Статья посвящена эстафете (преемственности) социальных регуляторов. Их гонка идет на всем протяжении существования человечества. Это связано с экономической трансформацией, в зависимости от которой можно выделить четыре стадии в развитии общества. Система социальных регуляторов разветвленная (всего их насчитывается 12). Детальному анализу подвергаются только лидеры эстафеты, или базовые социальные нормы. Базовыми являются регуляторы, регламентирующие жизненно важные общественные отношения (управление или властеотношения, собственность и девиации). Лидерство в эстафете социального регулирования первоначально принадлежит обычаям (в первобытном обществе), затем оно переходит к религиозным нормам (в аграрном обществе). Нормы права становятся главенствующими в индустриальном обществе. Моральные нормы приобретают первостепенную значимость в информационном обществе. Такая последовательность неслучайна. Автор высказывает гипотезу, что она определяется эволюцией сознания человечества и точно соответствует ее этапам. Сознание человечества проделало следующий путь: сначала человечество опиралось на визуальное восприятие мира, затем добавилось его аудиальное постижение, далее — деятельностное и, наконец, аналитическое. Выполнив роль главного средства регулирования, тот или иной базовый социальный регулятор передает миссию лидера другому регулятору, более подходящему для изменившихся социальных условий. Однако социальные нормы, уступившие лидерство, продолжают выполнять регулирующие функции, но уже второстепенные. Интеллектуальные накопления человечества остаются, и было бы расточительством отметить их вовсе.

Ключевые слова: социальные нормы; право; особенности обычаев; специфика религиозных норм; качества права; свойства морали; мифологическое сознание; религиозное сознание; правосознание; моральное сознание.

Для цитирования: Кашанина Т. В. Право в эстафете социального регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 11–25. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.011-025.

Law in the Relay Race of Social Regulation

Tatyana V. Kashanina, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kashanina@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the relay race (succession) of social regulators. Their race has been going on throughout the existence of humanity. Due to the economic transformation, four stages in the development of

© Кашанина Т. В., 2025

* Кашанина Татьяна Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
kashanina@mail.ru

society can be distinguished. The system of social regulators is extensive (there are 12 such systems in total). Only the leaders of the relay race, or basic social norms, are subjected to detailed analysis. The basic ones are the regulators responsible for vital social relations (management or power relations, property and deviations). Leadership in the social regulation relay race belongs to customs (in primitive society), then it passes to religious norms (in agrarian society). The rules of law are becoming dominant in an industrial society. Moral norms are becoming of paramount importance in the information society. This sequence is not accidental. The author hypothesizes that it is determined by the evolution of human consciousness and corresponds to its stages. The consciousness of humanity has traveled the following path: first, humanity relied on the visual perception of the world. Then, its auditory comprehension was added. Then the humanity comprehended it through the activity and, finally, it resorted to analytical comprehension. Having fulfilled its role as the main means of regulation, a basic social regulator transfers the leadership mission to another regulator more suitable for the changed social conditions. However, the social norms that have given way to leadership continue to perform regulatory functions, but now they are of secondary nature. Humanity's intellectual accumulations remain, and it would be wasteful to dismiss them altogether.

Keywords: social norms; law; features of customs; specifics of religious norms; qualities of law; properties of morality; mythological consciousness; religious consciousness; legal consciousness; moral consciousness.

Cite as: Kashanina TV. Law in the Relay Race of Social Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):11-25. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.011-025.

Введение (о смысле слова «эстафета»)

Эстафета (фр. *estafette*) обычно понимается как движение, включающее прохождение определенных этапов ее участниками, сменяющимися в пути друг друга и передающими при этом условно какой-либо предмет. Эстафету можно определить и как дело, которое кто-либо передает своим последователям, не прекращая движения. Привычны нам и такие словосочетания, как «принять (или подхватить) эстафету у кого-либо», т.е. продолжить чьи-либо традиции, чье-либо начинание.

Адекватным синонимом слова «эстафета» будет «*преемственность*» (или преемственная связь). Именно в этом значении и будет употребляться слово «эстафета» в данном исследовании, задача которого — проследить, опираясь на теорию социальных эстафет¹, связь социального регулирования и общественного сознания.

1. Социальные нормы в трансформации экономических укладов

В развитии общества выделяются две эпохи: догосударственная (эпоха первобытного строя) и государственная. В свою очередь, государственно-организованное общество по технологическому фактору делится на три вида: аграрное, индустриальное, постиндустриальное². Последнее сейчас принято именовать информационным.

Нормативная система также не остается неизменной. Она становится всё более и более сложной как в количественном, так и в качественном отношении. Кроме того, появляются новые, всё более действенные способы обеспечения социальных норм.

Нормогенез шел постепенно. Накопления в области социального регулирования на сегодняшний день весьма значительны (всего насчитывается 12 видов социальных норм). Как ни странно, наиболее успешно в этом плане выглядит *первобытное общество* (мифы, ритуалы, обряды, обычаи). *Аграрное общество* приумножило нормативные накопления (традиции,

¹ Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.

² Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008. С. 45.

религиозные нормы, деловые обыкновения). В *индустриальном обществе* были сделаны очень серьезные добавления в копилку социальных норм (правовые, политические нормы). В *информационном обществе* весомыми стали нормы этикета, эстетические и моральные нормы³.

Среди социальных норм той или иной эпохи можно выделить *базовые*, т.е. те, которые регулировали наиболее важные вопросы жизни и от которых зависел прогресс общества в целом. К таким кардинальным аспектам общественной жизни относятся управление или властотношения, собственность и девиации.

В *доаграрном обществе* базовым социальным регулятором были *обычаи*.

В *аграрном обществе* эту роль берут на себя *религиозные нормы*.

В *индустриальную эпоху*, когда стали появляться национальные государства с единым для всей территории государственным аппаратом⁴, общество стало искать опору в *правовых нормах*, исходящих от государства.

В *информационном обществе* мораль становится неписаным законом и приобретает универсальный и всеохватывающий характер.

Эстафета в регулировании кардинальных сторон общественной жизни выглядит так: *обычаи, религиозные нормы, нормы права, моральные нормы*. Выполнив роль главного средства регулирования, тот или иной базовый социальный регулятор передает эту функцию другому, более подходящему в изменившихся социальных условиях, и т.д.

Итак, эстафета начинается.

2. Обычай как базовый регулятор доаграрного общества

Доаграрное общество — это лесные охотники и собиратели, полуседлые рыболовы и собира-

тели на побережьях морей и рек и т.д. Хозяйство, где преобладают охота, собирательство и рыболовство, принято называть присваивающим. Для первобытного общества характерны сезонно-подвижный образ жизни, коллективная собственность на основные средства производства, коллективное распределение продуктов труда, архаичные органы власти. Поиски и добывание пищи были основной деятельностью древних людей. Они искали съедобные корни, стебли и плоды растений. Собирали яйца птиц. Только спустя много-много лет человек научился возделывать землю и перестал вести кочевой образ жизни.

Соответственно, этим и определяется сознание первобытных людей. Вот некоторые его специфические свойства.

1. В нем не разделялись *индивидуальные и коллективные интересы*. Дух коллективности, конечно, был главным, поскольку и на подсознательном уровне люди ощущали невозможность выжить в одиночку. Даже если и были какие-то поползновения к проявлению индивидуальности, они воспринимались резко отрицательно, поскольку это мешало сохранять накопленный опыт и создавало угрозу стабильности всего сообщества.

2. Ему был присущ *стихийный характер*. Это сейчас мы можем как-то воспитывать и целенаправленно формировать сознание членов общества. Тогда никаких средств для этого не было. Внешние условия полностью его предопределяли, и оно изменялось под их влиянием с целью адаптации к окружающему миру.

3. В познании мира главным образом применялись *образы, метафоры, символы*. Так, например, часто использовалась триада цветов: белый цвет означал активность, красный — благо, жизнь, а черный — опасность⁵. Логика здесь обнаружить не удастся. Она и не нужна: смысл этих цветов задан предшествующими поколениями.

³ Детальную характеристику каждого вида социальных норм см.: Кашанина Т. В. Право в системе социальных регуляторов: так ли безоблачно его будущее? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 11–26.

⁴ Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М., 2006.

⁵ Бочаров В. В. Неписанный закон. Антропология права. 2-е изд. СПб., 2013. С. 46.

4. Сознание было *мифологическим, магическим*, поскольку в нем важную роль играли мифы, магия и другие выдумки людей. Объявление тех или иных растений, животных, вещей, предметов и т.д. священными и неприкосновенными полностью зависело от фантазии живущих в то далекое время.

5. Сознание людей пронизывал *страх перед силами природы*. Многие жертвоприношения и другие обряды были направлены на то, чтобы задобрить эти неведомые силы и заручиться их поддержкой.

6. В целом сознание отличалось *иррациональностью* и не сопрягалось с действительностью. Человек не мог понять, что, зачем и почему, не мог интерпретировать то, в чем видел опасность, а потому искал утешение в любых предметах и действиях.

Социальные нормы были адекватны сознанию людей.

Главным регулятором жизни в догосударственном обществе были обычаи⁶. Отмечу их особенности.

1. Обычаи — это правила поведения, которые *складываются веками*, на протяжении жизни многих поколений. Нельзя указать ни время, когда обычай возник, ни его автора, поскольку он складывается в практической жизни человеческой популяции. «Смотри и делай также» — вот формула любого обычая, т.е. он основан на визуальном постижении мира.

2. В доаграрном обществе обычаи опосредовали *жизненно важные* общественные отношения: *властеотношения* (например, право участвовать в народном собрании), *имущественные отношения* (например, совместное пользование имуществом, что давало возможность выжить любому члену коллектива), *преступления* (например, кровную месть за убитого члена рода) и др. Другие менее важ-

ные стороны жизни первобытных людей, как то: быт, распределение повседневной работы, проведение праздников / работ, торговля, отношения по воспроизводству рода, инициация и пр., регулировались ритуалами, обрядами, мифами.

Ученые, исследователи того далекого периода, не проводят разницы между видами социальных норм. Все нормы первобытного общества они называют обычаями, хотя подсудно догадываются, что они неоднородны. Вот почему ими была выдвинута идея о так называемых мононормах⁷. Мне уже приходилось критиковать эту идею⁸. Считаю по-прежнему, что мононормы — это научный вымысел, а не реальность, которая и в то далекое время была достаточно сложной и не могла регулироваться с помощью одного инструмента, обычая.

3. *Легитимность*, или обоснованность, правильность, обычаев никем не оспаривалась, ибо считалось, что за ними стоит культ предков, богов, а впоследствии и вождей.

4. *Обязательность* их также не подвергалась сомнению, поскольку они соответствовали жизненному укладу. Люди не задумывались ни над их содержанием, ни о последствиях несоблюдения, а выполняли по привычке, глядя на то, как поступают их сородичи. Привычка, которая лежала в основе обычая, доведенная до автоматизма, не предполагает каких-то глубоких раздумий. В основе обычая лежит копирование или подражание поведению сородичей.

5. *Системность*, пусть и в минимальной степени, присуща и обычаям. Можно выделить следующие их виды:

а) по содержанию: регулирующие использование ресурсов (земли, недр, водоемов), наследование, отчуждение имущества, властеотношения, брачную жизнь, опеку, убийства, колдовство и т.д.⁹;

⁶ Слово «обычай» означает «обвыкнуть, привыкнуть к сходным ситуациям, поведению», что довольно точно выражает их суть.

⁷ См.: Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 49; Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. М., 1984. С. 199–200; Сеницына И. Е. В мире обычая. М., 1994. С. 30–37; Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 2001. С. 180.

⁸ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М., 1999. С. 209–211.

⁹ Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. С. 20.

б) по этническому признаку (родственники и инородцы);

в) по возрастной категории (подростки и взрослые).

6. *Добровольность* исполнения обычаев отмечают все исследователи. Действительно, нарушение норм-обычаев было редким, что даже позволило Руссо назвать далекое прошлое «золотым веком».

7. Однако нарушения обычаев, конечно же, были (не все знали обычаи, да они и не отличались точностью). Это привело к появлению *специалистов по обычаям*. Вначале споры разрешали старейшины, жрецы, вожди, как занимавшиеся толкованием правил, так и, в случае нарушений, объявлявшие санкцию от имени богов, предков и т.п. Впоследствии мы уже видим зарождение специальных органов: примирители, посредники, судьи. Это позволяет сделать вывод, что обычаи не оставались без защиты. Их несоблюдение было связано с потенциальным *физическим или психическим принуждением* как со стороны сакрального авторитета, так и со стороны сообщества (например, жужжание мужчин на нарушителя, изгнание).

8. *Форма обычаев* устная. Это правила не формальные, т.е. не закрепленные в документах. Они имеют поведенческий характер и существуют в памяти народа в виде представлений, мифов, пословиц.

9. *Разнообразие обычаев* у разных народов поражает. Так, за конекрадство в Древней Руси, занимающейся пашенным земледелием, пойманных конекрадов убивали на месте (и это в стране, где отмечалась жалость к преступникам). Но у кочевников, где на душу населения лошадей было гораздо больше, конекрадство считалось удачей, а не преступлением.

Но были и обычаи, которые отмечались у многих народов, например обычай «будь как все и иди в ногу со всеми». Этот обычай не случаен: он способствовал стабильности доаграрного общества. Он дошел до сегодняшнего дня и, кстати, процветает во многих странах. Так, в японском обществе такое ценное каче-

ство человека, как инициативность, и сейчас не поощряется. «Не прогуливай, не опаздывай, не усердствуй», — гласит заповедь, которую слышит японский служащий, впервые переступая порог фирмы. Это отголосок того древнего обычая. Объяснение этому, конечно, можно найти: Япония, страна, имеющая солидный возраст и практически всегда закрытые границы, стала современным государством около 100 лет назад¹⁰.

10. *Избыточность* обычаев не может не удивлять. Их масса, скорее всего, превышала психические возможности человека. Кажется, что был зарегулирован каждый шаг, а если делаешь не так, как все, — санкция¹¹. Люди ими были буквально скованы, хотя смысл многих не понятен (нельзя жарить мясо медведя, идти надо гуськом, а не толпой, мужчине нельзя быть рядом с женой и т.п.).

3. Религиозные нормы как базовый регулятор аграрного общества

Аграрное общество — это общество, в котором преобладает сельское хозяйство, основными составляющими которого являются земледелие, скотоводство и рыболовство в прибрежных районах. Однако в отличие от доаграрного общества здесь люди уже придумали и используют искусственные средства увеличения продуктов питания с занимаемой ими территории. В результате многократно увеличилась плотность населения, да и само общество усложнилось: оно разделено на сословия, движение между которыми невозможно. Статус человека в обществе определяется его рождением. Прочная связь с землей и зависимость от мест проживания практически исключают мобильность населения. Вот почему семейное хозяйство с патриархально-общинными отношениями внутри составляет каркас аграрного общества. Такой тип общества главной целью видит сохранение традиционного жизненного уклада. Какие-либо новшества не приветствуются, более того, осуждаются.

¹⁰ Овчинников В. Ветка сакуры. М., 2011. С. 134.

¹¹ Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении государства. М., 2000. С. 9.

Общество не приемлет каких-либо изменений и развивается спонтанно.

Это не могло не сказаться на сознании людей. В целом его можно назвать религиозным. В чем его особенности?

1. *Религиозная вера* — это центральное звено религиозного сознания. В принципе, вера как таковая — это убежденность в наличии или отсутствии чего-то без доказательств, т.е. опоры на факты или рациональные постулаты. Религиозная вера — это вера в Бога, могущественное, сверхъестественное существо как реально существующее. Отсюда предполагается истинным не только существование Бога, но и взгляды, догматы, тексты, разработанные религиозными авторитетами, церковными иерархами, служителями культа.

2. Религиозное сознание имеет *два уровня*: обыденное и концептуальное (или религиозная психология и религиозная идеология).

Обыденное религиозное сознание составляют эмоции, чувства, представления, стереотипы, установки, настроения, привычки людей, которые являлись непосредственным отражением условий бытия людей. Системным его не назовешь, поскольку в нем имеются разрозненные и эмоциональные, и волевые элементы. Решающую роль, конечно, играют эмоции и чувства людей¹².

Концептуальное религиозное сознание — это понятия, идеи, принципы, рассуждения, аргументации. Они разрабатываются богословами, специалистами по вероучению. В него входит упорядоченное учение о Боге, мире, природе, обществе, человеке, т.е. оно отличается системностью¹³.

3. Религиозному сознанию присуща чувственная *наглядность*. Здесь подразумеваются образы, не только имеющиеся в действительности (иконы, фрески и т.п.), но и созданные воображением верующих, их фантазии относительно божественного начала, т.е. имеет место соединение действительного с иллюзорным.

4. *Символический аспект* в религиозном сознании является одним из главных. Символ предполагает как бы опредмечивание мыслей о Всевышнем. Это проявляется в том, что какие-либо предметы, действия, слова, тексты наделяются религиозным содержанием и значимостью.

5. *Диалогичность* религиозного сознания предполагает возможность общения с Богом, воздействия на него и получения от него помощи. Диалог реализуется в богослужении, молитве, песнопении, медитации, с помощью звучащей или внутренней речи.

6. *Форма (облик)* религиозного восприятия имеет *звуковой характер* (если не считать проявления религий до монотеизма, когда главенствовал символизм). На ранних стадиях религиозное сознание выражалось и передавалось с помощью устной речи. Появление письма позволило фиксировать религиозные значения и смыслы также и в письменном виде, складывались сакральные тексты¹⁴. Однако основная масса людей грамоты не знала и читать не умела. Сила слова продолжала обеспечивать действенность религии в звучащей речи, прежде всего в *молитве*, в которой верующие обращались к Богу. Но далее звуковое разнообразие нарастает. *Песнопения* как соединение стихов религиозного характера и пения, проводимые в торжественных случаях, существенно украшали религиозные события. *Богослужение (литургия, месса и пр.)* — это форма совместной молитвы участвующих в богослужении. Оно пришло на смену жертвоприношению как средству угождения божеству, наблюдаемому в низших формах религии. Его смысл состоит в общении Бога со своим народом. Ни одно богослужение не обходится без пения и представляет собой речь нараспев, произносимую на определенной высоте в определенной тональности. *Духовная музыка* — особый вид музыкального сопровождения религиозных обрядов. Она пишется в основном для исполнения церковным

¹² Борунков Ю. Ф., Яблоков И. Н., Новиков М. П. [и др.] Основы религиоведения : учебник / под ред. И. Н. Яблокова. М., 1994. С. 53.

¹³ Борунков Ю. Ф., Яблоков И. Н., Новиков М. П. [и др.] Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Религиоведение : учеб. пособие / под ред. А. Ю. Григоренко. СПб., 2008. С. 45–50.

хором и имеет простой и спокойный характер. В католичестве ее роль гораздо больше, нежели в православии. Она не сводилась к простому сопровождению хора. Органные прелюдии, а также фантазии, токкаты предворяли и завершали службу и оставили глубокий след в искусстве.

Таким образом, действенность религии связана прежде всего с восприятием звуков.

Религиозное сознание — это основной носитель религиозных норм. Они в значительной мере живут в умах и сердцах верующих, проявляются в самом образе их жизни¹⁵. И в этом надо видеть глубокий смысл: будучи буквально «вшитыми» в человека, религиозные нормы, основанные на почтении Бога, помогают верующим правильно выстраивать поведение и одновременно напоминают о каре Божьей, т.е. вызывают богобоязненность. Тем самым религия как духовное начало сковывает человека в плане совершения неблагоприятных поступков, обеспечивая порядок в обществе.

Появление письма позволило фиксировать религиозные нормы также и в письменном виде.

Главным письменным источником являются *тексты священных писаний* (Танах, Библия, Коран, Трипитака, Веды и Бхагавадгита и др.), где содержатся сведения о сверхчеловеческом происхождении, пути, воле определенного божества, установленных им нравственных законах. Источниками религиозных норм являются и *религиозные доктрины*, где получает изложение и истолкование то или иное религиозное учение, а также *догматы* (или мнения, решения, постановления), т.е. положения вероучения, объявленные церковью не подлежащими сомнению и критике. Особую категорию источников религиозных норм составляют *церковные каноны* (своего рода принципы), определяющие внутреннее устройство церкви, некоторые аспекты жизни как священнослужителей, так и христиан.

Историческая роль религиозных норм состояла не только в объединении людей, но и в том, чтобы освятить пока еще хрупкие социаль-

ные структуры авторитетом свыше и тем самым обеспечить социальную стабильность¹⁶. И с этим религиозный регулятор успешно справлялся на протяжении нескольких тысячелетий.

4. Правовые нормы как базовый регулятор индустриального общества

Примерно в 1500 г. н. э. началась научная революция, а вслед за ней пришла и промышленная эра. Ее пусковой точкой явилось изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства, а затем и электричества, позволившего развернуть конвейерное производство. Все созданные механизмы перемещались, вращались, грохотали, двигались... Обслуживая их, человек должен был проявлять активность, энергичность, деловитость. Смотреть и слушать теперь недостаточно. Надо уметь обращаться со всеми этими механизмами, иначе они, обладая мощной кинетической энергией, могут нанести вред.

Союз науки и промышленности в корне изменил сознание человечества. Фатализм, безусловная вера, мистическое мышление постепенно размываются. Приходит понимание, что человек сам могущественен и может определять свое поведение, тогда как ранее считалось, что лишь великие боги обладают мудростью. Машинный способ производства требовал людей более продвинутых и образованных. В обществе развивается образование, поднимается авторитет разума, рационального отношения к жизни. Сознание людей расширилось и стало *практичным*, т.е. ориентированным на реальные потребности, решение житейских задач, применение каких-либо знаний и навыков в деле.

Вот отличительные особенности практического или деятельностного мышления¹⁷:

1) неразрывно связано с восприятием тех явлений, предметов, которые окружают и с которыми предстоит иметь дело;

¹⁵ Визуальная сущность религии : монография / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева, Д. В. Пивоваров ; КрасГУ. Красноярск, 2006. С. 8.

¹⁶ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2016. С. 256.

¹⁷ URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-71.html>.

2) восприятие отличается изощренностью, т.е. требует внимания к отдельным деталям, знать общую картину уже недостаточно;

3) неотрывно от действия или, иначе, при таком мышлении человек решает задачу, глядя на вещи и оперируя ими, т.е. мышление вплетено в практическую деятельность;

4) осознается последовательность выполнения операций, а иначе нужный результат не будет достигнут;

5) действия с предметами отличаются целенаправленностью;

6) идеи, как сделать лучше, формируются сначала в процессе деятельности, а лишь затем возможны обобщения;

7) для достижения цели требуется умение переходить, причем неоднократно, от действия к размышлению и обратно;

8) направлено на разрешение конкретных задач, допустим, вспахать поле, довести груз в место назначения, организовать погрузочные работы и т.п.;

9) деятельность осуществляется в жестких временных интервалах, а не когда получится.

Как видим, практическое мышление довольно энергос затратное, и лишь только человек с активным, а не с созерцательным мышлением способен выполнять такого рода задачи. Понятно, что таких людей в любой индустриальной стране отнюдь не большинство, приблизительно 20 %. Но они определяют вектор развития экономики, выполняя ответственные задачи, как, например, пилот, оператор конвейерной линии, предприниматель, и цена ошибки в их работе очень высока. Именно такие индивиды позволили обществу подняться на новую высоту.

Общество усложнилось, и не только в области экономики.

Изменилась политическая сфера, главным игроком которой стало государство. Однако в доиндустриальную эпоху оно имело *вертикальное строение*, когда общество живет под управлением вождя, тирана, диктатора, принимающего все важные решения, обязательные для всех. Такое государство во многом носит

личный характер, а источником власти выступает *насилие*¹⁸. Неудивительно, что тогда войны были обыденностью и в немалой степени велись для удовлетворения амбиций вождя.

В XVII в. (после заключения Вестфальского мира в 1648 г.) государства (в Европе) постепенно становятся *бюрократическими* и развиваются *по пирамидальной иерархической модели*. В индустриальную эпоху государство стало обладать собственным юридическим лицом, отличным от личности правителя, стало сильнее его¹⁹. Формула «Государство — это я» (Людовик XIV) теперь заменяется на формулу «Я — первый слуга государства» (Фридрих Великий). Это произошло потому, что в условиях роста массового производства и осмысленного накопления богатства остро встала проблема защищенности имущества, а также обеспечения безопасности владельцу и его потомству. Вот почему собственники, предприниматели стали в государстве правящим классом, и на его защиту встал весь силовой аппарат государства. Помимо этого, был создан мощный бюрократический аппарат с функциональным разделением труда. Налоги стали государственным делом.

Итак, бюрократия, налоги и монополизация насилия сделали государство мощным социальным институтом. Возникнув как инструмент абсолютных монархов, государство стало жить своей жизнью, уравнивая всех в нем проживающих в качестве граждан с тем, чтобы обеспечить порядок и цивилизованное их сосуществование.

Трансформировалась и система социального регулирования. Главную роль на себя взял безличный закон, в соблюдении которого была заинтересована элита. Неприккрытое насилие отступило в сторону. Понятно, что право зародилось не в одночасье. Оно вызревало в глубине традиционного и религиозно ориентированного общества, где не было нужды устанавливать всеобщие правила поведения, поскольку большинство членов знало друг друга и экономика опиралась на правила, установленные в семье или небольшой общине. Народная поговорка

¹⁸ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2003. С. 36.

¹⁹ Кревельд М. Рассвет и упадок государства. М., 2006. С. 159–235.

«Судить не по закону, а по совести» красноречиво это отражает. Но теперь право вышло на передний план и стало базовым регулятором.

Какие качества права позволили ему стать доминирующим регулятором?

1. Правовые нормы закрепляются *письменно*, тем самым они стали *доступны всем*, если учесть, что грамотность в индустриальную эпоху стала всеобщей. Их *общеизвестность* никому не дает права ссылаться на то, что он не знал о недопустимости того или иного деяния.

2. Они выражены в *официальной форме*, т.е. в документах, к изданию которых причастны органы государства, ставшие несущей конструкцией в этот период. В качестве таких документов выступают законы и судебные решения.

3. По *содержанию* право представляет собой *систему*, где в принципе не допускаются противоречия и несогласованность. Правила поведения уже не формируются спонтанно, на злобу дня, как ранее. Да, право довольно чутко реагирует на изменения в жизни, но нормы права, потребность в принятии которых себя обнаружила, предварительно тщательно прорабатываются и подвергаются экспертизе.

4. По *форме* выражения нормы права отличаются *ясностью и четкостью*. Благодаря такой определенности теперь каждый может понять, какое поведение одобряемо, а какое может быть расценено как правонарушение и повлечь юридическую ответственность.

5. Правовые нормы отличаются *обязательностью* для всех, кому они адресованы. Сословность ушла в прошлое, формально все граждане равны, что резко снизило напряженность в обществе.

6. *Охрану* всех правовых норм взяло на себя государство, ставшее мощной социальной силой. У него появились возможности (интеллектуальные, материальные и организационные) дифференцировать и дозировать степень жесткости государственного принуждения. В итоге по сравнению с прошлыми эпохами удельный вес насилия в стране снизился.

7. Изменилось и *предназначение* права: *охранительная функция*, исполняемая им традиционно, дополнилась *функцией регулятивной*, которая по мере развития общества начи-

нает доминировать над охранительной. Пришло понимание, что если заранее установить «правила игры», отвечающие интересам людей, то и потребность в применении принуждения резко снизится.

Что мы имеем в итоге благодаря праву — социальному регулятору, который стал базовым в индустриальном обществе?

Приобретения весомые.

Во-первых, общество *стабилизировалось* благодаря тому, что в нормах права стали закрепляться основные параметры жизни: статус органов власти, право собственности, основные права и обязанности, налоги и льготы и т.п.

Во-вторых, произошла *интеграция* общества: в конституциях стран были установлены равные права и обязанности для всех.

В-третьих, это в значительной мере повлекло *снижение конфликтности и напряженности* в обществе. Если в законе установлен равный статус граждан, а на деле он у кого-то меньше, чем у другого, то, может, в этом надо винить себя?

В-четвертых, жизнь *рационализировалась*, поскольку при случившихся у человека просчетах и спорах можно было обратиться в суд, куда надо представить доказательства и обосновать свою правоту, а не решать спор силой на основе эмоций.

В-пятых, в целом расширились *знания о социальной реальности*, поскольку нормы права (которые теперь стали всем доступны) — это кладезь информации о ней.

И наконец, *в-шестых*, нормы права, формируя представление о ценностях в обществе (права и свободы — высшая ценность, собственность неприкосновенна, и т.д.), тем самым осуществляют и воспитание членов общества.

Таким образом, порядок в обществе благодаря праву поднялся на новую высоту.

5. Моральные нормы как базовый регулятор информационного общества

XX век ознаменовался новыми технологическими открытиями: появление полупроводников, компьютеров (сначала больших, а потом и

персональных), сети Интернет... Повсеместная компьютеризация, активное развитие информационных и цифровых технологий предоставили людям доступ к огромному объему информации. Информация, новые знания становятся главным экономическим ресурсом, способным поднять благосостояние общества на небывалую высоту. Общество, в котором большинство работающих полностью занято (или хотя бы частично участвует) в работе с информацией (ее производстве, хранении, переработке и реализации), называют информационным.

Но что значит уметь работать с информацией?

Работа эта чрезвычайно трудоемкая и предполагает умение осуществлять с ней следующие операции:

- 1) собирать информацию из различных источников;
- 2) верифицировать ее и устанавливать точность;
- 3) владеть цифровыми средствами обработки больших массивов неструктурированной информации;
- 4) ориентироваться в массиве неструктурированной информации и ее структурировать;
- 5) при решении задач определять пробелы в информации и уметь их восполнять;
- 6) сопоставлять все полученные данные, не оставляя без внимания детали;
- 7) выявлять актуальность информации;
- 8) вычленять наиболее значимую информацию;
- 9) упрощать для ясности понимания и представления;
- 10) уметь визуализировать и представлять результаты работы с информацией в наиболее понятном формате;
- 11) выдвигать на ее основе новые идеи и знания (что является своего рода высшим пилотажем и доступно далеко не каждому). Именно

новые знания теперь становятся ключевым фактором развития.

Одним словом, речь идет об *аналитической работе*. Понятно, что для выполнения работы аналитика (им называется специалист, который умеет осмысливать информацию и на ее основе вырабатывать решения, программы развития, планировать, делать прогнозы) нужен иной уровень развития сознания. В частности, от человека теперь требуется *умение прочно удерживать внимание, осуществлять самоконтроль, производить критическую оценку, абстрактно мыслить, быть способным к самостоятельному решению проблем, проявлять инициативу*. Именно такой аналитический подход дает возможность делать выводы, расчеты, решать логические и математические задачи.

Ученые считают, что за это отвечает лобная доля головного мозга²⁰. Внизу лобной доли расположен *центр эмпатии и морали* (где-то на 3–5 см позади глаз или над бровями)²¹. Эмпатия, если упрощенно, это сочувствие. В его основе лежит способность поставить себя на место другого, понять его интересы и переживания. Осмысление происходящего посредством понимания другого лица является основой для выстраивания морального поведения.

Переоценить роль переднего отдела коры мозга просто невозможно. Люди с «моральной начинкой», т.е. усвоившие и руководствующиеся моральными нормами, принципами, идеалами, понятиями добра и зла, совести и чести, справедливости и др., — совершенные (завершенные), т.е. достигшие высокого человеческого уровня. Именно они станут движущей силой общества будущего. Уже сегодня таких людей немало, но, к сожалению, большинство ни в одной стране мира они пока не составляют.

Каковы отличительные черты совершенного, или истинного, человека? По мнению Д. С. Соммера²², завершенный человек:

²⁰ Амен Ф. Измените свой мозг — изменится и жизнь! М., 2009. С. 173.

²¹ См.: Магрина М. Мозг. Инструкция пользователя. М., 2019. С. 74, 156 ; Циновская И. Найден участок мозга, отвечающий за стыд // Деловой Петербург. 29.03.2007. URL: https://www.dp.ru/a/2007/03/29/Najden_uchastok_mozga_otv.

²² Соммер Д. С. Мораль XXI века. М., 2019. С. 92.

1. Контролирует свое сознание, удерживая его на высоком уровне бодрствования.
2. Обладает объективным видением самого себя.
3. Он выше самообмана и рационализации.
4. Основывает свою честность на морали и логике.
5. Не способен намеренно нанести вред.
6. Обладает наивысшими человеческими ценностями.
7. Терпим, добр и отзывчив.
8. Не испытывает ни к кому ненависти.
9. Следует золотому правилу: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе».
10. Добродетелен, полностью управляет своими страстями.
11. Видит реальность такой, какова она есть, а не через призму своего субъективного восприятия.
12. Человечен и благороден.
13. Неустанно борется за правду и справедливость.
14. Знает, что такое истинная любовь, и умеет любить.
15. Имеет развитое и зрелое «я».
16. Не подвержен влиянию «психологической толпы».
17. Другие.

Сознание людей информационного общества в общем и целом можно будет назвать *гуманистическим*. Оно будет пропитано господствующими в обществе представлениями о добре и зле, о том, что такое хорошо и что такое плохо, ориентацией людей на добрые, честные, благородные, справедливые отношения, т.е. пронизано тем, что принято называть моральными ценностями.

Подвергнется трансформации и нормативная система общества. Некоторые из таких изменений мы видим уже сейчас, но в будущем произойдет коренной перелом.

Сразу хочу отметить, что в целом система социальных регуляторов сохранится, но произойдет ее модернизация. Никто и не подумает каким-либо декретом отменять какие-либо из

регуляторов. Они будут функционировать, но в новом контексте. «Сохранить — значит видоизменить», — так звучит общий закон социальных эстафет²³.

Понятно, что право не утратит свою регулятивную роль, хотя оно претерпит серьезные изменения, в частности, можно предположить, что увеличится доля «мягких», или рекомендательных, норм, в большей мере будут использоваться дозволения, а не запреты и предписания, снизится жесткость юридической ответственности. Наряду с законодательными увеличится объем корпоративных, муниципальных и договорных норм, да и в целом расширится круг правотворческих субъектов. Ожидается и бум технико-юридических норм, направленных на урегулирование использования сложных технических объектов и технологий и установление санкций с тем, чтобы предотвратить возможный вред. Уже видится и изменение конструкции вины.

Итак, какие метаморфозы произойдут в системе социального регулирования в будущем (в информационном обществе)?

Во-первых, моральные нормы станут самыми значимыми среди всех социальных регуляторов и будут регламентировать базовые социальные отношения, касающиеся власти, собственности и девиаций. Проиллюстрирую примерами. В 1996 г. президент Б. Клинтон, проводя избирательную кампанию на второй срок, позвонил из Овального кабинета руководителю своего избирательного штаба, чтобы узнать, как идут дела. В СМИ поднялся шум, и это чуть не привело его к поражению²⁴. В обществе будущего это с рук не сойдет. Или сегодня у всех вызовет удивление ситуация, когда бизнесмены, сидя в ресторане, за бокалом вина заключают многомиллионную сделку без юристов и тут же по телефону дают указания заказать комплектующие, переналадить конвейер и т.п., чтобы уже начать исполнять только что заключенное соглашение. Это бывает не только в кино, но и в жизни развитых стран. Юристы потом договор составят, но в основе соглашения лежит доверие к тому, что контрагент не поступит нечестно.

²³ Розов М. А. Указ. соч. С. 352.

²⁴ Билл Клинтон // URL: <https://biographe.ru/politiki/bill-klinton> (дата обращения: 10.08.2024).

Во-вторых, имеющиеся социальные нормы, в частности нормы права, будут в большей мере «заточены» на нормы морали. Пропитка норм права моралью и сейчас немалая, но в будущем она будет более насыщенной. Вряд ли можно будет в законодательстве увидеть норму, обязывающую свидетельствовать против родственников (к счастью, ее убрали из УК РФ) или не допускать отрицательную оценку какого-либо исторического события. Иначе, нежели сейчас, будут трактоваться и религиозные нормы, в частности норма, касающаяся посещения женщинами православного храма без головного убора или в брюках, поскольку это никак не влияет на цель посещения храма (приобщиться к вере, посмотреть убранство храма и т.п.).

В-третьих, плотность социального регулирования в целом станет меньше, поскольку все усвоят постулат «не делай зла», а также формулу морального поведения — *уважительное отношение к людям, желание того, чтобы им было хорошо*. Это, как путеводная звезда, будет помогать людям правильно выверять свое поведение без конкретных предписаний. Саморегулирование на основе морали — это признак зрелости, когда человек способен сам, без задействования аппарата подавления и иерархических структур, строить свое поведение и при этом не создавать непреодолимых проблем другим людям и обществу в целом. Ранее я отмечала, что самое плотное регулирование было в первобытном обществе, далее его плотность постоянно снижалась, что связано с накоплением человечеством интеллектуального потенциала. В настоящее время проблема с зарегулированностью далеко не решена. Как отмечает В. Н. Синюков, «армия юристов занимается тем, что бесконечно усложняет правовое регулирование, создает дополнительные источники расходов потребителей, и в этой гонке тотальной правовой вооруженности общество уже сейчас терпит поражение. Люди и бизнес не выдерживают гонку регуляторов. Государственные бюджеты

и бюджеты корпораций проседают от нагрузки нынешних правовых систем любой цивилизационной принадлежности»²⁵. И где же выход? Повышение уровня образованности и осознанности людей, расширение доверия, что постепенно позволит в большей мере задействовать моральный регулятор.

В-четвертых, с развитием общества и повышением интеллекта человечества социальное регулирование становится менее конкретизированным, повышается степень абстрактности норм. Для понимания таких общих норм подключаются моральные воззрения, господствующие в обществе. Так, сегодня *принципы права* (писанные и неписанные) могут применяться напрямую, но их «расшифровка» производится с использованием моральных норм. Моральные воззрения используются и при трактовке *прав человека*, а также для устранения *неопределенности в праве*, например в случае с жестоким обращением с животными. Если сегодня моральные нормы пока оказывают поддержку нормам права, то в будущем они могут с ними встать вровень, а позднее по значимости и опередить.

В-пятых, иначе будет регулироваться и девиантное поведение, т.е. поведение, отклоняющееся от общепринятого. Девиации никуда не денутся, потому что они есть результат динамизма общества и служат средством его развития. Они бывают *негативными*, которые дезорганизуют социум, и *позитивными*, способствующими его прогрессу²⁶.

Их характер будет иным, так же как и санкции, т.е. меры воздействия за девиации. Так, уйдут в прошлое такие тяжкие деяния, как хищения, поскольку общество станет достаточно богатым и каждый сможет вполне достойно удовлетворять свои потребности и тогда, когда не удастся получить работу, проживая при этом на гарантированный социальный доход. «Противоядием» насильственным девиациям станет высокий уровень сознания людей (насилие по причине психического заболевания, которое

²⁵ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2. С. 16.

²⁶ Гилинский Я. И. Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е — 90-е гг. XX столетия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 12–13.

нельзя исключать, — это сфера медицины). Санкции за негативные девиации скорее будут носить характер не физического, а *психического воздействия*, как то: *непредоставление работы / отказ в участии в проекте, принудительная публичность (диффамация) или помещение в публичное пространство негативной информации, что связано с потерей репутации, и т.п.*²⁷ Речь идет о том, что нарушителю общепринятых норм грозят неудобства исключительно психологического плана в виде *общественного осуждения, нежелания иметь с ним общих дел, социального отвержения, утраты доверия*, а в итоге это может вылиться в реальные ограничения свободы действий в деле реализации нарушителем личных планов и задач. Нельзя сбрасывать со счетов и внутренние «неудобства»: *стыд, ощущение вины*.

В-шестых, можно предположить, что *изменится и пропорция между негативными и позитивными девиациями в пользу позитивных* по причине возрастания такой духовной ценности, как идентификация, коей являются достоинство и тяга людей к признанию²⁸. Люди готовы идти на огромные риски, добиваться колоссальных результатов, лишь бы окружающие признали их значимость и ценность. Позитивные девиации связаны с достижением таких результатов, которые под силу далеко не каждому. Это должен быть шаг вперед по сравнению с достигнутым в материальной и духовной сфере. Нововведения, например в образовательной деятельности, могут касаться создания нового учебного курса, разработки новой методики преподавания, создания тестов для рубежного контроля, написания учебника и т.п. Соответственно, назначаемые за особо ценное поведение санкции (*материальное поощрение, моральное поощрение, предоставление льгот, определенных преимуществ, дополнительных прав, награждение и др.*)²⁹ носят положительный заряд и имеют целью оказание человеку

повышенного внимания, признания, уважения, поднятие его авторитета.

Кому-то может показаться фантастикой идея о первостепенной роли морали в обществе будущего, особенно с позиций сегодняшнего дня. Но в 1924 г., когда А. Н. Толстой написал «Гиперболоид инженера Гарина», гиперболоид, прообраз лазерного луча, тоже казался сущей фантастикой. Сегодня лазер применяется во многих сферах жизни, даже в образовании (лазерная указка). Фантастической и крамольной в XVII в. казалась идея о правовом государстве, и мыслители (в частности, Локк, Кант) подвергались за нее гонениям.

Что касается морали как базового регулятора общества будущего, то уже в настоящее время постоянно приходят сообщения о том, как те или иные аморальные поступки (даже порой не противоречащие нормам права), совершенные известными людьми, вызывают серьезные, порой судьбоносные для них последствия. Так, например, депутат Бундестага Германии отдал депутатский мандат, будучи уличенным в том, что допустил плагиат в диссертации.

Заключение

Мир развивается асинхронно: разные страны движутся с разной скоростью и находятся в разном историческом времени, одни могут продвигаться быстрее других. Это сказывается и на социальном регулировании. Сегодня в эстафете социальных регуляторов страны мира проходят разные этапы. Если обобщенно, то страны Африки, частично Южной Америки в основном аграрные, и там обычаи и нормы религии задают тон. Среднеазиатские страны лишь устремились в мир индустрии, и религиозные нормы еще не потеряли там первостепенную значимость. Восточноевропейские страны, страны БРИКС и некоторые другие страны уже вполне являются индустриальными с опорой на

²⁷ См. подробнее: Кашанина Т. В. Санкции в праве: прошлое, настоящее, будущее // Lex russica. 2019. № 12. С. 96–99.

²⁸ Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019. С. 20.

²⁹ Кашанина Т. В. Санкции в праве: прошлое, настоящее, будущее. С. 99–101.

право. Промышленно развитые страны (США, Австралия, страны Западной Европы) прошли большой путь, и им открылся горизонт, где уже виден маяк информационного общества, коим является мораль!

Россия — индустриальная страна, и право — ее базовый регулятор. Однако от того, насколько эффективно оно будет выполнять свою роль, зависит скорость движения российского общества в этой эстафете.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. — М., 2001. — 448 с.
2. Амен Ф. Измените свой мозг — изменится и жизнь! — М., 2009. — 173 с.
3. Билл Клинтон // URL: <https://biographe.ru/politiki/bill-klinton> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Борунов Ю. Ф., Яблоков И. Н., Новиков М. П. и др. Основы религиоведения : учебник. — М., 1994. — 333 с.
5. Бочаров В. В. Неписанный закон. Антропология права. 2-е изд. — СПб., 2013. — 328 с.
6. Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. — М., 1984. — 272 с.
7. Визуальная сущность религии : монография / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева, Д. В. Пивоваров ; КрасГУ. — Красноярск, 2006. — 460 с.
8. Гилинский Я. И. Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е — 90-е гг. XX столетия // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2010. — № 1. — С. 7–19.
9. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. — М., 1999. — 335 с.
10. Кашанина Т. В. Санкции в праве: прошлое, настоящее, будущее // Lex russica. — 2019. — № 12. — С. 87–102.
11. Кашанина Т. В. Право в системе социальных регуляторов: так ли безоблачно его будущее? // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 7. — С. 11–26.
12. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. — М., 2006. — 554 с.
13. Магрина М. Мозг. Инструкция пользователя. — М., 2019. — 228 с.
14. Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении государства. — М., 2000. — 189 с.
15. Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. — Ростов н/Д, 1999.
16. Овчинников В. Ветка сакуры. — М., 2011. — 608 с.
17. Религиоведение : учеб. пособие / под ред. А. Ю. Григоренко. — СПб., 2008. — 508 с.
18. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. — М., 2008.
19. Сеницына И. Е. В мире обычая. — М., 1994..
20. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — № 2. — С. 9–20.
21. Соммер Д. С. Мораль XXI века. — М., 2019. — 480 с.
22. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. — М., 2003. — 669 с.
23. Тоффлер Э. Революционное богатство. — М., 2008. — 569 с.
24. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. — М., 2019. — 256 с.
25. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. — М., 2016.
26. Циновская И. Найден участок мозга, отвечающий за стыд // Деловой Петербург. — 29.03.2007. — URL: https://www.dp.ru/a/2007/03/29/Najden_uchastok_mozga_otv.

Материал поступил в редакцию 25 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev V. P., Pershits A. I. Istoriya pervobytnogo obshchestva. — M., 2001. — 448 s.
2. Amen F. Izmenite svoj mozg — izmenitsya i zhizn! — M., 2009. — 173 s.
3. Bill Klinton // URL: <https://biographe.ru/politiki/bill-klinton> (data obrashcheniya: 10.05.2024).
4. Borunkov Yu. F., Yablokov I. N., Novikov M. P. i dr. Osnovy religiovedeniya: uchebnik. — M., 1994. — 333 s.
5. Bocharov V. V. Nepisanyy zakon. Antropologiya prava. 2-e izd. — SPb., 2013. — 328 s.
6. Bromley Yu. V., Podolnyy R. G. Sozdano chelovechestvom. — M., 1984. — 272 s.
7. Vizualnaya sushchnost religii: monografiya / V. I. Zhukovskiy, N. P. Koptseva, D. V. Pivovarov; KrasGU. — Krasnoyarsk, 2006. — 460 s.
8. Gilinskiy Ya. I. Rossiyskaya sotsiologiya deviantnosti i sotsialnogo kontrolya (deviantologiya) v 60-e — 90-e gg. XX stoletiya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2010. — № 1. — S. 7–19.
9. Kashanina T. V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. — M., 1999. — 335 s.
10. Kashanina T. V. Sanktsii v prave: proshloe, nastoyashchee, budushchee // Lex russica. — 2019. — № 12. — S. 87–102.
11. Kashanina T. V. Pravo v sisteme sotsialnykh regulyatorov: tak li bezoblachno ego budushchee? // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 7. — S. 11–26.
12. Kreveld M. Rastsvet i upadok gosudarstva. — M., 2006. — 554 s.
13. Magrini M. Mozg. Instruktsiya polzovatelya. — M., 2019. — 228 s.
14. Maltsev G. V. Pyat lektsiy o proiskhozhdenii gosudarstva. — M., 2000. — 189 s.
15. Obychnoe pravo v Rossii: problemy teorii, istorii i praktiki. — Rostov n/D, 1999.
16. Ovchinnikov V. Vetka sakury. — M., 2011. — 608 s.
17. Religiovedenie: ucheb. posobie / pod red. A. Yu. Grigorenko. — SPb., 2008. — 508 s.
18. Rozov M. A. Teoriya sotsialnykh estafet i problemy epistemologii. — M., 2008.
19. Sinitsyna I. E. V mire obychaya. — M., 1994.
20. Sinyukov V. N. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna // Lex russica. — 2021. — № 2. — S. 9–20.
21. Sommer D. S. Moral XXI veka. — M., 2019. — 480 s.
22. Toffler E. Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka. — M., 2003. — 669 s.
23. Toffler E. Revolyutsionnoe bogatstvo. — M., 2008. — 569 s.
24. Fukuyama F. Identichnost. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya. — M., 2019. — 256 s.
25. Kharari Yu. N. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva. — M., 2016.
26. Tsinovskaya I. Nayden uchastok mozga, otvechayushchiy za styd // Delovoy Peterburg. — 29.03.2007. — URL: https://www.dp.ru/a/2007/03/29/Najden_uchastok_mozga_otv.

О дискуссионных аспектах правопонимания в свете проблем реализации права на охрану здоровья

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные аспекты реализации права на охрану здоровья и получение медицинской помощи в контексте развития представлений о субъективном праве как регуляторе поведения на основе ответственности правообладателя за самостоятельный выбор. Отмечено, что охрана здоровья как одной из главных человеческих ценностей привлекает повышенное внимание всех участников процесса, отличается высоким уровнем конфликтности и потому требует применения самых передовых правовых технологий для справедливого и эффективного упорядочения соответствующих отношений. Затронута весьма чувствительная и приоритетная сфера интересов каждого гражданина с позиций действенности защитных свойств конструкции субъективного права. На примере решений Верховного Суда РФ доказываются ограниченность возможностей выявления нарушений прав пациента при игнорировании различий права и закона и обосновывается потребность в корректировке представлений о субъективном праве, отождествляющих его с механизмом законодательной реализации. Получены новые знания, необходимые для развития теоретических аспектов взаимодействия права и закона в направлении усиления потенциала субъективного права как инструмента упорядочения отношений в условиях объективной ограниченности законодательной формы. Сделан вывод о перспективах укрепления правового пространства, в котором уровень защиты субъективных прав в сфере охраны здоровья коррелирует со способностью законных порядков нормирования отношений обеспечить правообладателям возможность свободного и под свою ответственность выбора траектории поведения, не исключающей (дающей шанс) повышения уровня качественных показателей медицинской помощи.

Ключевые слова: право; закон; нормирование; траектория поведения; субъективное право; свобода выбора; интерес; ответственность; охрана здоровья; оказание медицинской помощи.

Для цитирования: Васильев С. В. О дискуссионных аспектах правопонимания в свете проблем реализации права на охрану здоровья // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 26–37. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.026-037.

Controversial Aspects of Legal Consciousness in the light of the Problems of Implementation of the Right to Health Protection

Sergei V. Vasilyev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of State Law Disciplines and Theory of Law, Pskov State University, Pskov, Russian Federation
profi.60@mail.ru

Abstract. The paper examines problematic aspects of implementation of the right to health protection and medical care in the context of the development of ideas about a right as a regulator of behavior based on the responsibility

© Васильев С. В., 2025

* Васильев Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и теории права Псковского государственного университета
Ленина пл., д. 2, г. Псков, Российская Федерация, 180000
profi.60@mail.ru

of the copyright holder for independent choice. It is noted that health protection as one of the main human values attracts the increased attention of all participants involved in the process. It is characterized by a high level of conflict and, therefore, it requires the use of the most advanced legal technologies for a fair and effective regulation of the relations under consideration. A very sensitive and priority area of interests of every citizen is affected from the standpoint of the effectiveness of the protective properties of the right construction. Using the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, the author proves the limited possibilities of detecting violations of the patient's rights while ignoring the differences between a right and a law. The paper substantiates the need to correct ideas about the right, identifying it with the mechanism of legislative implementation. The author consolidates new knowledge necessary for the development of theoretical aspects of the interaction between the right and the law in the direction of strengthening the potential of the subjective right as a tool for regulating relations in conditions of objective limitations of the legislative form. The author concludes that the prospects for strengthening the legal space in which the level of protection of subjective rights in the field of health protection correlate with the ability of legal regulations to provide rights holders with the opportunity to freely and responsibly choose a trajectory of behavior that does not exclude (gives a chance) to increase the level of quality indicators of medical care.

Keywords: law; statute; rationing; trajectory of behavior; subjective law; freedom of choice; interest; responsibility; health protection; medical care.

Cite as: Vasilyev SV. Controversial Aspects of Legal Consciousness in the light of the Problems of Implementation of the Right to Health Protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):26-37. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.026-037.

Введение

Соотношение права и закона, их взаимодействие в современных условиях должны привлекать повышенное внимание ученых-правоведов, как нуждающиеся в глубоком осмыслении, вне которого сложно развивать правопонимание. Господствующий позитивистский подход склонен к отождествлению права и закона в пользу последнего. Несомненно, это позволяет успешно решать ряд вопросов упорядочения отношений, основываясь на обязательности законной формы и принуждении к исполнению ее нормативных предписаний. Такое регулирование всё более приобретает черты организующего управленческого воздействия, ограничивая нормированием инициативное поведение правообладателей. В результате «в тени» остаются некоторые правовые возможности, способные дать мотивационный стимул к самостоятельным действиям правообладателю во благо себе и окружающим.

Не в полной мере выражены и задействованы свойства (характеристики) права, позволяющие эффективно использовать в качестве регулятора поведения *ответственность* правообладателя за самостоятельный выбор.

В то же время ситуаций, когда это объективно необходимо, становится всё больше из-за стремительно проявляющего себя «неконтролируемого» многообразия новых и порой неожиданных явлений социума. Предугадать их и поставить под эффективный нормативный контроль на опережение ограниченная естественным образом форма закона иногда затрудняется.

В связи с этим возрастает потребность в поведении, поддержанном иным, нежели нормативный, типом правового регулирования. Речь идет об упорядочении отношений на основе самостоятельного и потому ответственного выбора поведенческой траектории, *защищаемой правом*, поскольку закон, например, может отставать в своевременном и адекватном нормировании нарождающихся реалий. Приоткрывается *иное поведенческое пространство* по отношению к формируемому законом. Необходимость разграничения права и закона становится заметнее. Право *помогает* делать свободный выбор, который производит сам правообладатель, учитывая и используя в меру своих способностей для поведенческого трека всю полноту разнообразных обстоятельств, наблюдаемых и осознаваемых им.

Настало время понимать право как своеобразный «оберег» возможности свободного выбора, способной стимулировать инициативный и творческий вариант поведения. Кроме прочего, оно побуждает законотворцев к формулировкам, обеспечивающим правовой характер закона и соответствие его праву. Например, в рамках такого правопонимания полнее осознается запрет для закона вторгаться нормативным обязыванием в ту область, где наиболее полезный для интересов правообладателя и его действий для общества эффект *может дать* ответственное поведение на основе самостоятельного выбора. Вероятна трансформация законодательного массива, в ходе которой не исключается масштабное изменение формулировок норм в направлении «освобождения» поведения носителей права под ответственность самостоятельного выбора.

Открываются новые перспективы корректировки не вполне зрелых нормативных актов, которые, вероятно, существуют и должны совершенствоваться. Например, В. С. Украинцева отмечает «дискриминационный характер Федерального закона “Об альтернативной гражданской службе”», являющийся причиной того, что «число граждан, желающих заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой, с каждым годом значительно уменьшается»¹. Можно привести и иные примеры, свидетельствующие о некоторых недостатках законодательной формы в ее конкретном исполнении, когда «констатируется необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в области реализации конституционного права граждан на охрану

здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации»².

Всё это требует обновления подходов в правопонимании, необходимость которого назрела, если учитывать потребность в адекватной правовой поддержке решения сложнейших задач эффективного развития ключевых сфер российского социума, и в частности сферы охраны здоровья.

Соотношение права и закона при толковании норм материального права в процессе реализации права на охрану здоровья

Учитывая вышесказанное, изучим решение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № АКПИ23-158³.

Надо полагать, что оно позволяет уточнить представления о некоторых важных аспектах правопонимания, используемого высшей судебной инстанцией, поскольку ее толкование норм материального права неизбежно включает в себя определенные подходы, затрагивающие соотношение таких важнейших категорий, как «право» и «закон», а также представления о субъективном праве.

Решение Верховного Суда РФ поднимает проблему обеспечения механизма реализации права на охрану здоровья и получение медицинской помощи, гарантированного Конституцией РФ, а также иных прав, системно взаимосвязанных с ним, что является крайне важным и очень непростым направлением правовой работы. Затронута весьма чувствительная и приоритетная сфера интересов каждого гражданина в контексте действенности защитных

¹ Украинцева В. С. К вопросу о совершенствовании Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-federalnogo-zakona-ob-alternativnoy-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 18.05.2024).

² Король Л. Н., Школяренко Е. А. Правовые аспекты реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации в условиях модернизации здравоохранения // Социальное и пенсионное право. 2020. № 2. С. 24.

³ Решение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № АКПИ23-158 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими в части пункта 9, абзаца второго пункта 11, пунктов 13, 14 Правил проведения ультразвуковых исследований, утв. приказом Минздрава России от 08.06.2020 № 557н» // СПС «КонсультантПлюс».

свойств субъективного права. Охрана здоровья как одной из главных человеческих ценностей привлекает повышенное внимание всех участников процесса, отличается высоким уровнем конфликтности и потому требует применения самых передовых правовых технологий для справедливого и эффективного упорядочения соответствующих отношений.

Ссылаясь на нормы Правил проведения ультразвуковых исследований (далее — Правила), Верховный Суд РФ отмечает, что для проведения ультразвуковых исследований (далее — УЗИ) лечащий врач оформляет направление на ультразвуковое исследование, которое, среди прочего, содержит наименование медицинской организации, куда направляется пациент.

Административный истец И. полагает, что указанные нормы не соответствуют положениям ряда федеральных законов и подзаконных актов, поскольку, во-первых, нарушается право пациента на получение платных медицинских услуг в виде осуществления отдельных медицинских вмешательств и, во-вторых, ограничивается право пациента, желающего произвести такое исследование платно, на выбор медицинской организации.

Верховный Суд РФ достаточно тщательно исследовал порядки и понятия, установленные соответствующими законами и подзаконными актами, полноту их системного взаимодействия и при изложенных обстоятельствах пришел к выводу, что оспариваемые нормативные положения соответствуют нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, не нарушают и не ограничивают прав административного истца в упоминаемых им аспектах⁴.

Комментируя решение, отметим, что Верховный Суд РФ, вероятно, полагает следующее. Возможность пациента пользоваться законными порядками *ничем не ограничена*. Нет никаких препятствий реализации субъективного права, механизм которого законодательно сформирован и системно выстроен. Закон правильно

и связно расставляет «по местам» и согласовывает права и обязанности участников процесса оказания медицинской помощи, формулирует и легализует необходимые понятия, которые раскрывают главные элементы всех основных медицинских процессов, нормативно обеспечивают их взаимодействие и пр.

Можно отметить, что возможность пациента защитить (реализовать) свое право *строго нормирована*. Это и есть основная гарантия или *гарантированная возможность* именно потому, что существует нормированный (и обязательный для пациента) вариант поведения или, если можно так выразиться, предложение, от которого невозможно отказаться (безальтернативность выбора). Иной порядок реализации права на получение медицинской помощи за рамками законодательного механизма не признается (нет альтернативы) и правом не защищается.

По нашему мнению, возможность выбора для пациента в вопросах охраны здоровья и обеспечения медицинской помощи неразрывно связана с его субъективным правом и должна присутствовать даже там, где, казалось бы, существует безальтернативность. Например, нет сомнений, что «цифровые технологии... помогают найти лучшие методы лечения и способствуют борьбе с раком и другими заболеваниями». Вместе с тем есть риски их использования и потому «должны гарантироваться право на отказ гражданина от использования в отношении его технологий, право на очный прием медицинского специалиста»⁵.

Не исключено, что рассматриваемое решение Верховного Суда РФ является тем примером, где *право и закон* несколько «разминулись». Их реальное взаимодействие в полной мере не учтено и не использовано в качестве инструмента упорядочения отношений в данном случае. Суд отождествляет право и закон, фактически растворяя право в законе, *не замечая* субъективного права пациента за пределами того, механизм реализации которого установлен законодательством. Негативным по-

⁴ Решение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № АКПИ23-158.

⁵ Игошкина М. Е. Применение цифровых технологий при реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь: проблемы и перспективы внедрения // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 46.

следствием решения становится утрата правообладателем *некоторых возможностей* эффективно использовать право в своих интересах *на пользу доступности и качеству* получения им медицинской помощи.

Увлеченность Суда нормированной возможностью практически исключает постановку вопроса *об оценке свободы выбора* варианта поведения правообладателем как способе *возможного повышения* уровня доступности медицинских услуг. У правообладателя нет свободного выбора (не используется эффективно альтернатива), поскольку на тот нормированный вариант, который ему предлагают, организационно «навячены» разные порядки (либо непосредственно, либо через ссылки). Их использование фактически ограничивает «избирательный маневр» самого пациента в направлении улучшения для него качественных показателей медицинской помощи. Попытки же сделать выбор не «по порядкам» (самостоятельно, как в случае истца И.), *но удобно для пациента* ведут к тому, что все альтернативные варианты поведения (без направления на УЗИ, без выписки, без лечащего врача) просто неправомерны и не укладываются в рамки предъявляемых законом требований.

По нашему мнению, принятое решение *существенно ограничивает* поведение, основанное на ответственном и самостоятельном выборе его траектории в условиях не контролируемого законом многообразия обстоятельств действительности, способных *реально затруднять* предписанный пациенту выбор «по порядкам». И эти затруднения при выборе «по порядкам» *могут свести на нет* целый ряд позитивных характеристик доступности и качества медицинской помощи, ставя пациента в не вполне удобное для него положение!

Дело в том, что законодательный массив основ охраны здоровья *неидеален*, несмотря на его высокую оценку в исследуемом решении, когда всё «согласуется с приведенными законоположениями». Например, есть мнение, что «анализ действующей редакции ст. 2 Закона № 323-ФЗ⁶ позволяет сделать вывод о том, что понятийно-категориальный аппарат нуждается в совершенствовании, которое, в свою очередь, будет способствовать раскрытию принципов и... эффективной реализации конституционного права каждого на охрану здоровья, в том числе медицинскую помощь»⁷.

Поэтому надо помнить об объективной ограниченности формы закона и применять ее с некоторой осторожностью, учитывая, что установленные ею порядки могут *иногда затруднять* реализацию субъективных прав граждан, входить в противоречие с ними. Возможно, поэтому нередко звучат заявления о нарушении прав пациентов, и истец И. не исключение. Как справедливо отмечают А. А. Мохов и Г. И. Селезнев, ссылаясь на президентский Указ от 06.06.2019 № 254⁸, «неудовлетворенность граждан доступностью и качеством медицинской помощи названа в числе наиболее значимых вызовов национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан»⁹.

Вместе с тем ведется целенаправленная работа по совершенствованию государственных гарантий в здравоохранении, в ходе которой учитываются возможные слабые звенья. Например, кадровый дефицит в сфере здравоохранения, для устранения которого необходима масштабная программа модернизации первичного звена. Здесь «основной объем подготовительной работы для реализации данной части государственной программы ложится на органы

⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁷ Соколова М. А. К вопросу о базовой терминологии Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // Медицинское право. 2023. № 4. С. 30.

⁸ Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 (ред. от 27.03.2023) «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2927.

⁹ Мохов А. А., Селезнев Г. И. Институт Уполномоченного по защите прав в сфере охраны здоровья граждан // Юрист. 2020. № 10. С. 71.

государственной власти субъектов Российской Федерации, которые определяют населенные пункты... где существует потребность в медицинских работниках»¹⁰.

В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Часть 3 ст. 41 Конституции указывает, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь¹¹.

Основной закон страны санкционирует допустимость поведения не только в рамках законных порядков, но и помимо них в рамках прямодействующего права. Почему бы и нет, если в рамках такого поведения правообладателю возможно получить более качественный для себя результат, который законом в конечном счете должен быть поддержан? Потому право не следует отождествлять с законодательным механизмом его реализации так прямолинейно, как это делает Верховный Суд РФ в исследуемом решении. Желательно это прямодействующее право выявить и при необходимости защитить.

Косвенно затрагивают проблему необходимости непосредственного действия такого конституционного права, как право на охрану здоровья и оказание медицинской помощи, С. С. Юрьев и П. Е. Короткова. Вероятно, такая может возникать, если законодательный механизм реализации не вполне отлажен. Например, авторы отмечают сложности с охраной здоровья граждан, подвергнутых домашнему аресту, указывая, что «из-за отсутствия специального законодательства... по реализации права на охрану здоровья данной категории лиц многие из них остаются без необходимой медицинской помощи»¹².

Закон, если он правовой, в идеале должен избегать нормирования поведения правообладателя (дать возможность выбора) там, где гражданину *может быть* более выгодно, с учетом ограниченных возможностей самого закона и его объективного регулятивного несовершенства на фоне конкретных обстоятельств, действовать самостоятельно и ответственно по ситуации. В случае с И. это означало бы, например, возможность пациента впервые прибыть к лечащему врачу уже с результатом УЗИ. Ведь в таком случае диагностирование этим врачом может быть более всесторонним, чем без УЗИ? Вопрос риторический.

Но пока, к сожалению, Верховный Суд РФ «правильным толкованием норм материального права» считает, вероятно, то, которое исключает мысль, что *может быть поведение* не в рамках законного порядка и обязанностей, установленных им, но тем не менее *в рамках права*.

Представления о субъективном праве как аргумент в дискуссии о методах правовой фиксации ограничений прав пациента

Крайне важным, но спорным моментом в решении Верховного Суда РФ, демонстрирующим особенности представлений о субъективном праве, является непризнание судом *новых ограничений* прав пациента в результате применения оспариваемых норм Правил. Суд утверждает, что применяемые во взаимосвязи пункты Правил (в том числе и оспариваемые) не устанавливают каких-либо обязанностей либо обременений для пациентов, а закрепляют обязанность лечащего врача по оформлению соответствующим образом направления на ультразвуковое исследование. По мнению же

¹⁰ Будаев А. М. Реализация права на охрану здоровья граждан на местном уровне: теория, практика, контроль // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 69.

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Юрьев С. С., Короткова П. Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 8.

административного истца И., таковые у пациентов возникают¹³.

Действительно, вопрос «есть новые обременения (обязанности) или их нет?» *принципиален*, и от правильного ответа на него зависит возможность дальнейшего совершенствования представлений о субъективном праве как конструкции, способной успешно защищать интересы пациента. Если, например, мы доказываем, что они *всё же появляются* при применении оспариваемой нормы, то надо дать правообладателю и *новую возможность* их преодолевать для получения доступной и качественной медицинской помощи. Иначе реализация права из-за нарушения баланса прав и обязанностей будет испытывать затруднения, а уровень качественных показателей помощи может снизиться.

В рамках исследуемого Судом нормативного массива такой возможности, вероятно, не найти, *да и не требуется искать*, т.к., по версии ВС РФ, оспариваемые нормы вообще дополнительных обременений (обязанностей) для пациента *не содержат*. Например, «доводы в апелляционной жалобе И. О. об излишнем обременении лиц... по тому основанию, что оспариваемые правовые нормы не позволяют проводить УЗИ без направления лечащего врача... несостоятельны, поскольку... именно лечащий врач организует своевременное квалифицированное обследование и лечение пациента»¹⁴. Соответственно, не требуется и нормирования возможности преодоления несостоявшихся обременений, поскольку по законодательству все обременения (обязанности) берет на себя лечащий врач и отрабатывает их своевременно, квалифицированно и всесторонне.

Но если мы всё же доказываем, что дополнительные обременения пациента при применении оспариваемой нормы появляются, приводя конкретные примеры? Тогда следует

вывод, который, возможно, надо иметь в виду при принятии правовых решений и при правильном толковании норм материального права: закон пока не готов для соответствующего нормирования (его в законе нет). Потому надо обеспечить правообладателю *возможность поведения* (и это его право!) по преодолению не учтенных законом затруднений пациента. Реализация субъективного права возможна за рамками не подготовленного к данной ситуации закона. Пожалуй, это и есть проявление, как указывалось выше, прямодействующего права, санкционируемого Конституцией РФ, в отличие от закона! В перспективе такое право стимулирует закон к позитивным изменениям, позволяя обнаружить его недостатки или объективную ограниченность. Разве это не способно укрепить правовой характер закона, соответствуя конституционным положениям?

По мнению административного истца И., пункт 13 Правил ограничивает право пациента, желающего произвести исследование платно, на выбор медицинской организации, поскольку требует указать в направлении от лечащего врача наименование медицинской организации, в которую направляется пациент для проведения УЗИ. Верховный Суд РФ возражает, отмечая, что этот пункт «не исключает возможности внесения в направление изменений в части наименования медицинской организации... и не ограничивает право пациента на выбор медицинской организации... как на стадии получения направления, так и в случае изменения выбора вследствие не зависящих от него причин»¹⁵.

Согласимся, что «возможность внесения изменений» в направление пункт не исключает, но явно *ограничивает эту возможность* рядом дополнительных действий и неудобств, которые на пациента налагаются по результату. Особенно не «на стадии получения направления»,

¹³ Решение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № АКПИ23-158.

¹⁴ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20.07.2023 № АПЛ23-259 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № АКПИ23-158, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими в части пункта 9, абзаца второго пункта 11, пунктов 13, 14 Правил проведения ультразвуковых исследований, утв. приказом Минздрава России от 08.06.2020 № 557н» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20.07.2023 № АПЛ23-259.

а «в случае изменения выбора вследствие не зависящих от него причин». Вероятно, имеется в виду вариант, когда направление уже получено. Не совсем понятно, почему именно «вследствие не зависящих от него (курсив мой. — С. В.) причин». Напротив, пациенту надо иметь возможность поменять выбор, если гражданин считает это для себя необходимым по причинам, зависящим *именно от него* и *именно для него* важным. Например, когда иной выбор становится более удобным *именно для этого* гражданина, трезво рассчитавшего, что иная комбинация обстоятельств логистического, инфраструктурного характера, затрат времени, средств при выборе иной организации УЗИ в их совокупности *может улучшить* параметры его доступа к медицинской услуге и ее качественные показатели (своевременность, всесторонность, квалификация).

По нашему мнению, есть косвенные подтверждения, что суд всё же понимает шаткость предпосылки об отсутствии дополнительных обязанностей и обременений пациента в оспариваемой норме Правил. Но он пытается «отвести удар» от себя, отмечая, что «ссылки... на произвольный и избыточный характер предписания пункта 13 Правил, закрепляющего необходимость указания в направлении наименования медицинской организации, по сути, сводятся к целесообразности изменения правового регулирования в рассматриваемой сфере»¹⁶.

Не вполне согласимся! В рассматриваемой ситуации вопрос не в «целесообразности изменения правового регулирования в рассматриваемой сфере», насчет которой должны принимать решение «соответствующие компетентные органы государственной власти». Вопрос в том, что произвольный и избыточный характер предписания Правил *уже сейчас* ограничивает соответствующие права пациента, а потому не исключается его *неправовой характер*. Но, к сожалению, правопонимание Верховного Суда РФ не позволяет это идентифицировать.

Возможность для пациента после получения направления выбрать иную медицинскую

организацию для проведения УЗИ ограничивается. Возникает если не обязанность, то явно обременение, во-первых, воспользоваться не тем, чем, например, захотелось бы правообладателю (т.е. против воли и желания) с учетом складывающихся реальных обстоятельств, или, во-вторых, начать получение направления снова и выполнять действия, требующие дополнительных пространственных, временных и иных затрат. Если менять сведения в направлении, то можно усмотреть *обязанность пациента* получить новое направление от лечащего врача для проведения УЗИ, которая ограничивает право выбора.

Запрет медицинским организациям без направления лечащего врача оказывать платные медицинские услуги (УЗИ) по выбору пациента нарушает (или ограничивает) его право на получение платных медицинских услуг в виде осуществления отдельных медицинских вмешательств. Разве не просматривается *новая обязанность* пациента после появления оспариваемой нормы Правил, ограничивающая это право? Приобрести платную медицинскую услугу (УЗИ) можно только при *обязательном приобретении* иной медицинской услуги — консультации врача-специалиста (лечащего врача).

Потому выглядит спорным мнение Верховного Суда РФ, где «применяемые во взаимосвязи с изложенными пунктами Правил пункт 9, абзац второй пункта 11 и пункт 14 Правил не устанавливают каких-либо обязанностей либо обременений для пациентов...»¹⁷.

Оспариваемые нормы Правил — тот случай, когда возможности выбора пациентом всё же ограничиваются. Например, при выборе врача не доступен поведенческий трек «вначале врач УЗИ, и лишь потом лечащий врач», хотя пациент может сомневаться в компетентности и желать получить более качественный результат диагностирования в более разумные сроки. Или при выборе медицинского учреждения не доступен вариант выбора *более удобной для пациента* траектории получения медицинской помощи, когда территориально медицинских

¹⁶ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20.07.2023 № АПЛ23-259.

¹⁷ Решение Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № АКПИ23-158.

учреждений несколько, места оказания услуг УЗИ и лечащих врачей расположены по-разному, имеют различную материально-техническую оснащенность, расстояния между соответствующими локациями значительны, транспортная логистика неидеальна.

Пациент должен иметь возможность *оперативно выбрать* траекторию поведения, учитывающую *реальные обстоятельства* (опыт врача, время диагностирования, нуждаемость в финансовых средствах, особенности инфраструктуры, логистики и пр.). И потому *может лучше* обеспечить охрану *своего здоровья*, получив более качественную по показателям, например, своевременности, всесторонности и квалифицированности медицинскую помощь в результате реализации собственного поведенческого трека. Исходя из совокупной оценки всех реальных условий, пациент может решить (по своему усмотрению, самостоятельно и потому *ответственно*), как *ему действовать* наиболее правильно и в своих интересах для получения *возможно лучшего* (но не факт!) результата. Это и есть его право и его ответственность. Решается вопрос не факта, а права. Право предстает как формальная *возможность свободного выбора*.

Административному истцу И. как пациенту надо *расширить свободу выбора* по своему усмотрению, поскольку она, впрочем, как и все остальные граждане, знает, что «при оказании медицинской помощи высока вероятность причинения вреда жизни и здоровью пациента как вследствие непрофессиональных действий медицинских работников, так и в силу ряда объективных факторов: недостаточной материально-технической оснащенности учреждений... и пр.»¹⁸. Пациентам надо иметь возможность эти негативные факторы нейтрализовать, реализуя в том числе и самостоятельный поведен-

ческий трек в рамках права, конкурирующего с законом. Закон от этого будет становиться лишь совершеннее, укрепляя свой правовой характер.

Любопытно мнение А. В. Сковородко, который отмечает, что фактором умаления конституционного права граждан на медицинскую помощь может быть скрытое рacionamento¹⁹. И. В. Тимофеев указывает, что «оно реализуется в организации очередей за получением медицинской услуги (из-за которых становится невозможным получить ее в необходимые сроки), в бюрократических препонах (предоставление различного рода документов, справок и т.д.)...»²⁰. Разве это не напоминает тот случай, который рассмотрен Верховным Судом РФ по административному иску И., поскольку оспариваемая норма выглядит как правило выстраивания очереди на УЗИ и укрепления бюрократических препон?

Право на выбор врача или медучреждения обеспечивается, но выбор происходит в соответствии с порядками, установленными законодательством. Возможно, такая ограниченность законом при этом важном и ответственном для здоровья пациентов выборе многих из них не устраивает, затрудняя его.

К сожалению, Суд не пытается оценить *затруднения лица* воспользоваться порядками выбора (врача, медицинского учреждения, услуги) из-за их «правовой некачественности». Суд их просто не замечает, констатируя отсутствие обязанностей пациента! Игнорируется версия истца, что право гражданина ограничено новыми обременениями. Если же ее признать, то следует вывод: надо менять порядки (вносить изменения в закон). Но пока они не изменились (и менять их не в компетенции Суда), надо *дать возможность* поведению пациента помимо этих порядков (и это компетенция суда!), затрудняющих (ограничивающих) реализацию права.

¹⁸ Шакирова Э. Компенсации пациентам и их родственникам после операций — анализ споров // Жилищное право. 2023. № 12. С. 105.

¹⁹ Сковородко А. В. Искусственный интеллект в нормотворческом процессе в сфере реализации ветеранами Вооруженных Сил Российской Федерации, пострадавшими при выполнении воинского долга, и членов их семей конституционного права на охрану здоровья // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 7. С. 31.

²⁰ Тимофеев И. В. Доступность и необходимость (показанность) медицинской помощи: конституционно-правовое содержание понятий // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 23.

Это предполагает выход на *другой уровень правопонимания*, затрагивающий по-иному соотношение права и закона, а также понятие конструкции субъективного права.

Заключение

Сделаем важный вывод: при правовом подходе к проблеме охраны здоровья и оказания медицинской помощи нельзя терять *ни одной возможности* достичь более благоприятного для пациента результата. Поэтому, вероятно, настает время, когда и *законные порядки* нормирования отношений следует строже оценивать по их способности предоставлять правообладателям возможность свободного выбора траектории поведения под свою ответственность, не исключаящей (дающей шанс) повышения уровня качественных показателей медицинской помощи.

В исследуемом решении Верховный Суд РФ не произвел оценки прав пациента таким способом, заменив ее, по сути, оценкой качества нормирования управления процессом оказания медицинской помощи как некоторого *отлаженного профессионального взаимодействия*. Поэтому решение Верховного Суда РФ не столько правовое, сколько организационно-управленческое, подтверждающее высокий уровень организации и взаимодействия различных звеньев медицинского сообщества при оказании медицинской помощи пациентам. И с этой организационно-управленческой позиции нареканий к медицинской помощи как бы и нет.

Оценивая правовую позицию, отметим, что в результате этого решения пациент в последующем, как и прежде, *будет вынужден получать* (безальтернативность выбора) медицинскую помощь как некоторый готовый продукт организационно-управленческого медицинского процесса с предустановленными характеристиками. Верховный Суд РФ так и *не сумел различить*

медицинскую помощь как «производимый продукт», в создании которого пациент практически не участвует (освобожден законом от обязанностей и обременений), и право на оказание медицинской помощи, отождествив их.

Вероятно, право пациента реализуется в основном не там, где он получает этот продукт организованного медицинского процесса, а там, где ему по-прежнему в должной мере так и не предоставлена *возможность влиять* на характеристики медицинской помощи *в своих интересах*. Суд, например, не оценил, каким образом поведение пациента в условиях нормированных законом порядков *способно оказать воздействие* на ключевые для пациента показатели медицинской помощи: ее своевременность, всесторонность и квалифицированность. И есть ли у него такое право? С этой точки зрения право пациента осталось не вполне защищенным!

Любопытно, что в научных источниках по деликтному и договорному праву России в последние годы прослеживается повышенный интерес к зарубежной доктрине «утраты шанса» (англ. loss of chance, фр. perte de chance), обосновывающей возможность возмещения лицу потери возможности достичь благоприятного для него результата в результате противоправного поведения ответчика²¹. Обратим внимание на то, что «чаще всего проблема юридизации утраченной возможности исследуется применительно к медицинской деятельности»²².

Это весьма интересный подход, при котором, по нашему мнению, возрастает роль субъективного права как инструмента, защищающего и расширяющего возможности лица по выбору варианта поведения (укрепление свободы выбора). Потеря (утрата) возможности достичь *более благоприятного* для него результата оценивается по меньшей мере как ограничение субъективного права, если таковое приравнивают к возможности свободного выбора.

²¹ См.: *Соболев С. И.* Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. С. 32; *Дондоков А. И.* Доктрина Loss of Chance в английском праве // Закон. 2013. № 7. С. 150–155.

²² *Колесниченко О. В.* Утрата шанса в сфере защиты права на здоровье: новый доказательственный стандарт или деликтная потеря? // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 37.

Сказанное можно связать с изучаемым оспариванием нормы Правил, поскольку она лишает пациента выбора варианта поведения, который в конкретных условиях, *возможно, позволил бы ему* (дал бы шанс) достичь более благоприятного для него результата при охране здоровья и оказании медицинской помощи. Противоправное поведение «ответчика» может выражаться в принятии нормы, лишаящей пациента такой возможности или ограничивающей ее.

Есть обнадеживающие признаки того, что субъективное право пациента в правоприменительной практике всё более связывают с возможностью выбора, препятствия которому при-

равниваются к нарушению или ограничению этого права. Например, «в российской судебной практике»²³ постепенно получает признание идея о том, что пострадавшему не может быть отказано в компенсации, если допущенные дефекты оказания медицинской помощи сами по себе не способны вызвать неблагоприятный исход, однако препятствуют выбору верной тактики лечения (дефекты диагностики, ведения документации и т.п.)»²⁴.

Хочется связать это с рассматриваемым случаем. Однако исследуемое решение Верховного Суда РФ пока нельзя считать примером признания такой идеи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будаев А. М. Реализация права на охрану здоровья граждан на местном уровне: теория, практика, контроль // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 10. — С. 64–71.
2. Дондоков А. И. Доктрина Loss of Chance в английском праве // Закон. — 2013. — № 7. — С. 150–155.
3. Игошкина М. Е. Применение цифровых технологий при реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь: проблемы и перспективы внедрения // Государственная власть и местное самоуправление. — 2023. — № 6. — С. 45–47.
4. Колесниченко О. В. Утрата шанса в сфере защиты права на здоровье: новый доказательственный стандарт или деликтная потеря? // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 9. — С. 36–40.
5. Король Л. Н., Школяренко Е. А. Правовые аспекты реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации в условиях модернизации здравоохранения // Социальное и пенсионное право. — 2020. — № 2. — С. 23–28.
6. Мохов А. А., Селезнев Г. И. Институт Уполномоченного по защите прав в сфере охраны здоровья граждан // Юрист. — 2020. — № 10. — С. 68–74.
7. Сковородко А. В. Искусственный интеллект в нормотворческом процессе в сфере реализации ветеранами Вооруженных Сил Российской Федерации, пострадавшими при выполнении воинского долга, и членов их семей конституционного права на охрану здоровья // Право в Вооруженных Силах. — 2019. — № 7. — С. 28–37.
8. Соболев С. И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 6. — С. 27–73.
9. Соколова М. А. К вопросу о базовой терминологии Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // Медицинское право. — 2023. — № 4. — С. 27–31.
10. Тимофеев И. В. Доступность и необходимость (показанность) медицинской помощи: конституционно-правовое содержание понятий // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 6. — С. 20–25.

²³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.08.2021 № 57-КГ21-11-К1 // URL: <https://base.garant.ru/402693357/> (дата обращения: 18.02.2023).

²⁴ Колесниченко О. В. Указ. соч. С. 38.

11. Украинцева В. С. К вопросу о совершенствовании Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-federalnogo-zakona-ob-alternativnoy-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 18.05.2024).
12. Шакирова Э. Компенсации пациентам и их родственникам после операций — анализ споров // Жилищное право. — 2023. — № 12. — С. 105–112.
13. Юрьев С. С., Короткова П. Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения // Адвокатская практика. — 2021. — № 5. — С. 7–12.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Budaev A. M. Realizatsiya prava na okhranu zdorovya grazhdan na mestnom urovne: teoriya, praktika, kontrol // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 10. — S. 64–71.
2. Dondokov A. I. Doktrina Loss of Chance v angliyskom prave // Zakon. — 2013. — № 7. — S. 150–155.
3. Igoshkina M. E. Primenenie tsifrovyykh tekhnologiy pri realizatsii prava na okhranu zdorovya i meditsinskuyu pomoshch: problemy i perspektivy vnedreniya // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2023. — № 6. — S. 45–47.
4. Kolesnichenko O. V. Utrata shansa v sfere zashchity prava na zdorove: novyy dokazatelstvennyy standart ili deliktная потеря? // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2023. — № 9. — S. 36–40.
5. Korol L. N., Shkolyarenko E. A. Pravovye aspekty realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na okhranu zdorovya i meditsinskuyu pomoshch v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh modernizatsii zdravookhraneniya // Sotsialnoe i pensionnoe pravo. — 2020. — № 2. — S. 23–28.
6. Mokhov A. A., Seleznev G. I. Institut Upolnomochennogo po zashchite prav v sfere okhrany zdorovya grazhdan // Yurist. — 2020. — № 10. — S. 68–74.
7. Skovorodko A. V. Iskusstvennyy intellekt v normotvorcheskom protsesse v sfere realizatsii veteranami Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii, postradavshimi pri vypolnenii voinskogo dolga, i chlenov ikh semey konstitutsionnogo prava na okhranu zdorovya // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. — 2019. — № 7. — S. 28–37.
8. Sobolev S. I. Preparirovanie instituta subsidiarnoy otvetstvennosti pri administrativnoy likvidatsii dolzhnika // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 6. — S. 27–73.
9. Sokolova M. A. K voprosu o bazovoy terminologii Federalnogo zakona № 323-FZ «Ob osnovakh okhrany zdorovya grazhdan v RF» // Meditsinskoe pravo. — 2023. — № 4. — S. 27–31.
10. Timofeev I. V. Dostupnost i neobkhodimost (pokazannost) meditsinskoy pomoshchi: konstitutsionno-pravovoe sodержание ponyatiy // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2018. — № 6. — S. 20–25.
11. Ukraintseva V. S. K voprosu o sovershenstvovanii Federalnogo zakona «Ob alternativnoy grazhdanskoj sluzhbe» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-federalnogo-zakona-ob-alternativnoy-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 18.05.2024).
12. Shakirova E. Kompensatsii patsientam i ikh rodstvennikam posle operatsiy — analiz sporov // Zhilishchnoe pravo. — 2023. — № 12. — S. 105–112.
13. Yurev S. S., Korotkova P. E. Pravo na okhranu zdorovya i domashniy arest: problemy regulirovaniya i pravoprimeneniya // Advokatskaya praktika. — 2021. — № 5. — S. 7–12.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.038-047

М. А. Кокотова*

О толковании законодательного понятия общественного контроля в деятельности отдельных местных общественных палат (советов)

Аннотация. Целью статьи являются поиск и описание различий между легальной конструкцией общественного контроля и ее осуществлением на материалах практики реализации Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» местными общественными палатами (советах). Рассматривались данные об осуществлении общественного контроля с официальных сайтов местных общественных палат (советов), список которых взят с соответствующих официальных сайтов органов государственной власти субъектов РФ. Проанализированы 5 % (19 сайтов) от общего количества сайтов субъектов РФ, где была найдена информация об общественных палатах. Был проведен анализ законодательства и муниципальных правовых актов, регулирующих рассматриваемые отношения, а также документов общественных палат (советов) об осуществлении контроля с 2019 по 2023 г. Автор делает вывод о том, что общественный контроль используется преимущественно как форма помощи граждан органам местного самоуправления, при этом положения Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», закрепляющие перечень объектов контроля, толкуются расширительно, а положения о составе информации, подлежащей размещению субъектами контроля по итогам проверочных мероприятий, — ограничительно.

Ключевые слова: общественный контроль; местные общественные палаты; местные общественные советы; осуществление контроля; подконтрольные субъекты; инициаторы контроля; опубликование; толкование закона; социология права; нормы.

Для цитирования: Кокотова М. А. О толковании законодательного понятия общественного контроля в деятельности отдельных местных общественных палат (советов) // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 38–47. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.038-047.

© Кокотова М. А., 2025

* Кокотова Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
km231089@yandex.ru

The Interpretation of the Legislative Concept of Public Control in the Work of Individual Local Public Chambers (Councils)

Maria A. Kokotova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
km231089@yandex.ru

Abstract. The paper aims to find and describe the differences between the legal structure of public control and its implementation based on the results of implementing Federal Law No. 212-FZ dated 21.07.2014 «On the Foundations of Public Control in the Russian Federation» by local public chambers (councils). The author examined the data on the implementation of public control from the official websites of local public chambers (councils), the list of which was taken from the relevant official websites of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation. The author analyzed 5 % (19 websites) out of the total number of websites of constituent entities of the Russian Federation where information about public chambers was found. The author carried out the analysis of legislation and municipal legal acts regulating the relations in question, as well as documents of public chambers (councils) on the implementation of control from 2019 to 2023. The author concludes that public control is used primarily as a form of assistance to citizens provided by local governments, while the provisions of the Federal Law «On the Foundations of Public Control in the Russian Federation» fixing the list of control objects are interpreted broadly, and the provisions regulating the composition of information to be posted by control entities based on the results of verification activities are restrictive.

Keywords: public control; local public chambers; local public councils; control; controlled entities; initiators of control; publication; interpretation of the law; sociology of law; norms.

Cite as: Kokotova MA. The Interpretation of the Legislative Concept of Public Control in the Work of Individual Local Public Chambers (Councils). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):38-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.038-047.

В статье положения Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹ (далее — Закон об общественном контроле) рассматриваются через призму практики его реализации местными общественными палатами (советами) в России; при этом внимание уделяется лишь тем моментам, в которых буквальное содержание Закона об общественном контроле и его реализация расходятся.

Данный подход можно обосновывать тем, что «сконструированность правовой системы и ее воспроизводство (инновационное и традиционное)»² задаются «действиями и ментальной активностью человека»³. В настоящем

исследовании он может быть полезен для лучшего уяснения содержания положений Закона об общественном контроле, позволяя принять во внимание их конкретизацию в практике и актах общественных палат (советов), а также расхождения между легальной конструкцией и ее воплощением на практике.

Данные. В настоящем исследовании использованы данные об осуществлении общественного контроля с официальных сайтов местных общественных палат (советов). Их перечень взят с официальных сайтов общественных палат субъектов РФ, перечень сайтов субъектов, в свою очередь, — с сайта Общественной палаты РФ. При этом рассматривались документы

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в редакции федеральных законов от 03.07.2016 № 353-ФЗ; от 29.12.2017 № 455-ФЗ; от 27.12.2018 № 498-ФЗ) // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4213.

² См.: Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. 2016. № 2 (325). С. 70.

³ См.: Честнов И. Л. Указ. соч. С. 70.

не всех российских муниципальных общественных палат (советов), поскольку это составило бы чересчур большой объем данных. Исходя из наработок методологии юридической социологии, сокращение объема исследуемых материалов допустимо с учетом теории вероятности, а «уменьшение объема документов позволит извлечь из каждого больше информации»⁴.

Сокращение объема рассматриваемых материалов заключалось в ограничении числа рассмотренных сайтов и количества изученных документов. В выборку были включены данные каждого 20-го сайта; всего проанализированы данные 19 сайтов (т.е. 5 % от общего числа сайтов местных общественных палат (советов) РФ). Рассматривались учредительные акты указанных органов по состоянию на 11 сентября 2023 г., а также документы, размещенные в период с 2019 по 2023 г. (т.е. после принятия последних изменений в Закон об общественном контроле). К тому же выложенные ранее документы есть на сайте только одной из рассматриваемых палат⁵, поэтому они не учитывались, чтобы объем рассматриваемого материала по разным палатам был примерно равным.

Конструкция общественного контроля по Закону об общественном контроле. Закон об общественном контроле описывает свой предмет следующим образом. Субъектом контроля названы общественные палаты (советы) на всех уровнях власти. Соответственно, Закон не регулирует отношения по осуществлению специализированного общественного контроля (природоохранного, контроля за проведением выборов и т.д.) (ч. 3 ст. 2); данные виды контроля не будут рассматриваться и в настоящей статье. Объект контроля определяется как деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с

федеральными законами отдельные публичные полномочия (ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 22).

Содержание контроля можно раскрыть через алгоритм его осуществления, который включает следующие этапы:

1. Инициирование контроля.
2. Получение данных о контролируемых объектах.
3. Оценка полученных данных и выводение результатов проверки.
4. Предоставление результатов проверки уполномоченным органам (должностным лицам) и опубликование сведений об осуществленном контроле.

Часть 1 ст. 18 Закона об общественном контроле содержит открытый перечень форм контроля, включающий общественный мониторинг, общественную проверку, общественную экспертизу, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания.

Описанная схема оставляет довольно многое на усмотрение самих общественных палат (советов), практика которых не только дополняет, но и порой изменяет по ряду позиций предусмотренную в Законе об общественном контроле схему. В частности, это касается предмета контроля, перечня субъектов, уполномоченных его инициировать, и порядка опубликования данных о результатах контрольных мероприятий.

Расширение предмета контроля в части круга подконтрольных субъектов. Наиболее принципиальным отличием можно назвать расширение предмета контроля⁶. В статьях 1 и 4 Закона об общественном контроле он определяется как деятельность органов публичной власти, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. Однако в практике рассматриваемых общественных палат (советов), помимо деятельности

⁴ Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1986. С. 238–239.

⁵ Это сайт Общественной палаты городского округа Домодедово Московской области.

⁶ Подобная практика осуществляется двумя из четырех общественных палат, которые приводят данные о результатах контроля на своих сайтах (50 %).

названных субъектов, проверяются также, например, организации общественного питания⁷, управляющие организации⁸. Для осуществления этого контроля используется проведение осмотров проверяемых объектов: детских площадок, подъездов многоквартирных домов, мест сбора мусора, т.е. контролируется в том числе территория, обязанности по содержанию которой, в соответствии с ч. 1 и 9 ст. 55.25 Градостроительного кодекса РФ⁹, лежат на собственниках многоквартирных домов. Органы же местного самоуправления лишь осуществляют контроль за тем, надлежащим ли образом выполняются эти обязательства. Конечно, можно предположить, что общественные палаты (советы) оценивают в данном случае качество осуществления муниципального контроля, однако это представляется чрезмерно большой натяжкой. Для осуществления подобного контроля потребовалась бы проверка достаточного количества управляющих компаний, сопровождаемая анализом данных о количестве и периодичности проверок управляющих организаций, проведенных органами местного самоуправления, что не делается. Что касается общественного питания, то создание условий для обеспечения жителей такими услугами относится к вопросам местного значения тех же городских и сельских поселений.

В проверке деятельности управляющих организаций есть своя логика. Уровень жизни населения непосредственно зависит от качества работы таких организаций. Содержание многоквартирных домов до появления управляющих организаций, как известно, осуществлялось в том числе местными органами власти, и сейчас этим могут заниматься в том числе муниципальные унитарные предприятия.

В то же время управление многоквартирным домом с очевидностью не является осуществлением властных полномочий. В силу этого общественный контроль управляющих организаций исходит из настолько расширительного толкования Закона об общественном контроле, что речь идет о принципиальном различии в преследуемых целях. По Закону об общественном контроле общественные палаты (советы) контролируют тех, кто осуществляет публичные полномочия, т.е. общество контролирует власть, обеспечивая тем самым ее легитимность¹⁰, «защиту прав и свобод человека и гражданина, учет общественного мнения, противодействие коррупции и повышение открытости и эффективности деятельности органов власти»¹¹. Но когда общественная палата проверяет деятельность управляющей организации, это скорее можно охарактеризовать как помощь общественности органам местного самоуправления в контроле

⁷ См.: Официальный сайт администрации г. Пыть-Яха // URL: <https://adm.gov86.org/399/688/2357/2747/>.

⁸ См.: акт о проведении общественного мониторинга Общественной палаты городского округа Домодедово Московской области от 10.09.2019 № 2 (проверка благоустройства дома, управление которым осуществляет ООО «КТК “Прима”») // Городской округ Домодедово : официальный сайт. URL: [https://domod.ru/upload/iblock/dc5/Мониторинг от 10.09.2019г \(14\).pdf](https://domod.ru/upload/iblock/dc5/Мониторинг%20от%2010.09.2019г%20(14).pdf) ; акт о проведении общественного мониторинга Общественной палаты городского округа Домодедово Московской области от 10.09.2019 № 9 (проверка благоустройства дома, управление которым осуществляет ООО «Гюнай») // Городской округ Домодедово : официальный сайт. URL: [https://domod.ru/upload/iblock/098/Мониторинг от 10.09.2019г \(11\).pdf](https://domod.ru/upload/iblock/098/Мониторинг%20от%2010.09.2019г%20(11).pdf) ; акт о проведении общественного мониторинга Общественной палаты городского округа Домодедово Московской области от 10.02.2019 № 8 (проверка благоустройства дома, управление которым осуществляет ООО «КТК “Прима”») // Городской округ Домодедово : официальный сайт. URL: [https://domod.ru/upload/iblock/d16/Мониторинг от 10.09.2019г \(9\).pdf](https://domod.ru/upload/iblock/d16/Мониторинг%20от%2010.09.2019г%20(9).pdf).

⁹ Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 16.

¹⁰ См.: Белешев Н. А. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как признак ее легитимности // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 12–13.

¹¹ См.: Бердникова Е. В. Правовые подходы к определению общественного контроля // Современное право. 2016. № 3. С. 37.

за поднадзорными им субъектами; граждане здесь не контролируют представителей публичной власти, а помогают им.

Ту же цель преследует проверка исполнения национальных проектов¹², только в этом случае общественные палаты (советы) оказывают помощь не органам местного самоуправления, а органам государственной власти.

Конечно, любой общественный контроль направлен на выявление нарушений и тем самым помогает органам публичной власти. Однако контроль за органами публичной власти усложняет работу последних настолько, что необходим поиск баланса «между обеспечением беспрепятственной работы государственного аппарата и осуществлением полноценного контроля за ним со стороны общества»¹³; контроль же общественных палат (советов) за поднадзорными органам публичной власти организациями в норме должен облегчать работу указанных органов. Иными словами, общественный контроль всегда идет на пользу обществу, но деятельность конкретного органа публичной власти может даже затруднять.

Таким образом, проверку общественными палатами (советами) коммерческих организаций можно рассматривать как выход за пределы полномочий, закрепленных за ними Законом об общественном контроле. Правда, здесь необходима еще одна оговорка. Можно предполо-

жить, что управляющие организации подпадают под категорию «организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия», о которых говорится в ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 22 названного Закона. Определение таких организаций в законодательстве не закреплено, а оказание коммунальных услуг можно назвать деятельностью, затрагивающей публичный интерес. Исходя из этого можно предположить, что управляющие организации способны участвовать в осуществлении публичных полномочий. Законодательство субъектов РФ, в которых осуществляется описанная практика, также дает основания для подобного толкования: Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Об общественном контроле в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре»¹⁴ содержит отсылочную норму, согласно которой объектами общественного контроля могут выступать, помимо государственных органов и организаций, «иные организации в соответствии с федеральными законами» (ст. 6), а статья 5 Закона Москвы «Об обеспечении открытости информации и общественном контроле в сферах благоустройства, жилищных и коммунальных услуг»¹⁵ в принципе определяет объект общественного контроля не через подконтрольных субъектов, а через сферы: благоустройство, жилищные и коммунальные услуги.

Впрочем, такие соображения спорные¹⁶, да и в принципе самостоятельное установление

¹² В качестве примера такого контроля см.: акт о проведении общественного мониторинга Общественной палаты городского округа Домодедово Московской области от 26.08.2019 № 8 // Городской округ Домодедово : официальный сайт. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https://domod.ru/upload/iblock/604/Мониторинг_МКД_от_26.08.docx&wdOrigin=BROWSELINK.

О таком контроле см. также: Азибалов Ю. В. Общественный контроль: практика, проблемы, направления совершенствования // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2020. № 2 (41). С. 63–65.

¹³ См.: Гончаров В. В. Условия ограничения права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля (конституционно-правовой анализ) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 49.

¹⁴ Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.11.2014 № 96-оз «Об общественном контроле в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 2014. № 11. Ст. 1324.

¹⁵ Закон г. Москвы от 12.03.2014 № 9 «Об обеспечении открытости информации и общественном контроле в сферах благоустройства, жилищных и коммунальных услуг» // Ведомости Московской городской Думы. 2014. № 4. Ст. 61.

¹⁶ Например, А. В. Савоськин, анализируя законодательство о подаче обращений граждан, предлагает относить к организациям, осуществляющим публично-властные функции, не все, а лишь те организации,

общественной палатой круга организаций, подлежащих контролю, в отсутствие легального определения, очевидно, является чрезмерным усмотрением правоприменителя. Думается, что защита прав подконтрольных субъектов требует законодательного закрепления их перечня, исключающего неопределенность в истолковании. В частности, возможно закрепить в Законе об общественном контроле определение организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия (и/или полномочий, относимых к публичным), или критерии отнесения к таким организациям, тем самым уточнив объект общественного контроля.

Инициирование контроля. Часть 2 ст. 20 и часть 3 ст. 22 Закона об общественном контроле называют в качестве инициаторов контроля органы публичной власти и общественные палаты. В положениях и регламентах самих палат инициаторы контроля упоминаются лишь через указание на то, кто принимает планы работы палаты (которые включают в том числе мероприятия по проведению общественного контроля). Данные планы утверждаются руководством общественных палат (советов) в лице различных органов и лиц¹⁷, реже — всей палатой¹⁸.

Таким образом, участие в этой процедуре лиц, не входящих в состав палаты, нормативно не закрепляется, однако в практике обществен-

ных палат (советов) упоминается проведение проверки в связи с наличием многочисленных обращений граждан¹⁹ — т.е. граждане здесь тоже выступают инициаторами, но не напрямую, а косвенно.

Помимо указанных, логически возможными вариантами могут быть инициирование контрольных мероприятий членами общественных палат (советов) или их группами, а также гражданами. Первый вариант, впрочем, вполне может осуществляться и в отсутствие нормативного закрепления; от второго же, отказались, вероятно, для того, чтобы оставить за общественной палатой (советом) свободу самостоятельно определять, насколько необходимо осуществление контроля в каждом конкретном случае.

Процедура инициирования контроля физическими лицами и их объединениями особенно важна с учетом того, что она связывает членов общественных палат (советов) с остальными гражданами. Характер этой связи можно описать как отношения активистов с представляемым ими населением. По сути, обращения граждан в общественные палаты (советы) являются не столько юридическим основанием для проведения проверки, сколько фактическим доказательством наличия проблем, требующих реагирования со стороны общественных палат (советов). Иными словами, обращения граждан лишь по-

которые учреждены публично-правовыми образованиями. См.: Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 12.

¹⁷ Председатель общественной палаты (см., например: п. 2 ст. 46 Регламента Общественной палаты Раменского городского округа Московской области // Официальный информационный портал Раменского городского округа. URL: <https://ramenskoye.ru/okrug/obshchestvennaya-palata> ; п. 2 ст. 45 Регламента Общественной палаты городского округа Красногорск Московской области // Общественная палата городского округа Красногорск Московской области : официальный сайт. URL: <https://krasnogorsk-op.ru/>) или совет общественной палаты (см., например: пп. 1 п. 6 ст. 13 Положения об Общественной палате городского округа Домодедово Московской области // Городской округ Домодедово : официальный сайт // URL: https://domod.ru/city/public_chamber/normative_base.php).

¹⁸ Из рассмотренных актов подобное предусматривают только пункт 1 ст. 20 Регламента Общественной палаты Заводоуковского городского округа Тюменской области (Официальный портал органов государственной власти Тюменской области // URL: https://zavodoukovsk.admtymen.ru/mo/Zavodoukovsk/socium/Public_Chamber.htm) и пункт 1 ст. 11 Регламента Общественной палаты Колпнянского района Орловской области (Администрация Колпнянского района : официальный сайт // URL: <https://kolpna-adm.ru/>).

¹⁹ См. акт Общественной палаты городского округа Домодедово от 01.08.2019 № 6 о мониторинге своевременного вывоза мусора.

вод, а основанием для проведения проверки является решение общественной палаты (совета).

Предоставленные гражданам возможности кажутся довольно незначительными, однако вряд ли можно было ожидать от практики общественных палат (советов) большего с учетом того, что законодательством участие граждан «ставится в зависимость от воли третьих лиц, т.е. организаторов»²⁰ общественного контроля. Данная практика подтверждает обоснованность выводов о том, что «если законодатель, структурируя такой, казалось бы, важнейший институт и инструмент, при помощи которого граждане могут непосредственно принимать участие в управлении делами государства, не включает в перечень его субъектов гражданина Российской Федерации, институт общественного контроля теряет смысл, так как само его наименование уже должно предполагать наличие в кругу субъектов граждан, представителей общественности, институтов гражданского общества, а не ангажированных подконтрольными органами псевдообщественных структур»²¹.

Опубликование сведений о контроле. В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 10 Закона об общественном контроле субъекты общественного контроля обязаны «обнародовать информацию о своей деятельности по осуществлению общественного контроля и о результатах контроля в соответствии с настоящим Федеральным

законом». В то же время это требует ресурсов, которых может не быть у муниципальных общественных палат (советов), вероятно, поэтому на сайтах большинства рассмотренных органов нет данных об осуществляемом ими контроле.

Если рассматривать размещаемую информацию, можно увидеть, что либо публикуются и план проведения контроля, и данные о выявленных нарушениях или их отсутствии (в трех общественных палатах) либо только данные о плане или о факте проведения контроля без сведений о выявленных нарушениях (в одной палате), либо не публикуется ничего (в 15 общественных палатах (советах)).

Таким образом, понятие «результаты контроля» трактуется как отчет палаты о своей деятельности, о факте проведения проверок, тогда как опубликование результатов этих проверок фактически являются факультативным.

Представляется, что такое понимание не является очевидным и само собой разумеющимся; в частности, оно кардинально отличается от подхода, в соответствии с которым необходимо, «чтобы граждане рассчитывали на публичную информацию»²², включающую и «отчет по фактам, даваемый после события, сбоем или ошибки, и предварительные организационные и управленческие процедуры, процессы и практику, которая предназначена для обеспечения отчетности для публичных целей и задач»²³.

²⁰ См.: Михеева Т. Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 180.

²¹ Маркина Е. В., Позднышов А. Н. Расширение прав граждан Российской Федерации в сфере осуществления общественного контроля как способ предупреждения конституционных конфликтов // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 53.

О необходимости включения граждан в перечень субъектов общественного контроля пишет также Т. В. Троицкая (Троицкая Т. В. Гражданин Российской Федерации — субъект осуществления общественного контроля в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. Т. 20. № 4. С. 467).

Возможно, именно этим объясняется недостаточная активность населения, препятствующая развитию института общественного контроля, о которой пишет М. А. Чекрыга (Чекрыга М. А. Общественный контроль в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 55).

²² Onagoity J. Democracia y acceso a la información pública // Revista Argentina de Teoría Jurídica. 2017. Vol. 17. P. 15.

²³ Melvin D., Frederickson H. G. Public Accountability: Performance Measurement, the Extended State, and the Search for Trust. Washington, 2011. P. 67. URL: <https://core.ac.uk/reader/72050585>.

В данном случае речь идет об ограничительном толковании Закона.

Таким образом, толкование Закона об общественном контроле, выработанное в практике общественных палат (советов), существенно отличается от буквального смысла данного Закона. Поэтому понимание информации о контроле исключительно как сообщения о его проведении можно рассматривать как правило, выведенное в практике местных общественных палат (советов). Отличия столь существенны, что обоснован вопрос о том, идет ли речь только о толковании или о создании новой нормы.

В обоснование такого подхода можно сослаться на идеи О. Эрлиха о том, что право строится «на внутреннем порядке общественных и стародавних (род, дом, семья), а также только что созданных союзов»²⁴, и Г. Д. Гурвича о существовании «многочисленных правотворящих центров, автономных очагов права»²⁵; думается, что можно считать организации, осуществляющие общественный контроль, одним из таких центров. Соответственно, устойчивые модели поведения, обыкновения, вырабатываемые ими для адаптации к своим нуждам положений законодательства об общественном контроле в той части, в какой они выходят за пределы государственного и муниципального правового регулирования, могут изучаться как правовые нормы. При этом в качестве критериев для отграничения норм от иных фактов можно использовать признаки юридического опыта, предложенные Г. Д. Гурвичем. В частности, различить право и неправо, полагаем, могут помочь признаки «способности к самоорганизации, к созданию для себя фиксированной регламентации»²⁶ и «коллективного характера»²⁷ такого опыта.

Исходя из этого, нормой можно назвать правило, которым руководствуются все рассмотренные органы (о которых есть информация в дан-

ном аспекте). В той части, в какой существуют разные варианты правила, можно говорить о нормах для этой общественной палаты (совета), и такие нормы представляют особый интерес в том случае, если они отличаются от установленных законом.

В данном случае у всех рассматриваемых органов наблюдается сходная логика в решении вопроса о размещении данных о контроле, явно отличная от правил, предписываемых законом. Поэтому описанная практика может рассматриваться как выражение обыкновений, в соответствии с которыми осуществляется общественный контроль и которые дополняют Закон об общественном контроле.

Вывод. Проведенное исследование показало наличие в практике применения Закона об общественном контроле рядом местных общественных палат расширительного толкования круга подконтрольных субъектов (в их число включаются, наряду с прямо поименованными в Законе категориями субъектов, также организации, с очевидностью не осуществляющие публичные полномочия) и ограничительного толкования состава информации, подлежащей опубликованию (данные о результатах проверок всегда являются дополнением к плану работы, тогда как опубликование плана необязательно сопровождается опубликованием данных о результатах проверок). В последнем случае толкование настолько отличается от буквального смысла положений Закона, что дает основание для вывода о создании нового правила.

В целом в той мере, в какой по данной выборке допустимо судить о ситуации в целом, можно говорить о стремлении использовать институт общественного контроля, осуществляемого местными общественными палатами (советами), прежде всего для помощи органам местного самоуправления в решении их насущных задач. Можно помогать органам публичной

²⁴ Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб., 2011. С. 92.

²⁵ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и социология права: избранные сочинения / пер. с фр. М. В. Антонова ; пер. с англ. М. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 333.

²⁶ Гурвич Г. Д. Указ. соч. С. 270.

²⁷ Гурвич Г. Д. Указ. соч. С. 271.

власти, не только контролируя их самих, но и содействуя им в осуществлении их контрольных функций за различными организациями, и главным адресатом сведений о контроле в последнем случае будут органы местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агibalов Ю. В. Общественный контроль: практика, проблемы, направления совершенствования // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2020. — № 2 (41). — С. 57–73.
2. Белешев Н. А. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как признак ее легитимности // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 3. — С. 12–13.
3. Бердникова Е. В. Правовые подходы к определению общественного контроля // Современное право. — 2016. — № 3. — С. 29–37.
4. Гончаров В. В. Условия ограничения права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля (конституционно-правовой анализ) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2019. — № 4. — С. 45–53.
5. Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избранные сочинения / пер. с фр. М. В. Антонова ; пер. с англ. М. В. Ворониной. — СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. — 848 с.
6. Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. — М. : Прогресс, 1986. — 325 с.
7. Маркина Е. В., Позднышов А. Н. Расширение прав граждан Российской Федерации в сфере осуществления общественного контроля как способ предупреждения конституционных конфликтов // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 5. — С. 50–54.
8. Михеева Т. Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 10. — С. 177–183.
9. Троицкая Т. В. Гражданин Российской Федерации — субъект осуществления общественного контроля в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2020. — Т. 20. — № 4. — С. 464–468.
10. Чекрыга М. А. Общественный контроль в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12 (145). — С. 46–59.
11. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. — 2016. — № 2 (325). — С. 62–93.
12. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. — СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. — 704 с.
13. Melvin D., Frederickson H. G. Public Accountability: Performance Measurement, the Extended State, and the Search for Trust. — Washington : National Academy of Public Administration and the Kettering Foundation, 2011. — 79 p.
14. Onagoity J. Democracia y acceso a la información pública // Revista Argentina de Teoría Jurídica. — 2017. — Vol. 17. — P. 1–16.

Материал поступил в редакцию 10 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agibalov Yu. V. Obshchestvennyy kontrol: praktika, problemy, napravleniya sovershenstvovaniya // Vestnik VGU. Seriya «Pravo». — 2020. — № 2 (41). — S. 57–73.
2. Beleshev N. A. Obshchestvennyy kontrol za deyatelnostyu organov publichnoy vlasti kak priznak ee legitimnosti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2021. — № 3. — S. 12–13.
3. Berdnikova E. V. Pravovye podkhody k opredeleniyu obshchestvennogo kontrolya // Sovremennoe pravo. — 2016. — № 3. — S. 29–37.
4. Goncharov V. V. Usloviya ogranicheniya prava grazhdan Rossiyskoy Federatsii na osushchestvlenie obshchestvennogo kontrolya (konstitutsionno-pravovoy analiz) // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu». — 2019. — № 4. — S. 45–53.
5. Gurvich G. D. Filosofiya i sotsiologiya prava: izbrannye sochineniya / per. s fr. M. V. Antonova; per. s angl. M. V. Voroninoy. — SPb.: Izdatelskiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. — 848 s.
6. Karbone Zh. Yuridicheskaya sotsiologiya / per. s fr. i vstup. st. V. A. Tumanova. — M.: Progress, 1986. — 325 s.
7. Markina E. V., Pozdnyshov A. N. Rasshirenie prav grazhdan Rossiyskoy Federatsii v sfere osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya kak sposob preduprezhdeniya konstitutsionnykh konfliktov // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 5. — S. 50–54.
8. Mikheeva T. N. Obshchestvennyy kontrol s pozitsiy konstitutsionnogo prava grazhdan na uchastie v upravlenii delami gosudarstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 10. — S. 177–183.
9. Troitskaya T. V. Grazhdanin Rossiyskoy Federatsii — subekt osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya v Rossii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». — 2020. — T. 20. — № 4. — S. 464–468.
10. Chekryga M. A. Obshchestvennyy kontrol v munitsipalnykh obrazovaniyakh subektov Rossiyskoy Federatsii Sibirskogo federalnogo okruga // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 12 (145). — S. 46–59.
11. Chestnov I. L. Konstruktivistskaya paradigma v yurisprudentsii // Pravovedenie. — 2016. — № 2 (325). — S. 62–93.
12. Erlikh O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava / per. s nem. M. V. Antonova; pod red. V. G. Grafskogo, Yu. I. Grevtsova. — SPb.: OOO «Universitetskiy izdatelskiy konsortsium», 2011. — 704 s.
13. Melvin D., Frederickson H. G. Public Accountability: Performance Measurement, the Extended State, and the Search for Trust. — Washington: National Academy of Public Administration and the Kettering Foundation, 2011. — 79 p.
14. Onagoity J. Democracia y acceso a la información pública // Revista Argentina de Teoría Jurídica. — 2017. — Vol. 17. — P. 1–16.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.048-056

О. С. Мухтарова*

Институт оспаривания решений о привлечении к административной ответственности в арбитражных судах Российской Федерации: генезис и современное состояние

Аннотация. Статья представляет собой исследование генезиса и современного состояния института оспаривания решений административных органов о привлечении к административной ответственности в рамках арбитражных судов. Широко освещаются периоды Советского Союза времен перестройки, а также современной Российской Федерации. В работе указывается на проблему неоправданно высокой загруженности арбитражных судов жалобами на административные органы; дается характеристика особенностей субъектов в арбитражном процессе, регламентированных статьей 207 АПК РФ; исследуются проблемы, связанные с определением предметной компетенции арбитражного суда, и отличия дел, рассматриваемых по КоАП РФ, от дел, рассматриваемых по КАС РФ. Кроме того, приводятся примеры наиболее частых стратегий заявителей, в частности, касающихся указания на малозначительность правонарушения, а также на отношение к субъектам малого бизнеса. Автор предлагает внести изменения в ст. 210 АПК РФ, в соответствии с которыми у арбитражного суда расширятся основания для обязательной явки представителя административного органа, а также в ст. 207 АПК РФ, позволяющие считать samozанятых возможными заявителями в арбитражных судах наравне с индивидуальными предпринимателями.

Ключевые слова: административный процесс; институт оспаривания; административные правонарушения; административная ответственность; юрисдикционный орган; арбитражное судопроизводство; Арбитражный процессуальный кодекс РФ; история арбитражного права; решение суда; административные жалобы; права предпринимателей.

Для цитирования: Мухтарова О. С. Институт оспаривания решений о привлечении к административной ответственности в арбитражных судах Российской Федерации: генезис и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 48–56. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.048-056.

© Мухтарова О. С., 2025

* Мухтарова Оксана Саидовна, помощник судьи Арбитражного суда Московской области
Академика Сахарова просп., д. 18, г. Москва, Российская Федерация, 107053
8032222@mail.ru

The Institution of Challenging Decisions on Bringing to Administrative Responsibility in the Arbitrazh (Commercial) Courts of the Russian Federation: Genesis and Current State

Oxana S. Mukhtarova, Assistant Judge, Arbitration Court of the Moscow Region, Moscow,
Russian Federation
8032222@mail.ru

Abstract. The paper elucidates the genesis and current state of the institution of challenging administrative decisions on bringing to administrative responsibility in arbitrazh courts. The periods of the Soviet Union during perestroika, as well as the modern Russian Federation, are widely covered. The paper points out the problem of an unreasonably high burden on arbitrazh courts due to complaints against administrative bodies. The paper describes the characteristics of participants involved in the arbitrazh procedure regulated under Article 207 of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation (CPC RF). The paper dwells on problems related to the definition of the subject matter jurisdiction of the arbitrazh court and the differences between cases considered under the norms of the Administrative Code of the Russian Federation and cases considered under the norms of the CPC RF. In addition, the author provides the cases of the most common strategies employed by applicants regarding pointing out the insignificance of the offense and the attitude towards small businesses. The author proposes to amend Article 210 of the CPC RF to expand the grounds for the mandatory appearance of a representative of an administrative body, as well as Article 207 of the CPC of the Russian Federation, allowing the self-employed to be considered possible applicants in arbitrazh (commercial) courts on an equal basis with individual entrepreneurs.

Keywords: administrative procedure; institution of challenging; administrative offenses; administrative responsibility; jurisdictional body; arbitrazh proceedings; Arbitrazh Procedure Code; history of arbitration law; court decision; administrative claims; rights of entrepreneurs.

Cite as: Mukhtarova OS. The Institution of Challenging Decisions on Bringing to Administrative Responsibility in the Arbitrazh (Commercial) Courts of the Russian Federation: Genesis and Current State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):48-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.048-056.

Правовые нормы, позволяющие подать жалобу на незаконное привлечение к ответственности за административное правонарушение именно через арбитражный суд, являются одними из наиболее проработанных с точки зрения уровня защиты прав хозяйствующих субъектов. Содержание § 2 гл. 25 АПК РФ выражает принципы, предусмотренные в ст. 34 Конституции РФ¹. Тем не менее, несмотря на безусловно положительное историко-правовое значение арбитражного процесса, многие проблемы, касающиеся правоприменительной практики данного института, остались нерешенными. Среди них чрезмерное количество

административных протоколов на лиц, признаваемых впоследствии невиновными; уточнение субъектов, имеющих право обжалования; определение предметной компетенции арбитражного суда; применение правила о малозначительности правонарушения. Необходимость разрешения вышеуказанных проблем составляет безусловную актуальность данного исследования².

Возможность оспаривания административных актов в рамках арбитражных судов в Европе зарождается еще в Римской империи, когда провинциальные магистраты получили право обжалования решений государства, причем в

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

соответствии со строгими регламентами³. В Великобритании уже в XII в. появляется возможность оспаривания через арбитраж не только административных постановлений, но и приговоров по уголовным делам⁴. В законодательстве Франции подобные нормы принимаются лишь в 1907 г. с введением Консультативного комитета⁵.

В Российской империи отсутствовал арбитраж в современном понимании, но существовали коммерческие суды, действовавшие на основании Учреждения коммерческих судов, а также Устава их судопроизводства⁶. Тем не менее в данном документе не упоминалась возможность подачи жалобы на чиновников (например, на полицейских), и такое положение сохранялось вплоть до революции 1917 г. При этом судьи коммерческих судов могли быть подвергнуты штрафам со стороны органов прокуратуры начиная с эпохи правления Александра II (разд. 8 гл. 1 Учреждения судебных установлений от 20.11.1864)⁷.

Как отмечается в исследовании И. М. Дивина, «с высокой степенью условности»⁸ самым ранним нормативным правовым актом, в котором утверждается возможность оспаривания решений государственных органов о привлечении к административной ответственности, является Гражданский процессуальный кодекс

РСФСР 1923 г.⁹ Однако в данном случае речь шла лишь о возможности оспаривания действий государственных органов, но в рамках исключительно гражданских правоотношений.

Отсутствие в советском Госарбитраже возможности оспаривания решений о привлечении к административной ответственности было связано с фактическим отсутствием самостоятельности у тех или иных предприятий, что исключало сколь-либо острую заинтересованность в оспаривании. Разумеется, такое положение вещей просуществовало вплоть до эпохи перестройки, однако были также и незначительные исключения, касающиеся внесудебного разрешения споров по отдельным налоговым сельскохозяйственным вопросам¹⁰.

Интересно, что в советском праве до конца 1980-х гг. можно встретить прямой запрет на рассмотрение Госарбитражем споров о незаконном привлечении к административной ответственности, что косвенно свидетельствует о восприятии советской властью потенциального введения подачи подобных исков в качестве фактора риска для государства. Так, в п. 24 положения от 28.06.1987 № 572 «О налоге с оборота» указывалось, что споры по налогу с оборота не подлежат рассмотрению в органах государственного арбитража и судебных органах¹¹. Тем не менее уже начиная с 30 июня

³ Reskušić I., Milotić I. Arbitral Settlement of Disputes in Provinces in Shadow of the Roman Provincial Administration // *Ius Romanum*. 2022. No. 2. P. 76–93.

⁴ Powell E. Arbitration and the Law in England in the Late Middle Ages (The Alexander Prize Essay) // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1983. Vol. 33. P. 49–67. DOI: 10.2307/3678989.

⁵ Decree of August 30, 1907 Relating to the Advisory Committee of Capitalization and Savings Companies // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 19.03.2024).

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1832. Т. 7. № 5360. С. 268–298.

⁷ Учреждение судебных установлений от 20.11.1864 // Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1986. Т. 8.

⁸ Дивин И. М. Теоретические проблемы функционирования административного судопроизводства по экономическим спорам в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

⁹ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

¹⁰ Закон СССР от 08.08.1953 (ред. от 13.08.1984) «О сельскохозяйственном налоге» // Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 473.

¹¹ Постановление Совмина СССР от 30.06.1975 № 572 (ред. от 28.06.1986) «Об утверждении Положения о налоге с оборота» // Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 441.

1987 г. благодаря Закону СССР «О государственном предприятии (объединении)» государственный арбитраж наделялся функциями по контролю за деятельностью административных органов, что на тот момент считалось прорывом для советской правовой системы¹².

Вышеназванный Закон представляет собой историческую точку отсчета по отношению к возможности подачи жалобы на действия публичных органов власти в отношении привлечения к административной ответственности через арбитражный суд¹³. При этом все предшествующие акты лишь частично соответствовали данным параметрам.

Важно отметить, что реформы 1987 г. подразумевали не только расширение прав хозяйствующих субъектов, но и усиление контроля в отношении государственных предприятий, что следует из ст. 2 Закона СССР «О государственном арбитраже в СССР»¹⁴. Вместе с тем, как следует из ст. 9 того же Закона, участие «колхозов, межколхозных и государственно-колхозных предприятий, организаций и их объединений» в арбитражном процессе исключалось. При этом в рамках ст. 15 Закона заявителями могли выступать сами государственные органы как юридические лица, которые также могли быть подвергнуты административному наказанию. Уже начиная с 1988 г. сами арбитры становятся в каком-то смысле оппозиционным сообществом по отношению к действующему политико-пра-

вовому режиму, поэтому в данном контексте арбитраж вполне можно считать не только правовым, но и квазиполитическим институтом, особенно с учетом возможности оспаривания действий административных органов¹⁵. Например, в отчете Госарбитража г. Кемерово недвусмысленно подчеркивается негативное отношение к «изжившим себя методам административного давления на предприятия»¹⁶.

Окончанием формирования института обжалования постановлений о привлечении к административной ответственности в арбитражном процессе в советский период следует считать постановление Верховного Совета РСФСР от 04.07.1991, в соответствии с которым на территории РСФСР арбитражи и иные аналогичные органы в системах министерств, государственных комитетов, ведомств, в ассоциациях, концернах, иных объединениях, а также на предприятиях и в организациях упразднялись и вводилась система арбитражных судов, вписанных в единую судебную систему¹⁷.

В 1995 г. принимается вторая редакция АПК РФ, где в ч. 1 ст. 22 указывалось, что арбитражные суды рассматривают в числе прочего административные дела между юридическими лицами¹⁸. При этом первой редакцией Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» вводился институт коллегий по спорам, вытекающим из административных правоотношений¹⁹.

¹² Закон СССР от 30.06.1987 № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

¹³ Дивин И. М. Административное судопроизводство по экономическим спорам в России: исторический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2015. № 2 (158). С. 257–263.

¹⁴ Закон СССР от 30.11.1979 № 1163-X (ред. от 30.12.1987) «О Государственном арбитраже в СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 167.

¹⁵ Воронин Д. В. Институт государственного арбитража СССР в переходный период (1985–1990 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 76–79.

¹⁶ Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 81.

¹⁷ Постановление Верховного Совета РСФСР от 04.07.1991 № 1544-I «О введении в действие Закона РСФСР “Об арбитражном суде”» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1014.

¹⁸ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Российская газета. № 93. 16.05.1995.

¹⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 № 70-ФЗ (с изм. от 14.01.2000) // Российская газета. № 93. 16.05.1995.

Современные особенности дел об оспаривании привлечения к административной ответственности в арбитражных судах регламентированы параграфом 2 гл. 25 АПК РФ. Заявителями по данной категории жалоб могут выступать любые юридические лица и индивидуальные предприниматели (ст. 207 АПК РФ). Статус самозанятых в данном случае четко не определен законодателем, однако с учетом ст. 27 АПК РФ и упоминания среди субъектов «иных лиц без образования юридического лица и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя», а также наличия ряда признаков индивидуального предпринимателя у самозанятого²⁰ заявителями могут выступать также и самозанятые²¹. При этом данный аспект строго не регламентирован, поэтому принятие жалобы к рассмотрению относится к исключительной компетенции суда²².

Современная практика арбитражных судов содержит огромное количество материалов, где невиновность лица, привлекаемого к административной ответственности, является в определенной степени очевидной. В этой связи, на наш взгляд, многие споры, связанные с явно ошибочным привлечением к административ-

ной ответственности, должны не доходить до суда, а разрешаться в сугубо административном порядке. Типичным примером очевидно ошибочного привлечения выступает дело Арбитражного суда Республики Башкортостан, в котором страховая компания оспорила штраф за несвоевременную уборку снега с крыши дома, к которому заявитель не имел каких-либо отношения: ни фактического, ни юридического²³. Особенность оспаривания привлечения к административной ответственности именно в арбитражных судах заключается, во-первых, в необходимости рассмотрения того или иного дела не только по КоАП РФ, но и согласно § 2 гл. 25 АПК РФ²⁴, во-вторых, в высокой степени беспристрастности суда. В отличие от судов общей юрисдикции в арбитражных судах практически не встречается дел, где суд ссылается, например, на «отсутствие оснований не доверять сотрудникам правоохранительных органов». Более того, в научных исследованиях самими правоохранителями подобные судебные формулировки также подвергаются острой критике²⁵. Так, в 2023 г. доля требований, удовлетворенных полностью либо частично, в арбитражных судах составила значительные 42,7 %²⁶, в то

²⁰ В статье под самозанятыми будут пониматься физические лица, извлекающие доход на систематической основе не в связи с осуществлением ими трудовой деятельности и не имеющие статуса индивидуального предпринимателя или статуса лица, занимающегося частной практикой (адвоката, нотариуса, медиатора и т.д.).

²¹ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

²² Петрухин Г. В. Об определении подсудности дел, связанных с деятельностью самозанятых в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. Т. 11-1. № 86. С. 166–168. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-1-166-168.

²³ Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 06.10.2023 по делу № А07-3343/2023 // URL: sudact.ru/arbitral/doc/xpBwlnRtuqxl/ (дата обращения: 22.03.2024).

²⁴ Жукова О. В. К вопросу об обжаловании в суд постановлений по делам об административных правонарушениях // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2021. № 1 (65). С. 53–59. DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.053.

²⁵ Волкова И. В. Наличие формулировки «нет оснований не доверять сотрудникам правоохранительных органов», а также некачественный сбор доказательственной базы при реализации принципа презумпции невиновности // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 2 (5). С. 14–19.

²⁶ Судебный департамент при Верховном Суде РФ : официальный сайт. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.03.2024).

время как для судов общей юрисдикции любое дело, в котором лицо, привлекаемое к административной ответственности, признается невиновным, является скорее исключением, которое должно иметь «железные» основания. В целом подобная статистика может свидетельствовать не только о качестве правосудия, но и о низкой эффективности работы административных органов.

Одной из важнейших проблем, связанных с оспариванием привлечения к административной ответственности в рамках арбитражных судов, выступает разграничение дел об административных правонарушениях, а также административных споров. Типичным примером подобного дела выступает спор сербской транспортной компании с Федеральной таможенной службой. Так, по мнению истца, таможенники намеренно допускали ошибки при взвешивании грузов. Если бы заявитель указывал на отсутствие состава правонарушения, предусмотренного статьей 12.21.1 КоАП РФ («Нарушение правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства»), ввиду недостаточности представленных доказательств, то такое дело регулировалось бы КоАП РФ, однако в данном случае речь шла о превышении должностных полномочий административным ответчиком. Транспортная компания подала жалобу в рамках КоАП РФ в Арбитражный суд Псковской области и в Печорский районный суд Псковской области (для исключения рисков, связанных с определением подсудности в соответствии с гл. 23–28.2 АПК РФ). В результате суд общей юрисдикции определил

отношение дела к подведомственности Верховного Суда РФ²⁷, указав, что его необходимо рассматривать в рамках КАС РФ²⁸.

Если попытаться выделить наиболее распространенную стратегию заявителей, то судебная практика показывает, что лица, привлекаемые к административной ответственности, крайне часто пытаются применить ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности правонарушения. Следует отметить, что в современном законодательстве понятие малозначительности определено лишь на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, в котором указывается, что на отдельные статьи Особенной части КоАП РФ принцип, по которому правонарушение может быть признано малозначительным, не распространяется. В частности, в данном постановлении таковыми были признаны статьи 12.8 и 12.26 КоАП РФ, устанавливающие административную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения и отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Интересно, что в постановлении отсутствует исчерпывающий перечень подобных статей, а данные правонарушения приводятся лишь в качестве примера недопустимости определения критерия о малозначительности²⁹. Подобную позицию поддержал Конституционный Суд РФ в определении на жалобу ООО «Птицефабрика «Сибирская губерния»», содержащую указание на то, что с учетом содержания статьи 2.9 КоАП РФ ее положения применимы практически для любого правонарушения, что свидетельствует о неконституционности данной нормы³⁰.

²⁷ Что изменилось после вступления в законную силу КАС РФ? // Прокуратура Ульяновской области : официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_73/activity/legal-education/explain?item=36764162 (дата обращения: 05.09.2023).

²⁸ Дело № 12-57/2023 Печорского районного суда Псковской области // URL: https://pechorsky--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=55699734&case_uid=4e9c428a-09f3-4901-96ab-4dc9c5ad2364&delo_id=1502001 (дата обращения: 05.09.2023).

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. № 80. 19.04.2005.

³⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 248-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Птицефабрика «Сибирская губерния» на нарушение

Применительно к проблеме обжалования в арбитражном суде решений о привлечении к административной ответственности самозанятыми, следует иметь в виду, что данное право не регламентировано законодателем, однако в соответствии с ч. 1 ст. 27 АПК РФ, а также ввиду наличия ряда признаков индивидуального предпринимателя у самозанятых последние могут также выступать в качестве заявителей по данной категории дел³¹. В первую очередь это касается имущественно-управленческих отношений с другими субъектами экономической деятельности. Принципиальные отличия в данном контексте заключаются в неспособности самозанятых заключать трудовые договоры с работниками (что не отменяет возможности установления гражданско-правовых отношений), а также в ограничениях, связанных с видами деятельности³². В целом вышеуказанный аспект строго не регламентирован в действующем законодательстве, поэтому принятие жалобы к рассмотрению относится к исключительной компетенции суда³³. Проблема отнесения дел с участием самозанятых касается не только дел об оспаривании привлечения к административной ответственности, но и определения предметной компетенции арбитражных судов в целом. В этой связи в Государственной Думе ФС РФ разработан законопроект о внесении изменений в ст. 27 АПК РФ, закрепляющий право самозанятых обращаться в арбитражный суд по любым вопросам, касающимся предпринима-

тельской деятельности³⁴. Несмотря на то что в научных исследованиях встречаются мнения, согласно которым самозанятые в принципе не могут выступать заявителями в арбитражном процессе³⁵, за исключением дел о банкротстве, судебная практика подтверждает спорность данного тезиса. Например, в одном из дел Семнадцатого арбитражного апелляционного суда налогоплательщик налога на профессиональный доход оспорил определение, в соответствии с которым дела, где заявителем выступает самозанятый, относятся к предметной компетенции судов общей юрисдикции. Суд второй инстанции согласился с доводами заявителя, что самозанятый также осуществляет предпринимательскую деятельность, что послужило основанием для удовлетворения жалобы³⁶.

Кроме того, одна из наиболее распространенных стратегий коммерческих организаций по делам об оспаривании заключается в доказывании отнесения заявителя к субъектам малого бизнеса. Согласно ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ размер административного штрафа для таких предприятий может составлять половину от минимального размера, предусмотренного санкцией той или иной статьи КоАП РФ. Примером подобного дела выступают материалы Арбитражного суда Республики Алтай, в решении которого заявитель ссылаясь на отношение к субъектам малого бизнеса. В данном случае суд отметил, что отнесение к социально значимым коммерческим

конституционных прав и свобод статьей 2.9 и частью 6 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision17283.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

³¹ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ.

³² Колесникова Е. О. «Самозанятые» предприниматели или нет? // Метанаука. 2024. С. 1–8.

³³ Петрухин Г. В. Указ. соч.

³⁴ Проект федерального закона № 635615-8 «О внесении изменений в статью 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (внесен 28.05.2024 депутатами ГД С. В. Авксентьевой, К. А. Горячевой, А. В. Деминим, В. В. Плякиным, А. В. Скрозниковой) // URL: <https://base.garant.ru/76863743/> (дата обращения: 30.05.2024).

³⁵ Ганеева А. В. Статус самозанятого в арбитражном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Т. 12-1. № 75. С. 85–88.

³⁶ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2022 по делу № А71-18166/2021 // URL: sudact.ru/arbitral/doc/XsuVdUACemgw/ (дата обращения: 10.03.2024).

субъектам следует подтверждать сведениями из реестра, предусмотренного статьей 4.1 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ³⁷.

На наш взгляд, очевидна целесообразность внесения надлежащих коррективов в ч. 2 ст. 207 АПК РФ: необходимо включить самозанятых в перечень субъектов, имеющих право на подачу соответствующей жалобы.

Кроме того, в ч. 5 ст. 210 АПК РФ необходимо закрепить следующее предписание: «В случае если по представленным доказательствам заявителя суд оценит доказательства, представ-

ленные в заявлении, как явно свидетельствующие о невинности заявителя, суд имеет право вынести определение об обязательной явке ответчика». Подобная норма смогла бы существенно сократить количество дел об административных правонарушениях, в рамках которых суд в результате предварительной оценки приходит к выводу о том, что привлекаемое к административной ответственности лицо является невинным и соответствующая вина не имеет шансов быть доказанной в рамках судебного рассмотрения дела.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волкова И. В. Наличие формулировки «нет оснований не доверять сотрудникам правоохранительных органов», а также некачественный сбор доказательственной базы при реализации принципа презумпции невинности // *Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. — 2021. — № 2 (5). — С. 14–19.
2. Воронин Д. В. Институт государственного арбитража СССР в переходный период (1985–1990 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. — 2013. — № 372. — С. 76–79.
3. Ганеева А. В. Статус самозанятого в арбитражном процессе // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2022. — Т. 12-1. — № 75. — С. 85–88.
4. Дивин И. М. Теоретические проблемы функционирования административного судопроизводства по экономическим спорам в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017 — 393 с.
5. Дивин И. М. Административное судопроизводство по экономическим спорам в России: исторический аспект // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. — 2015. — № 2 (158). — С. 257–263.
6. Жукова О. В. К вопросу об обжаловании в суд постановлений по делам об административных правонарушениях // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право»*. — 2021. — № 1 (65). — С. 53–59. — DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.053.
7. История России с древнейших времен до начала XXI века / под ред. А. Н. Сахарова. — М. : АСТ, 2007. — 1263 с.
8. Колесникова Е. О. «Самозанятые» предприниматели или нет? // *Метанаука*. — 2024. — С. 1–8.
9. Лисицкий Д. А. История создания и становления арбитражных судов в России // *Юридический факт*. — 2020. — № 116. — 2020. — С. 10–14.
10. Лукашевич Д. А. Становление и развитие законодательства СССР о предпринимательской деятельности // *Образование. Наука. Научные кадры*. — 2020. — № 2. — С. 38–43.
11. Петрухин Г. В. Об определении подсудности дел, связанных с деятельностью самозанятых в РФ // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2023. — Т. 11-1. — № 86. — С. 166–168. — DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-1-166-168.
12. Powell E. Arbitration and the Law in England in the Late Middle Ages (The Alexander Prize Essay) // *Transactions of the Royal Historical Society*. — 1983. — Vol. 33. — P. 49–67. — DOI: 10.2307/3678989.

³⁷ Решение Арбитражного суда Республики Алтай от 08.04.2024 по делу № А02-2269/2023 // URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/42f5613b-95eb-4f73-ab60-8ee89dea1189/69a6f036-84f2-4fe4-bfb1-51a528dc6153/%D0%9002-2269-2023__20240408.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.04.2024).

13. Reskušić I., Milotić I. Arbitral Settlement of Disputes in Provinces in Shadow of the Roman Provincial Administration / *Ius Romanum*. — 2023. — No. 2. — P. 76–93.

Материал поступил в редакцию 30 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volkova I. V. Nalichie formulirovki «net osnovaniy ne doveryat sotrudnikam pravookhranitelnykh organov», a takzhe nekachestvennyy sbor dokazatelstvennoy bazy pri realizatsii printsipa prezumptsii nevinovnosti // *Politseyskiy vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*. — 2021. — № 2 (5). — S. 14–19.
2. Voronin D. V. Institut gosudarstvennogo arbitrazha SSSR v perekhodnyy period (1985–1990 gg.) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2013. — № 372. — S. 76–79.
3. Ganeeva A. V. Status samozanyatogo v arbitrazhnom protsesse // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. — 2022. — T. 12-1. — № 75. — S. 85–88.
4. Divin I. M. Teoreticheskie problemy funktsionirovaniya administrativnogo sudoproizvodstva po ekonomicheskim sporam v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2017 — 393 s.
5. Divin I. M. Administrativnoe sudoproizvodstvo po ekonomicheskim sporam v Rossii: istoricheskiy aspekt // *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya»*. — 2015. — № 2 (158). — S. 257–263.
6. Zhukova O. V. K voprosu ob obzhalovanii v sud postanovleniy po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2021. — № 1 (65). — S. 53–59. — DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.053.
7. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka / pod red. A. N. Sakharova*. — M.: AST, 2007. — 1263 s.
8. Kolesnikova E. O. «Samozanyaty» predprinimateli ili net? // *Metanauka*. — 2024. — S. 1–8.
9. Lisitskiy D. A. Istoriya sozdaniya i stanovleniya arbitrazhnykh sudov v Rossii // *Yuridicheskiy fakt*. — 2020. — № 116. — 2020. — S. 10–14.
10. Lukashevich D. A. Stanovlenie i razvitie zakonodatelstva SSSR o predprinimatelskoy deyatel'nosti // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. — 2020. — № 2. — S. 38–43.
11. Petrukhin G. V. Ob opredelenii podsudnosti del, svyazannykh s deyatel'nostyu samozanyatykh v RF // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. — 2023. — T. 11-1. — № 86. — S. 166–168. — DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-1-166-168.
12. Powell E. Arbitration and the Law in England in the Late Middle Ages (The Alexander Prize Essay) // *Transactions of the Royal Historical Society*. — 1983. — Vol. 33. — P. 49–67. — DOI: 10.2307/3678989.
13. Reskušić I., Milotić I. Arbitral Settlement of Disputes in Provinces in Shadow of the Roman Provincial Administration / *Ius Romanum*. — 2023. — No. 2. — P. 76–93.

Правовой режим единого счета бюджета

Аннотация. Единый счет бюджета относится к числу эффективных инструментов бесперебойного осуществления платежей и обеспечения контроля за финансовыми ресурсами публично-правового образования. В статье рассмотрен правовой режим единого счета бюджета, определены особенности правового режима учета доходов и расходов бюджетов на едином счете, проанализированы бюджетные полномочия прямых и косвенных участников системы казначейских платежей по распоряжению средствами единого счета бюджета. Подчеркивается, что единый счет бюджета публично-правового образования стал результатом эволюции платежных и информационных технологий, современный уровень развития которых позволил осуществлять все без исключения платежи в пользу публично-правового образования и от публично-правового образования через один счет. Определено, что единый счет бюджета позволил создать дополнительные механизмы увеличения его ликвидности и платежеспособности публично-правового образования. Целью статьи является подготовка предложений по совершенствованию правового регулирования единого счета бюджета на основе анализа ключевых элементов данного правового института и особенностей его функционирования в условиях системы казначейских платежей.

Ключевые слова: единый счет бюджета; принцип единства кассы; лицевые счета; доходы бюджета; казначейский счет; бюджет; бюджетная система; Федеральное казначейство; казначейские платежи; система казначейских платежей.

Для цитирования: Артюхин Р. Е. Правовой режим единого счета бюджета // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 57–65. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.057-065.

Legal Regime of a Single Budget Account

Roman E. Artyukhin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of financial Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
budgetlaw@mail.ru

Abstract. A single budget account is one of the effective tools for uninterrupted payments and ensuring control over the financial resources of public law education. The article considers the legal regime of the single budget account, defines the features of the legal regime for accounting for budget revenues and expenditures on a single account, analyzes the budgetary powers of direct and indirect participants in the treasury payment system to manage the funds of the single budget account. It is emphasized that the single budget account for public law education has become the result of the evolution of payment and information technologies, the modern level of development of which has made it possible to make all payments without exception in favor of public law education and from

© Артюхин Р. Е., 2025

* Артюхин Роман Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
budgetlaw@mail.ru

public law education through one account. The study determined that the single budget account allowed to create additional mechanisms to increase its liquidity and solvency of public law education. The purpose of the article is to prepare proposals for improving the legal regulation of the single budget account based on an analysis of the key elements of this legal institution and the specifics of its functioning in the context of the treasury payments system.

Keywords: single budget account; the principle of unity of the cash register; personal accounts; budget revenues; treasury account; budget; budget system; Federal Treasury; treasury payments; treasury payment system.

Cite as: Artyukhin RE. Legal Regime of a Single Budget Account. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):57-65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.057-065.

Правовое предписание о наличии единого счета бюджета отсутствовало в советском бюджетном праве и в первоначальный период развития современного бюджетного права. У каждого бюджета было такое количество счетов, которое самостоятельно определял соответствующий финансовый орган. Впервые понятие единого счета появилось на федеральном уровне в 1997 г.¹ После уроков финансового кризиса 1998 г. стала очевидной необходимость поиска новых механизмов обеспечения финансовой устойчивости для всех бюджетов бюджетной системы Российской Федерации². Утвержденная Правительством РФ в начале 2000 г. Концепция функционирования единого счета по учету доходов и средств федерального бюджета³ наполнила реальным содержанием ст. 245 первоначальной редакции БК РФ. Подходы, реализованные для единого счета федерального бюджета, впоследствии были успешно применены и для единых счетов иных бюджетов.

В настоящее время БК РФ предусматривает исполнение бюджета каждого публично-правового образования исключительно через единый счет. Использование единого счета бюджета составляет ключевой элемент принципа единства кассы⁴.

Закрепленный в БК РФ принцип единства кассы впервые на уровне закона определил

категорию единого счета бюджета, с 2007 г. этот принцип стал уже не просто принципом исполнения бюджета, а принципом бюджетной системы в целом. Единый счет бюджета позволяет обеспечить реализацию и иных принципов бюджетной системы. Осуществление всех платежей через единый счет бюджета гарантирует полную прозрачность всех доходов и расходов бюджета вследствие их учета на кассовой основе на единственном счете. При сосредоточении всех средств на едином счете минимизируются временные кассовые разрывы бюджета и гарантируется своевременность выплат из бюджетов.

Из определения, данного в ст. 6 БК РФ, следует, что единый счет бюджета для региональных и местных бюджетов является единственным счетом, особенности по количеству счетов установлены только для федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации.

Возникает вопрос, почему законодатель предусмотрел и для крупных публично-правовых образований, и для небольших муниципальных образований возможность осуществления бюджетных операций исключительно через один счет бюджета. Как представляется, именно очевидная экономическая целесообразность и технологическая реализуемость единого счета бюджета привели к императивному закрепле-

¹ Постановление Правительства РФ от 28.08.1997 № 1082 «О мерах по ускорению перехода на казначейскую систему исполнения федерального бюджета» // Российская газета. 1997. № 175.

² См.: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 31.05.2000 «О бюджетной политике на 2001 год и на среднесрочную перспективу» // Российская газета. 2000. № 107.

³ Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2000 № 107-р «О концепции функционирования единого счета Федерального казначейства Минфина России по учету доходов и средств федерального бюджета» // Российская газета. 2000. № 19.

⁴ См.: Артюхин Р. Е. Кассовое устройство и бюджетно-правовой принцип единства кассы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 95–101.

нию использования исключительно единого счета бюджета для осуществления всех бюджетных операций с доходами, расходами и источниками финансирования дефицита бюджета.

Единый счет бюджета публично-правового образования, таким образом, стал результатом эволюции платежных и информационных технологий, современный уровень развития которых позволил осуществлять все без исключения платежи в пользу публично-правового образования и от публично-правового образования через один счет.

Для характеристики правового режима единого счета бюджета может быть успешно применено понятие правового режима банковского счета⁵. Правовой режим счета определяет те операции, которые правомочно осуществлять по соответствующему счету.

Единый счет бюджета, как следует из ст. 38.2 БК РФ, предназначен для зачисления на него всех поступлений в бюджет соответствующего публично-правового образования и осуществления с него всех перечислений из бюджета.

Правовое значение единого счета бюджета для учета доходов и расходов бюджета особенно подчеркивается в определении самих доходов и расходов бюджета. Доходами бюджета являются «поступающие в бюджет денежные средства», а поступления, в свою очередь, должны быть зачислены исключительно на единый счет бюджета. Расходами бюджета являются «выплачиваемые из бюджета денежные средства», а такие перечисления должны осуществляться исключительно с единого счета бюджета.

Таким образом, только те денежные средства, которые зачислены на единый счет бюджета, могут быть признаны доходом бюджета, и только выплаты с единого счета бюджета — расходом бюджета.

Доходы бюджета и единый счет бюджета

Отметим, что БК РФ установил особый механизм признания доходов бюджетов. Действительно, только поступления на единый счет бюджета могут быть признаны доходами бюджета.

В соответствии с законодательством о налогах и сборах исполнение обязательств плательщиков налогов и сборов не осуществляется напрямую на единые счета бюджетов. С 2023 г. в бюджеты бюджетной системы стал перечисляться особый вид платежа, установленный НК РФ, — единый налоговый платеж. При этом статья 11.3 НК РФ устанавливает, что единый налоговый платеж перечисляется «в бюджетную систему Российской Федерации на счет Федерального казначейства». Статья 11 НК РФ определяет счет Федерального казначейства как «казначейский счет для осуществления и отражения операций по учету и распределению поступлений», что отражает норму БК РФ, согласно которой единый налоговый платеж подлежит зачислению на отдельный счет «для осуществления и отражения операций по учету и распределению поступлений»⁶. Этот счет, как следует из его характеристики, не является единым счетом федерального бюджета или какого-либо бюджета. Таким образом, принадлежность средств, которые поступают на данный счет и администратором которых является налоговая служба, до этапа распределения по видам платежей неочевидна. Можно согласиться с высказанным мнением⁷, что средства единого налогового платежа принадлежат Российской Федерации.

Аналогичный механизм зачисления на обособленный казначейский счет применяется для ввозных таможенных пошлин и авансового платежа, предусмотренного в отношении обязательных платежей правом Евразийского

⁵ См.: Сыропятова Н. В. Правовые режимы банковских счетов в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 348–363 ; Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

⁶ Пункт 1 ст. 242.16 БК РФ.

⁷ Пауль А. Г. Влияние введения механизма единого налогового платежа и казначейского обслуживания на правовое регулирование отношений по формированию доходов бюджетов // Финансовое право. 2023. № 12.

экономического союза, относимых впоследствии таможенными органами к таможенным платежам⁸.

Кроме того, все иные виды платежей, формирующие впоследствии доходы бюджетов, согласно ст. 40 БК РФ подлежат зачислению «на казначейские счета для осуществления и отражения операций по учету и распределению поступлений». Учитывая, что указанные платежи, а также иные обязательные платежи не зачисляются на единые счета бюджетов и не могут по этой причине, как отмечено выше, признаваться доходами какого-либо бюджета, пункт 1 ст. 40 БК РФ для поступлений, которые зачисляются на указанные казначейские счета, ввел отдельную категорию доходов, отличающуюся от понятия «доходы бюджета», — «доходы от федеральных налогов и сборов, региональных налогов, местных налогов и сборов, страховых взносов на обязательное социальное страхование, иных обязательных платежей, других поступлений, являющиеся источниками формирования доходов бюджета». В качестве синонима этого термина используются также «доходы, поступившие в бюджетную систему Российской Федерации»⁹.

Для всех указанных видов поступлений, включающих доходы от налогов, сборов и взносов, являющихся источниками формирования доходов бюджета, а также поступления от единого налогового платежа и авансовых таможенных платежей, бюджетное законодательство использует термин «поступления в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации»¹⁰.

Доходы, поступившие в бюджетную систему Российской Федерации, в соответствии со ст. 40 БК РФ зачисляются на казначейские счета для осуществления и отражения операций по учету и распределению поступлений. В последующем данные поступления подлежат распределению органами Федерального казначейства между федеральным бюджетом, бюджетами субъектов

Российской Федерации, местными бюджетами, а также бюджетами государственных внебюджетных фондов с этих счетов на единые счета соответствующих бюджетов. После зачисления на единые счета бюджета указанные поступления признаются доходами соответствующего бюджета (источниками финансирования дефицита федерального бюджета).

Таким образом, в соответствии с БК РФ поступления в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации от плательщиков не могут быть зачислены напрямую на единые счета бюджетов, доходы и иные поступления подлежат первоначальному зачислению на специальные казначейские счета, с которых органы Федерального казначейства осуществляют распределение и перечисление указанных средств на единые счета соответствующих бюджетов.

Из этого вытекает важный правовой вывод, что поступления не признаются доходами бюджета, если они не зачислены на единый счет бюджета с казначейского счета для осуществления и отражения операций по учету и распределению поступлений. В случае если произойдет прямое зачисление средств на единый счет бюджета, оно подлежит учету как невыявленное поступление, которое в этом статусе будет перечислено на вышеупомянутый казначейский счет, откуда уже корректно сможет поступить на единый счет бюджета.

Проведенный анализ законодательства позволяет выделить три вида счетов, опосредующих движение средств от плательщиков на единые счета бюджетов бюджетной системы:

- счет для зачисления и распределения единого налогового платежа в соответствии с НК РФ;
- счет для зачисления и распределения таможенных платежей в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза;
- счет для зачисления и распределения иных доходов бюджетов бюджетной системы.

⁸ Пункт 3 приложения № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁹ Пункт 1 ст. 40 БК РФ.

¹⁰ Пункт 3 ст. 242.16 БК РФ.

Казначейский счет и лицевые счета

Бюджетный кодекс РФ с 2021 г. принципиально модернизировал систему кассового устройства государства, введя систему казначейских платежей. Система казначейских платежей стала предусматривать открытие всех единых счетов бюджетов вместо Центрального банка РФ в Казначействе России. Вместо банковских счетов законодатель ввел понятие «казначейский счет», который можно рассматривать в качестве аналога банковского счета¹¹.

«Казначейский счет» как отдельная категория бюджетного права представляет собой счет для осуществления и отражения операций участника системы казначейских платежей с денежными средствами.

Таким образом, единый счет бюджета является одним из видов казначейского (ранее — банковского) счета, обладает всеми его признаками, основным из которых является то, что он предназначен для учета денежных средств.

Единый счет бюджета предназначен для осуществления через него всех операций по исполнению бюджета. Операции по исполнению бюджета, в свою очередь, подлежат в соответствии со ст. 220.1 БК РФ учету на лицевых счетах. При этом пунктом 10 ст. 220.1 БК РФ установлено, что лицевые счета открываются к соответствующим видам казначейских счетов. Но бюджетное законодательство не дает прямого ответа на вопрос, какие лицевые счета подлежат открытию к единому счету бюджета.

Для исполнения бюджета бюджетное законодательство установило отдельные процедуры осуществления и учета операций по доходам, расходам и источникам финансирования дефицита бюджета, подлежащие отражению на лицевых счетах. Наиболее объемными являются операции по исполнению бюджета по расходам, предусматривающие процедуры доведения

бюджетных данных, принятия и учета бюджетных и денежных обязательств, а также санкционирования расходов бюджета. Таким образом, к единому счету бюджета подлежат открытию те лицевые счета, которые предназначены для учета отдельных операций по исполнению бюджета.

Анализ Порядка открытия и ведения лицевых счетов территориальными органами Федерального казначейства¹² позволяет сделать вывод, что к единым счетам каждого бюджета в Казначействе России открываются следующие виды лицевых счетов: лицевой счет главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, лицевой счет получателя бюджетных средств, лицевой счет главного администратора источников внутреннего финансирования дефицита бюджета, лицевой счет администратора источников внутреннего финансирования дефицита бюджета, лицевой счет иного получателя бюджетных средств, лицевой счет для учета операций по переданным полномочиям получателя бюджетных средств.

Дополнительно только к единому счету федерального бюджета может быть открыт лицевой счет главного администратора источников внешнего финансирования дефицита бюджета и лицевой счет администратора источников внешнего финансирования дефицита бюджета. Только для единых счетов бюджетов субъектов и муниципальных образований и единых счетов государственных внебюджетных фондов предусмотрено также открытие лицевого счета бюджета.

Остатки средств на едином счете бюджета

Одной из особенностей единого счета бюджета является необходимость обеспечения достаточного остатка средств на счете для бесперебойного осуществления всех бюджетных платежей.

¹¹ Артюхин Р. Е. Бюджетно-правовое регулирование казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12.

¹² Приказ Казначейства России от 17.10.2016 № 21н «О порядке открытия и ведения лицевых счетов территориальными органами Федерального казначейства» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Источником осуществления расходов бюджета являются поступления доходов бюджета и поступления из источников финансирования дефицита бюджета. Однако поступления доходов в бюджет могут не совпадать с периодами осуществления расходов, особенно это актуально в начале года, когда необходимо осуществлять расходы в значительно большем объеме, чем поступающие доходы.

Для обеспечения надлежащего уровня остатков средств на счете БК РФ предусматривает, во-первых, образование так называемой оборотной кассовой наличности, которая может составлять для единого счета федерального бюджета 1/12 общего объема расходов федерального бюджета текущего финансового года¹³, а для единого счета субъекта¹⁴, местного бюджета¹⁵ — объем средств, определяемый законом субъекта Российской Федерации, муниципальным правовым актом представительного органа муниципального образования соответственно.

Вторым правовым механизмом, позволяющим обеспечить надлежащий уровень остатка в течение года, стал механизм привлечения временно свободных средств со счетов для учета иных средств, находящихся во владении публично-правовых образований. Так, на единый счет федерального бюджета в соответствии со ст. 236.1 БК РФ временно привлекаются остатки средств на единых счетах бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, денежных средств, поступающих во временное распоряжение получателей средств федерального бюджета, денежных средств федеральных бюджетных и автономных учреждений, участников казначейского сопровождения, открытых Федеральному казначейству.

Разница между средствами, перечисленными с единого счета федерального бюджета, и средствами, зачисленными на единый счет федерального бюджета, включается в состав

иных источников внутреннего финансирования дефицита федерального бюджета¹⁶.

Учитывая включение временно привлеченных средств в состав источников финансирования дефицита бюджета, временное привлечение можно рассматривать как заимствование средств, находящихся во владении публично-правовых образований. Этот вид временного привлечения средств формирует особую категорию кредиторской задолженности публично-правового образования.

Распоряжение средствами единого счета бюджета

Бюджеты в России составляются и исполняются на кассовой основе. Этот принцип не закреплен в БК РФ, но кассовый метод составления и исполнения бюджета напрямую вытекает из определений доходов и расходов бюджета. Единый счет бюджета в связи с этим можно рассматривать как организационно-правовой механизм реализации исполнения бюджета на кассовой основе.

Бюджетный кодекс РФ создал механизм увязки кассовых поступлений и выплат через единый счет бюджета с рядом бюджетных процедур, применяемых как в части поступлений, так и в части выплат из бюджета. Одна из задач правового регулирования единого счета состоит в обеспечении контроля за соблюдением всех бюджетных процедур. БК РФ создал механизм, при котором бюджетные процедуры в полном объеме отражаются на лицевых счетах и лишь после этого производится расход — осуществляется платеж через единый счет бюджета. Сам платеж осуществляется от имени и по поручению администраторов доходов, администраторов источников финансирования дефицита бюджета, получателей средств бюджета, а также финансовых органов, лицевые счета которых открыты в органах Федерального казначейства¹⁷.

¹³ Статья 94 БК РФ.

¹⁴ Статья 95 БК РФ.

¹⁵ Статья 96 БК РФ.

¹⁶ Статья 94 БК РФ.

¹⁷ Статья 166.1 БК РФ.

Эту норму нужно рассматривать в совокупности со ст. 242.15 БК РФ, которая определяет прямых и косвенных участников системы казначейских платежей.

Право распоряжения средствами единого счета соответствующего бюджета при казначейском обслуживании принадлежит прямым участникам системы казначейских платежей. Их развернутый список дан в п. 2 ст. 242.15 БК РФ. Косвенные участники системы казначейских платежей не распоряжаются средствами единого счета бюджета напрямую, но для них БК РФ установлена возможность доступа к средствам через прямых участников. Например, для бюджетов всех уровней, кроме федерального, прямыми участниками являются финансовые органы. Получатели средств бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, являющиеся косвенными участниками системы казначейских платежей, могут совершать платежи с единых счетов соответствующих бюджетов через соответствующий финансовый орган, выступающий прямым участником системы казначейских платежей. Данный механизм предусматривает представление косвенным участником соответствующего распоряжения прямому участнику системы казначейских платежей¹⁸, при этом прямой участник проверяет право косвенного участника представлять распоряжение на совершение платежа¹⁹.

На наш взгляд, платежи с единого счета бюджета осуществляются от имени и по поручению администраторов бюджетных средств, даже если они являются косвенными участниками системы казначейских платежей. Именно администраторы бюджетных средств, а не финансовые органы, принимают и исполняют обязательства, а финансовый орган или казначейство (в зависимости от того, где открыты лицевые счета) проверяет соблюдение бюджетных процедур, являясь, исходя из принципа единства

кассы, кассиром, но не имея права распоряжаться средствами бюджетов. Таким образом, финансовый орган, становясь прямым участником системы казначейских платежей, исполняя распоряжения косвенного участника, только номинально обладает правом распоряжения средствами. Казначейство или финансовый орган вправе самостоятельно инициировать платежи с единого счета бюджета в рамках ст. 236.1 БК РФ, инициация всех остальных платежей может производиться только администратором средств бюджета, который осуществляет исполнение соответствующего бюджета. При этом, несмотря на то что средствами на едином счете бюджетов распоряжаются администраторы бюджетных средств, владельцами единого счета бюджета они не являются. Единый счет бюджета как часть института организации исполнения бюджета, в соответствии с бюджетным законодательством, принадлежит специальному уполномоченному органу — финансовому органу (органу управления государственным внебюджетным фондом). Так, согласно Порядку открытия казначейских счетов²⁰ единый счет федерального бюджета открывается Федеральному казначейству, единый счет бюджета субъекта Российской Федерации (муниципального образования) открывается соответствующему финансовому органу, единый счет бюджета государственного внебюджетного фонда — органу управления государственным внебюджетным фондом.

Такое распределение полномочий характеризует место и роль финансовых органов в бюджетном процессе.

Особенностью единого счета федерального бюджета является, как следует из ст. 6 БК РФ, то, что он представляет собой «совокупность счетов». Кодекс напрямую не раскрывает особенности функционирования единого счета бюджета как совокупности счетов, предусматривая отсылку к акту Казначейства России²¹. Из указан-

¹⁸ Статья 242.9 БК РФ.

¹⁹ Статья 242.10 БК РФ.

²⁰ Приказ Казначейства России от 01.04.2020 № 15н «О Порядке открытия казначейских счетов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

²¹ Приказ Казначейства России от 30.12.2022 № 445 «Об утверждении Порядка организации работы территориальных органов Федерального казначейства в части проведения операций со средствами на едином

ного акта следует, что единый счет федерального бюджета включает в себя «корневой» единый счет бюджета и иные счета федерального бюджета, носящие транзитный характер. Иные счета необходимы в связи с осуществлением и обработкой казначейских платежей в разных часовых поясах. В целях своевременного подкрепления казначейских счетов территориальных органов Казначейства для последующего осуществления с них расходов федерального бюджета можно выделить отдельную группу операций по единому счету федерального бюджета — «операции со средствами на едином счете федерального бюджета».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что для единого счета бюджета правомерными являются только операции, связанные с зачислением доходов бюджета и осуществлением расходов бюджета, а также операции по поступлениям и выплатам источников финансирования дефицита бюджета. Правовой режим единого счета в части доходов устанавливает особенности зачисления поступлений от плательщиков не на единые счета бюджетов, а на отдельные казначейские счета учета поступлений в бюджеты бюджетной системы, с которых осуществляется распределение доходов на единые счета бюджетов.

Из этого предписания следует, что, во-первых, на единый счет бюджета не должны зачисляться средства, не являющиеся доходами бюджета, с него не должны производиться платежи, которые не являются расходами бюджета (т.е. не предусмотрены в бюджете соответствующего публично-правового образования). Во-вторых, на другие счета публично-правовых образований не могут зачисляться доходы бюджета и производиться с них расходы бюджета. Если средства доходов бюджетов поступили на другие счета, то они не будут признаны таковыми и не могут подлежать отражению в составе доходов. Аналогично, если платеж от имени публично-правового образования осуществлен не с единого счета бюджета, то он не может быть

признан в качестве кассового расхода и исполнения бюджета по расходам, если иное прямо не предусмотрено бюджетным законодательством.

Можно выделить три группы операций, осуществление которых возможно на едином счете и которые формируют правовой режим единого счета бюджета.

К первой группе относятся операции, предусмотренные законом о бюджете: операции по доходам, расходам и источникам финансирования дефицита бюджета. Указанные операции осуществляются по единому счету бюджета прямыми и косвенными участниками системы казначейских платежей.

Вторую группу составляют операции, осуществляемые в соответствии со ст. 236.1 БК РФ и отражаемые в составе источников финансирования дефицита бюджета. Это операции, объединяемые общим названием «операции по управлению остатками средств на едином счете бюджета». Указанные операции не отражаются в законе о бюджете и сводной бюджетной росписи и осуществляются финансовыми органами и Казначейством России как прямыми участниками системы казначейских платежей с особым правовым статусом, обусловленным их бюджетными полномочиями.

Третья группа операций предусмотрена только для федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации — «операции со средствами на едином счете федерального бюджета», которые осуществляют только Казначейство России и органы управления государственными внебюджетными фондами. При этом закрепление требования о едином счете бюджета неизбежно повлекло необходимость создания дополнительных правовых инструментов его функционирования, к числу таких бюджетно-правовых категорий, ставших возможными благодаря единому счету бюджета, можно отнести «лицевые счета», а также «управление остатками средств на едином счете бюджета».

счете федерального бюджета, операций по привлечению остатков средств на единый счет федерального бюджета и возврату привлеченных средств» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Единый счет бюджета позволил создать дополнительные механизмы увеличения его ликвидности и платежеспособности публично-правового образования, при этом нельзя допускать, чтобы средства, временно привлекаемые на единый счет бюджета, являлись бы источниками финансирования дефицита бюджета за рамками бюджетного года.

Снижение остатка на едином счете до уровня, меньшего, чем объем привлеченных средств, возможно только в течение финансового года, однако с учетом риска использования этих средств в качестве источников финансирования дефицита бюджета необходимо создать право-

вой механизм, препятствующий их расходованию на цели, не связанные с покрытием временных кассовых разрывов. Для этого требуется сформировать дополнительные правовые гарантии безусловного исполнения обязательств бюджетных, автономных учреждений, юридических лиц, чьи средства привлечены на единый счет бюджета. Для решения этой задачи предлагается рассмотреть возможность возврата в БК РФ нормы о необходимости восстановления до конца текущего финансового года на казначейских счетах субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, с которых привлекались средства, всего объема привлеченных средств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артюхин Р. Е.* Бюджетно-правовое регулирование казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 12. — С. 52–61.
2. *Артюхин Р. Е.* Кассовое устройство и бюджетно-правовой принцип единства кассы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 8. — С. 95–101.
3. *Ефимова Л. Г.* О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. — 2022. — № 4. — С. 6–15.
4. *Пауль А. Г.* Влияние введения механизма единого налогового платежа и казначейского обслуживания на правовое регулирование отношений по формированию доходов бюджетов // Финансовое право. — 2023. — № 12. — С. 2–5.
5. *Сыропятова Н. В.* Правовые режимы банковских счетов в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — Вып. 48. — С. 348–363.

Материал поступил в редакцию 17 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artyukhin R. E. Byudzhethno-pravovoe regulirovanie kaznacheyskogo obsluzhivaniya ispolneniya byudzhetrov subektov Rossiyskoy Federatsii i munitsipalnykh obrazovaniy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 12. — S. 52–61.
2. Artyukhin R. E. Kassovoe ustroystvo i byudzhethno-pravovoy printsip edinstva kassy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2022. — № 8. — S. 95–101.
3. Efimova L. G. O pravovoy prirode beznalichnykh deneg, tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya // Tsivilist. — 2022. — № 4. — S. 6–15.
4. Paul A. G. Vliyanie vvedeniya mekhanizma edinogo nalogovogo platezha i kaznacheyskogo obsluzhivaniya na pravovoe regulirovanie otnosheniy po formirovaniyu dokhodov byudzhetrov // Finansovoe pravo. — 2023. — № 12. — S. 2–5.
5. Syropyatova N. V. Pravovye rezhimy bankovskikh schetov v Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2020. — Vyp. 48. — S. 348–363.

Публично-правовое регулирование валютных операций в условиях контрсанкционного режима

Аннотация. В статье рассматриваются новеллы публично-правового регулирования валютных операций в Российской Федерации, связанные с формированием контрсанкционного правового режима. Особое внимание уделяется новым возможностям для осуществления трансграничных расчетов, связанных с внешнеэкономической деятельностью, а также правоприменительной практике, реализуемой государственными органами Российской Федерации в условиях недружественных действий иностранных государств. Отмечается роль нового самостоятельного института — валютного мониторинга. В заключительной части рассматриваются последствия внедрения специальных механизмов защиты российских национальных интересов в условиях санкций. Отмечается, что новеллы в российском законодательстве, а также современные подходы российских ученых к вопросам публично-правового регулирования валютных отношений в целом формируют принципиально новые юридические механизмы защиты национальных интересов в условиях ужесточения санкционного давления недружественных стран, прежде всего во внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: валютные операции; валютные ценности; цифровые права; валютная выручка; санкционный режим; недружественные действия; меры воздействия (противодействия); специальные экономические меры; правовые механизмы противодействия санкционному режиму; валютный мониторинг; органы валютного контроля.

Для цитирования: Голощапов И. И. Публично-правовое регулирование валютных операций в условиях контрсанкционного режима // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 66–75. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.066-075.

Public Law Regulation of Currency Transactions in the context of the Counter-Sanctions Regime

Ivan I. Goloshchapov, Postgraduate Student, Department of Administrative and Financial Law, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation
1142220772@pfur.ru

Abstract. The paper examines amendments in public law regulation of currency transactions in the Russian Federation related to the formation of a counter-sanctions legal regime. Special attention is paid to new opportunities for cross-border settlements related to foreign economic activity and law enforcement practices implemented by government agencies of the Russian Federation in the face of unfriendly actions by foreign States. The paper highlights the role of a new independent institution, namely, currency monitoring. The final part examines the consequences of the introduction of special mechanisms aimed to protect Russian national

© Голощапов И. И., 2025

* Голощапов Иван Ильич, аспирант кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая ул., д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198
1142220772@pfur.ru

interests in the face of sanctions. It is noted that novelties in Russian legislation, as well as modern approaches of Russian researchers to issues of public law regulation of currency relations in general, form fundamentally new legal mechanisms for protecting national interests in the context of tightening sanctions pressure from unfriendly countries, primarily in foreign economic activity.

Keywords: currency transactions; currency values; digital rights; foreign exchange earnings; sanctions regime; unfriendly actions; measures of influence (counteraction); special economic measures; legal mechanisms for countering the sanctions regime; currency monitoring; currency control authorities.

Cite as: Goloshchapov II. Public Law Regulation of Currency Transactions in the context of the Counter-Sanctions Regime. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):66-75. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.066-075.

Проблематика осуществления российскими организациями, их иностранными партнерами и уполномоченными банками международных расчетов по внешнеторговым контрактам в условиях введения санкционных режимов Соединенными Штатами Америки, Европейским Союзом и недружественными государствами весьма актуальна и требует внимания со стороны как законодательной власти, так и ученых-юристов.

Некоторые российские исследователи полагают, что после имплементации странами ЕС пятого санкционного пакета, сопутствующих ему санкционных решений США и других стран введение последующих санкций не имело существенных последствий для правовой и экономической ситуации в России, носило демонстративный характер, более того, направлено преимущественно на реализацию текущих и перспективных торговых войн с Китайской Народной Республикой¹.

Вместе с тем правоведы придерживаются и иной точки зрения: изучают практические вопросы, касающиеся работы российских организаций, в частности кредитно-финансовых учреждений, в условиях санкций, а также трудности даже в реализации их права на доступ к правосудию в контексте запретов на проведение оплаты и получение соответствующих услуг

юридического представительства в Великобритании и прочих странах англосаксонской правовой семьи. Указывается на необходимость получения для этого соответствующей лицензии Управления по осуществлению финансовых санкций (Office of Financial Sanctions Implementation), что является нетривиальной задачей².

Всё же для эффективного осуществления внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД) очень сложным, важным и комплексным остается вопрос функционирования стабильной системы осуществления валютных операций, которые обслуживают прежде всего экспорт и импорт товаров.

В настоящее время большинство российских кредитно-финансовых учреждений (уполномоченных банков) в одностороннем порядке исключено из системы передачи сообщений и банковских платежей «Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication» (далее — SWIFT), а также испытывает определенные затруднения в связи с использованием как китайской «Cross-border Interbank Payment System», так и российской Системы передачи финансовых сообщений (далее — СПФС), функционирующей на основании приказа Банка России³ и в соответствии со специализированным регламентом.

¹ Манушин Д. В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Т. 17. № 4. С. 775–799. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.775-799. EDN: ZROIEW.

² Щукин А. И., Воскобойник И. А. Доступность английского правосудия в условиях односторонних санкций в отношении России : монография. М. : Юриспруденция, 2024. С. 34–43.

³ Приказ Банка России от 21.04.2015 № ОД-859 «Об организации обмена электронными сообщениями через систему передачи финансовых сообщений Банка России между клиентами Банка России».

По сообщениям Банка России, совершенствование работы СПФС на сегодняшний день ориентируется на подключение центральных (национальных) банков иностранных государств, прежде всего дружественных, а также их коммерческих банков к формированию межсистемного взаимодействия при передаче финансовых сообщений и платежей⁴.

Кроме того, следует отметить, что ряд центральных банков дружественных стран уже реализовал подключение к СПФС. Речь, безусловно, идет о странах — участницах Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), чье законодательство систематически и в достаточной степени проходит процесс гармонизации и имеет значительные достижения в части синхронизации таможенных, налоговых и банковских нормативных правовых актов.

Действующие санкционные режимы недружественных государств на фоне развития соответствующей российской системы, выступающей полноценной альтернативой SWIFT, в рамках очередного пакета ограничений могут быть дополнены санкциями, направленными непосредственно на создаваемую платежную инфраструктуру, что существенно затруднит экспортные и импортные операции, связанные сегодня в том числе и со стратегией применения расчетов за поставляемые товары в национальных валютах⁵.

Внешнеэкономическая деятельность, как уже отмечалось, неразрывно связана с осуществлением трансграничных переводов, которые, согласно Федеральному закону от 27.06.2011 № 161-ФЗ⁶, представляют собой «переводы денежных средств, при осуществлении которых плательщик либо получатель средств находится за пределами Российской Федерации, и (или)

переводы денежных средств, при осуществлении которых плательщика или получателя средств обслуживает иностранный центральный (национальный) банк или иностранный банк».

Затруднения, связанные с осуществлением российскими участниками ВЭД таких трансграничных переводов валютных ценностей (преимущественно в виде резервных валют — доллара США и евро), существенно влияют на эффективность реализуемых ими основных таможенных операций, от которых напрямую зависят как наполненность внутреннего рынка товарами, так и обеспечение непрерывного цикла производства на крупнейших, стратегических предприятиях, значительным образом вовлеченных в международную межзаводскую кооперацию.

Научное исследование затронутых вопросов необходимо начинать с существующих в российской науке доктринальных подходов, касающихся определения ключевых категорий и институтов в сфере валютных правоотношений.

В дореволюционный период валютная тематика изучалась правоведами в составе более значимых для научного сообщества того времени комплексных объектов. Для иллюстрации данных подходов следует отметить А. А. Никитского, фокусировавшегося на интересах общественных групп в валютном вопросе⁷. В СССР научный запрос трансформировался, и валютное регулирование рассматривали уже как полноценный институт финансового права⁸. При этом наиболее интересной и ценной с точки зрения дальнейшей разработки данного вопроса находкой того периода является правовая концепция валютной монополии государства, значительно отличающаяся от сформированных на сегодняшний день доктринального и легального

⁴ Письмо Банка России от 24.07.2023 № 03-23-16/6611 «Об ответах на вопросы к встрече “Регулирование Банком России деятельности коммерческих банков”».

⁵ Информационное агентство «Bloomberg». URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-05-06/eu-aims-to-sanction-russian-political-cash-before-european-vote?sref=cus85deZ> (дата обращения: 16.05.2024).

⁶ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

⁷ Никитский А. А. Основы финансовой науки и политики / предисл. И. Х. Озерова. М. : «Польза» В. Антик и Ко, 1909. С. 237–238.

⁸ Гурвич М. А. Советское финансовое право : учеб. пособие. М. : Госюриздат, 1952. С. 310.

подходов, связанных с режимами валютного регулирования и контроля⁹ (ситуация, когда в государстве разрешено обращение валютных ценностей, но также имеются определенные ограничения и пределы такого обращения), которые реализуются государством, публично-правовыми и иными субъектами (в том числе и уполномоченными банками как агентами валютного контроля).

Для настоящего времени характерно определение валютного права как института особенной части финансового права¹⁰, однако института всё же комплексного, включающего нормы и иных отраслей. Это объясняется тем, что общественные отношения, возникающие при совершении валютных операций, а равно и в процессе их регулирования и тем более контроля, определяются одновременно нормами конституционного, административного и гражданского права.

А. А. Тедеев уточняет, что предметом валютного права как совокупности правовых норм являются урегулированные им общественные отношения, связанные с функционированием систем валютного регулирования и валютного контроля, осуществлением операций (в том числе международных расчетов) с валютными ценностями, обеспечением прав на них, защитой публичного правопорядка в данной сфере, а также поддержанием стабильного курса национальной валюты¹¹. Разбирая данную позицию, достаточно легко дифференцировать самостоятельные группы таких правоотношений, определяемых иными отраслями права, кроме финансового.

Следует отметить также короткую, но емкую дефиницию, предложенную И. В. Хаменушко, определившим валютное право в качестве ком-

плексной отрасли, объединяющей различные нормы, которые регулируют общественные отношения по поводу валюты и валютных ценностей¹².

В период системной и широкой трансформации законодательства Российской Федерации, формирования правового режима защиты национальных интересов (контрсанкционного режима) на фоне введения санкций и недружественных действий интересны предложения, озвученные А. А. Ситником¹³. Он использует тезисы о формировании новой, параллельной финансовой системы, частью которой должна стать создаваемая международная валютная система. Исследователь также отмечает роль США и других иностранных государств в процессе изменения текущей парадигмы финансово-экономического уклада с учетом введения спорных в правовом отношении односторонних экономических санкций (отключение кредитных учреждений подсанкционных государств от SWIFT, конфискация резервов и активов ряда стран, запрет на ввоз наличной валюты и пр.). Данные предложения уже получают отражение в принимаемой нормативной правовой базе.

Возвращаясь к российской правовой действительности, целесообразно рассмотреть базовые правовые категории исследуемого института и их легальные определения, для чего потребуется обратить внимание на актуальное отраслевое законодательство. Так, Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ¹⁴ содержит дефиниции таких понятий, как «валюта Российской Федерации», «иностранная валюта», «валютные ценности», «валютные операции» и, наконец, «цифровые права».

⁹ Тедеев А. А. Финансовое право : учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2021. С. 429.

¹⁰ Финансовое право : учебник для бакалавров / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Проспект, 2014. С. 35.

¹¹ Тедеев А. А. Валютное право : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 22.

¹² Хаменушко И. В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учебно-практическое пособие. М. : Норма, 2013. С. 12.

¹³ Право в условиях санкций : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023. § 5.1. С. 238–256 (автор параграфа — А. А. Ситник).

¹⁴ Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

В условиях санкционных режимов существенным образом затруднены уже упоминавшиеся трансграничные финансовые операции любого характера, связанные с перемещением валютных ценностей, а также и валюты Российской Федерации, принадлежащих как резидентам, так и нерезидентам и используемых в числе прочего для расчетов за товары, поступающие в Российскую Федерацию и из нее, напрямую или через таможенную территорию ЕАЭС в рамках соответствующих таможенных процедур.

К числу наиболее значимых элементов санкционных режимов в отношении Российской Федерации, на которые требуется сформировать легальный ответ, можно отнести отключение российских кредитных учреждений от системы SWIFT¹⁵; запрет на продажу, поставку, передачу и экспорт банкнот (евро) в Российскую Федерацию или любым ее органам, организациям и учреждениям, включая Банк России¹⁶; аналогичный запрет на поставку и экспорт наличной валюты, номинированной в долларах США¹⁷, и связанная с ним Генеральная лицензия № 18 Управления по контролю за иностранными активами¹⁸, исключающая поставку соответствующих банкнот для нужд Российской Федерации, и др.

В данном контексте следует внимательно изучить решительные действия Российской Федерации, направленные на защиту национальных интересов, а впоследствии — и на формирование собственного комплексного контрсанкционного режима.

Наиболее интересным с точки зрения эффективного осуществления ВЭД является имплементированное в российское законодательство право ее российских участников использовать цифровые финансовые активы во внешней торговле с целью обеспечения ее нормального функционирования под санкционным давлением. Новеллы сопряжены и с введением в законодательство о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма нового вида обязательного (государственного) контроля — за такими операциями по передаче утилитарных цифровых прав и (или) гибридных цифровых прав по внешнеторговым договорам (контрактам)¹⁹. Вместе с тем до настоящего времени сделать практические выводы о результативности принятого законодателем алгоритма расчетов, получив и проанализировав достоверную статистику его использования, не представляется возможным.

Наряду с указанными мерами продолжается также и разработка альтернативных решений, касающихся обеспечения устойчивости международных расчетов для российских участников ВЭД. В этой связи довольно интересны предложения российского исследователя И. В. Пилипенко, касающиеся возможности применения Российской Федерацией системы как многостороннего, так и двустороннего клиринга с дружественными странами, разработки и дальнейшего использования расчетной единицы

¹⁵ Council Regulation (EU) 2022-345 of 1 March 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ. L 63. 02.03.2022. P. 1–4.

¹⁶ Council Decision (CFSP) 2022/346 of 1 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ. L 63. 02.03.2022. P. 5–7.

¹⁷ Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports and New Investments with Respect to continued Russian Federation Aggression. 11 March 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression/> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁸ Office of Foreign Assets Control. Russian Harmful Foreign Activities Sanctions Regulations 31 CFR part 587. General License No. 18. Authorizing U. S. Dollar-Denominated Banknote Noncommercial, Personal Remittances Prohibited by Executive Order of 11 March 2022 // URL: <https://ofac.treasury.gov/media/919081/download?inline> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁹ Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1569.

«uniclear», а равно и формирования наднациональных структур международных расчетов на базе Евразийского банка развития или Межгосударственного банка²⁰. Работа в указанном направлении также продолжается.

Отдельные аспекты публично-правового регулирования валютных операций, связанные с необходимостью формирования новых правовых механизмов защиты национальных интересов Российской Федерации, предполагают и появление дополнительных ограничений, направленных на снижение давления недружественных действий иностранных государств на российскую экономику.

В рамках полномочий, предоставленных федеральными законами от 04.06.2018 № 127-ФЗ²¹, от 30.12.2006 № 281-ФЗ²², а также отдельными положениями Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ²³, глава государства, реализуя задачи противодействия санкциям, обеспечения финансовой стабильности и надежной защиты национальных интересов,

подготовил и подписал ряд подзаконных нормативных актов, регулирующих временный порядок осуществления валютных операций. Так, согласно Указу Президента РФ от 28.02.2022 № 79²⁴ введено требование об обязательной продаже валютной выручки в размере 80 % для всех резидентов — участников ВЭД.

Впоследствии указами от 09.06.2022 № 360²⁵ и от 23.05.2022 № 303²⁶ требования смягчены, полномочия по определению размера подлежащей продаже валютной выручки даны Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации, а сроков ее продажи — Совету директоров Банка России.

На основании Указа от 18.03.2022 № 126²⁷ установлена возможность отмены или частичного неприменения данного императивного требования при соблюдении ряда условий по специальному решению Банка России, что говорит об использовании метода дозволения в указанном вопросе.

²⁰ Пилипенко И. В. Методика применения валютного клиринга во внешней торговле Российской Федерации в условиях санкций. М. : Научная библиотека, 2022. С. 96–115.

²¹ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

²² Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.

²³ Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

²⁴ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.

²⁵ Указ Президента РФ от 09.06.2022 № 360 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 “О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций” и Указ Президента Российской Федерации от 18 марта 2022 г. № 126 “О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования”» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 4033.

²⁶ Указ Президента РФ от 23.05.2022 № 303 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 “О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций”» // СЗ РФ. 2022. № 22. Ст. 3635.

²⁷ Указ Президента РФ от 18.03.2022 № 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1808.

Следует отметить, что после принятия Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ и вступления в силу всех его положений, касающихся продажи валютной выручки, и до введения санкционных режимов иностранных государств в Российской Федерации правоприменительной практики, обязывающей осуществлять обязательную ее продажу, не имелось. При этом ранее данный вопрос всё же регулировался специальными решениями главы государства. То есть данный инструмент правового регулирования не является абсолютно новым для российских участников ВЭД.

Обращают на себя внимание и абсолютно беспрецедентные решения, касающиеся разработки и внедрения института валютного мониторинга. Так, 11 октября 2023 г. Правительство РФ сообщило о подписании Президентом РФ Указа № 771²⁸, предполагающего введение для отдельных компаний (43 группы компаний из топливно-энергетического комплекса, отраслей черной и цветной металлургии, химической и лесной промышленности, зернового хозяйства и иных) на шесть месяцев обязанностей по репатриации и продаже валютной выручки, представлению планов-графиков по покупке и продаже иностранной валюты на внутреннем рынке, а также назначению уполномоченных представителей Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) в их органы управления для обеспечения соблюдения полученных предписаний. Позднее указанная практика была продлена. При этом факт введения в органы управления таких организаций представителей органа публичной власти закреплён и в легальном аспекте — в виде внесения изменений²⁹ в пп. 7.1, 7.2, 7.3 Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденного Указом

Президента РФ³⁰. Следует отметить, что органом или агентом валютного контроля Росфинмониторинг не является, что прямо вытекает из Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ, а также из предусмотренной вышеуказанным Положением обязанности информировать такие органы при выявлении нарушений обязанности по продаже валютной выручки.

Анализируя задачи ведомства, можно сделать вывод, что полученные Росфинмониторингом (чья деятельность направлена прежде всего на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также на недопущение распространения оружия массового уничтожения) полномочия могут говорить только о чрезвычайном характере принятых мер.

Правительство в рамках постановления от 12.10.2023 № 1681³¹ определило, что подпадающим под действие Указа от 11.10.2023 № 771 компаниям предписано перечислять не менее 80 % валютной выручки на счета в уполномоченных банках, а также осуществлять ее продажу в размере не менее 90 %, дополнительно разъясняя сроки и алгоритм реализации установленного для участников ВЭД порядка.

Следует отметить, что Указ от 11.10.2023 № 771, в отличие от упомянутого постановления и иных связанных с ним подзаконных актов, до настоящего времени не опубликован и предположительно имеет некую ограничительную пометку (возможно, издан с пометкой «для служебного пользования»), что явно говорит о непубличном характере принятого решения. Вхождение же уполномоченных представителей Росфинмониторинга в органы управления крупнейших компаний-экспортеров, реализованное на уровне решения Президента РФ, говорит о планомерной реализации концеп-

²⁸ Портал Правительства РФ // URL: <http://government.ru/news/49778/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁹ Указ Президента РФ от 13.11.2023 № 856 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» и в Положение, утвержденное этим Указом» // СЗ РФ. 2023. № 47. Ст. 8393.

³⁰ Указ Президента РФ от 13.06.2012 № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // СЗ РФ. 2013. № 25. Ст. 3314.

³¹ Постановление Правительства РФ от 12.10.2023 № 1681 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 771» // СЗ РФ. 2023. № 43. Ст. 7694.

ции наделения ряда государственных структур дополнительными контрольными функциями и полномочиями публично-правового характера, связанными с функционированием контрсанкционного режима, о необходимости которых говорил и законодатель³². Предложенная им концепция так и не реализовалась в форме федеральных законов, однако внедряется точечными решениями Президента РФ в рамках предоставленных ему прав.

Само ведомство, комментируя наделение новыми полномочиями и обязанностями, подчеркивает, что выполняет исключительно мониторинговые функции, дополнительно побуждая к ритмичности осуществления продажи валютной выручки крупнейших российских экспортеров³³.

На этом фоне можно говорить о некоторой противоречивости внедрения мониторинга валютных операций и установления дополнительных функций и задач у Росфинмониторинга, реализующихся параллельно с устоявшимися в российском правовом поле полномочиями органа валютного контроля — Федеральной таможенной службы. Соответствующие подразделения указанной Службы, руководствующейся Административным регламентом³⁴, прямо взаимодействуют с российскими участниками ВЭД, в том числе и крупнейшими экспортерами, включенными Указом от 11.10.2023 № 771 в соответствующие группы.

Можно сделать вывод о потенциальном дублировании функций и избыточном характере принимаемых мер. Однако следует отметить, что данное обстоятельство обусловлено необходимостью реализации мероприятий, которые компетентно осуществляет именно российская

финансовая разведка. Так, в складывающейся ситуации обоснованно привлечение подразделений Росфинмониторинга, поскольку государству требуется внесение ясности в суть современных валютных операций, реализуемых в том числе посредством использования правовых конструкций расчетов с контрагентами без трансграничных переводов (например, посредством зачета встречных требований в рамках договоров займа с иностранными партнерами — посредниками при продаже товаров) или реализации возможностей взаиморасчетов с нерезидентами в иностранной валюте в наличной форме³⁵, а равно и через ранее упомянутые цифровые права и цифровые финансовые активы.

Кроме того, интересным и сложным вопросом остается совмещение предписаний по обязательной продаже валютной выручки при условии установления национальными центральными банками ограничений конвертации иностранной валюты из дружественных стран за пределами их юрисдикций, не направленной на покупку соответствующих товаров национального происхождения.

Указанные обстоятельства формируют препятствия для Федеральной таможенной службы в реализации функций органа валютного контроля и обосновывают необходимость создания самостоятельного института валютного мониторинга, реализуемого сегодня Росфинмониторингом.

Таким образом, новеллы в российском законодательстве, а также современные подходы российских ученых к вопросам публично-правового регулирования валютных отношений в целом формируют принципиально новые юри-

³² Портал Парламентской газеты. URL: <http://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/parlamentskaya-gazeta/issues/12-2023/pages/6/> (дата обращения: 18.05.2024).

³³ Портал Росфинмониторинга. URL: <https://fedsfm.ru/releases/7185> (дата обращения: 18.05.2024).

³⁴ Приказ Федеральной таможенной службы от 17.07.2019 № 1171 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по осуществлению государственного контроля за валютными операциями...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 9 декабря 2019 г. Регистрационный № 56733 в Минюсте России.

³⁵ Завьялов М. М. Порядок исполнения обязательств по внешнеторговым контрактам российскими экспортерами в топливно-энергетической сфере в условиях мониторинга обязательной продажи иностранной валюты // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 6. С. 47–54. EDN: FTCMPK.

дические механизмы защиты национальных интересов в условиях ужесточения санкционного давления недружественных стран, прежде всего во внешнеэкономической деятельности.

Рассматривать принимаемые решения на предмет их эффективности в текущих условиях сложно, поскольку правовая ситуация меняется динамично, а конструирование нового правового режима в рамках принятой стратегии по защите национальных интересов и противодействию

санкционным режимам недружественных иностранных государств продолжается. Одновременно прослеживается явная и неразрывная связь с легализацией новых правовых понятий, категорий и целых институтов на фоне современных исследований ученых-юристов, и можно говорить о важности разработки новых доктринальных подходов к изучаемому институту и вопросам его публично-правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гурвич М. А. Советское финансовое право : учеб. пособие. — М. : Госюриздат, 1952. — 324 с.
2. Завьялов М. М. Порядок исполнения обязательств по внешнеторговым контрактам российскими экспортерами в топливно-энергетической сфере в условиях мониторинга обязательной продажи иностранной валюты // Проблемы экономики и юридической практики. — 2023. — Т. 19. — № 6. — С. 47–54. — EDN: FTCMPK.
3. Манушин Д. В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями // Russian Journal of Economics and Law. — 2023. — Т. 17. — № 4. — С. 775–799. — DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.775-799. — EDN: ZROIEW.
4. Никитский А. А. Основы финансовой науки и политики / предисл. И. Х. Озерова. — М. : «Польза» В. Антик и Ко, 1909. — 272 с.
5. Пилипенко И. В. Методика применения валютного клиринга во внешней торговле Российской Федерации в условиях санкций. — М. : Научная библиотека, 2022. — 448 с.
6. Право в условиях санкций : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023. — 464 с.
7. Тедеев А. А. Финансовое право : учебник для бакалавров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2021. — 448 с.
8. Тедеев А. А. Валютное право : учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2024. — 171 с.
9. Финансовое право : учебник для бакалавров / под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Проспект, 2014. — 571 с.
10. Хаменушко И. В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учебно-практическое пособие. — М. : Норма, 2013. — 347 с.
11. Щукин А. И., Воскобойник И. А. Доступность английского правосудия в условиях односторонних санкций в отношении России : монография. — М. : Юриспруденция, 2024. — 160 с.

Материал поступил в редакцию 12 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gurvich M. A. Sovetskoe finansovoe pravo: ucheb. posobie. — M.: Gosyurizdat, 1952. — 324 s.
2. Zavyalov M. M. Poryadok ispolneniya obyazatelstv po vshnetorgovym kontraktam rossiyskimi eksporterami v toplivno-energicheskoy sfere v usloviyakh monitoringa obyazatelnoy prodazhi inostrannoy valyuty // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2023. — T. 19. — № 6. — S. 47–54. — EDN: FTCMPK.

3. Manushin D. V. Antisanktsionnaya i sanktsionnaya ekonomicheskaya politika Rossii 2022–2025. Chast 1: Analiz i prognoz upravleniya antirossiyskimi sanktsiyami // Russian Journal of Economics and Law. — 2023. — Т. 17. — № 4. — С. 775–799. — DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.775-799. — EDN: ZROIEW.
4. Nikitskiy A. A. Osnovy finansovoy nauki i politiki / predisl. I. Kh. Ozerova. — М.: «Polza» V. Antik i Ko, 1909. — 272 s.
5. Pilipenko I. V. Metodika primeneniya valyutnogo kliringa vo vneshney torgovle Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sanktsiy. — М.: Nauchnaya biblioteka, 2022. — 448 s.
6. Pravo v usloviyakh sanktsiy: monografiya / pod obshch. red. M. V. Mazhorinoy, B. A. Shakhnazarova. — М.: Prospekt, 2023. — 464 s.
7. Tedeev A. A. Finansovoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov. — 4-e izd., pererab. i dop. — М.: Eksmo, 2021. — 448 s.
8. Tedeev A. A. Valyutnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. — 5-e izd., pererab. i dop. — М.: Yurayt, 2024. — 171 s.
9. Finansovoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. E. Yu. Grachevoy. — М.: Prospekt, 2014. — 571 s.
10. Khamenushko I. V. Valyutnoe regulirovanie v Rossiyskoy Federatsii: pravila, kontrol, otvetstvennost: uchebno-prakticheskoe posobie. — М.: Norma, 2013. — 347 s.
11. Shchukin A. I., Voskoboynik I. A. Dostupnost angliyskogo pravosudiya v usloviyakh odnostoronnikh sanktsiy v otnoshenii Rossii: monografiya. — М.: Yurisprudentsiya, 2024. — 160 s.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.076-085

А. Г. Дейнеко*

Нормативные и социальные основания кодификации информационного законодательства Российской Федерации

Аннотация. В последние годы вновь набирает обороты дискуссия о целесообразности кодификации информационного законодательства. Часть исследователей отрицают такую необходимость, ссылаясь на отсутствие образцов подобной кодификации в мире, расплывчатость предмета правового регулирования, смешение частного и публичного регулирования, а также на негативные последствия для отрасли информационных технологий. При внимательном рассмотрении все указанные аргументы легко опровергаются. Другие авторы, следуя «юридической моде» последних лет, говорят о необходимости принятия Цифрового кодекса Российской Федерации. С таким предложением трудно согласиться, поскольку оно разделит информационные отношения на две неравные части, спровоцирует появление коллизий в законодательстве и не вполне адекватно технической природе информационных отношений. В статье приведены новые аргументы в поддержку третьей группы исследователей, отстаивающих необходимость разработки Информационного кодекса Российской Федерации. Эта задача более сложная, чем разработка Цифрового кодекса, но именно такой путь обусловлен фактическим положением дел в отрасли и логикой развития информационного законодательства. В статье приведен круг социальных оснований в поддержку такого варианта кодификации.

Ключевые слова: информационное право; Информационный кодекс; публичное право; цифровая трансформация; кодификация; законотворчество; права человека; информационные технологии; информационное общество.

Для цитирования: Дейнеко А. Г. Нормативные и социальные основания кодификации информационного законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 76–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.076-085.

© Дейнеко А. Г., 2025

* Дейнеко Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, профессор департамента права информационных технологий и биоправа НИУ «Высшая школа экономики», государственный советник Российской Федерации 2 класса
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
alexey-deyneko@mail.ru

Regulatory and Social Foundations of the Information Legislation Codification in the Russian Federation

Alexey G. Deyneko, Cand. Sci. (Law), Professor, Department of Information Technologies Law and Biolaw, National Research University «Higher School of Economics», 2nd class State Councilor of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
alexey-deyneko@mail.ru

Abstract. In recent years, the debate on the expediency of codifying information legislation has been gaining momentum. Some researchers deny its necessity referring to the lack of examples of such codification in the world, the vagueness of the subject matter of legal regulation, the mixing of private and public regulation and the negative consequences for the information technology industry. Upon careful consideration, all these arguments are easily refuted. Other authors, following the «legal fashion» of recent years, talk about the need to adopt the Digital Code of the Russian Federation. It is difficult to agree with such a proposal, since this will divide information relations into two unequal parts, provoke conflicts in legislation and it is not fully adequate to the technical nature of information relations. The paper provides new arguments in support of the third group of researchers who advocate the need to develop the Information Code of the Russian Federation. This task is more difficult than the development of a Digital Code, but it is precisely this path that is determined by the current state of affairs in the industry and the logic of the development of information legislation. The paper also contains a range of social grounds in support of such a codification.

Keywords: information law; information code; public law; digital transformation; codification; lawmaking; human rights; information technology; information society.

Cite as: Deyneko AG. Regulatory and Social Foundations of the Information Legislation Codification in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):76-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.076-085.

В последние годы на страницах юридических научных изданий и средств массовой информации всё чаще можно встретить публикации о необходимости или, напротив, о нежелательности принятия Информационного либо Цифрового кодекса. Несмотря на кажущуюся новизну данной инициативы и отсутствие подобных законопроектов в нижней палате парламента, вопрос о кодификации информационного законодательства в нашей стране уже обрел собственную доктринальную историю. Предварим анализ современного состояния информационного законодательства и регулируемых им общественных отношений кратким обращением к развитию доктринальных взглядов на исследуемый вопрос.

От идеи до практической реализации

В 1990-е гг. идея кодификации информационного законодательства практически не встречалась в отечественной правовой доктрине, лишь изредка появляясь в работах отдельных правоведов. Так, В. А. Копылов в 1996 г. назвал принятие Информационного кодекса Российской Федерации «конечной целью развития информационно-правовой отрасли»¹, но при этом не предпринял попыток обрисовать хотя бы контуры будущего акта. На наш взгляд, это было вызвано тем обстоятельством, что в законодательстве на тот момент еще не сформировалась «критическая масса» правовых норм, связанных с информационными отношениями, а технологии доступа к сети «Интернет» еще не были столь развиты, чтобы значительным обра-

¹ См., например: Копылов В. А. О структуре и составе информационного законодательства // Государство и право. 1996. № 6. С. 101–110.

зом влиять на поведение субъектов правового воздействия.

Распространенным взглядом на развитие информационного законодательства на рубеже XX и XXI вв. была позиция о необходимости развития базового закона (не кодекса), регулирующего отношения в сфере информации и информатизации. Такой точки зрения придерживались, в частности, авторы Концепции развития законодательства Российской Федерации в сфере информации и информатизации, разработанной в 1999 г. под эгидой парламентского Комитета по информационной политике и связи (далее — Концепция-99).

В своих публикациях соавторы Концепции-99 Г. Т. Артамонов, Б. В. Кристальный, И. Н. Курносов, И. С. Мелюхин, Г. Л. Смолян и Д. С. Черешкин указывали, что после принятия базового нормативного акта (под которым понимался проект федерального закона «О государственном информационном стандарте»²) необходимо будет организовать процесс приведения в соответствие базовому закону «видовых» и «отраслевых» законов. Стоит отметить, что на роль базового акта в то время также претендовали федеральные законы «Об информации, информатизации и защите информации»³ и «Об участии в международном информационном обмене»⁴ (оба акта утратили силу в 2006 г.).

Первые шаги по формированию доктринальной основы для кодификации информационного законодательства предпринимаются в отечественной правовой науке только в конце 2000-х гг. усилиями Сектора информационного права Института государства и права Российской

академии наук (далее — Сектор). Нынешний руководитель Сектора Т. А. Полякова одной из первых в нашей стране обосновала необходимость разработки «кодифицированного законодательного акта, регулирующего общественные отношения в информационной сфере»⁵ в своем диссертационном исследовании, защищенном в 2008 г.

Глубокие научные разработки данного вопроса в многочисленных трудах и научных конференциях Сектора обрели в 2014 г. свое практическое выражение в Концепции Информационного кодекса Российской Федерации⁶, составленной под руководством основоположника науки информационного права в нашей стране И. Л. Бачило. Этот документ, на наш взгляд, и по сей день сохраняет свою актуальность в части идей о структуре будущего кодекса, предмете и принципах правового регулирования, а также отдельных юридико-технических решений.

Не отставали от правоведов и хозяйствующие субъекты; в числе наиболее резонансных инициатив, которые так и не были реализованы, можно назвать Инфокоммуникационный кодекс, анонсированный в 2017–2018 гг. представителями интернет-провайдеров, мобильных операторов и медиахолдингов, входящих в Медиа-коммуникационный союз. Идея о создании такого кодекса, который должен был прийти на смену ряду отраслевых федеральных законов, несколько лет обсуждалась на различных площадках, но итоговый проект так и не был представлен на суд научного и экспертного сообщества⁷.

Импульс научной и экспертной дискуссии по рассматриваемому вопросу придала публич-

² Артамонов Г. Т., Кристальный Б. В., Курносов И. Н., Мелюхин И. С., Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О концептуальной базе построения в России информационного общества // Информационное общество. 1999. № 3. С. 16–19.

³ Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу 8 августа 2006 г.) // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

⁴ Федеральный закон от 04.07.1996 № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» (утратил силу 8 августа 2006 г.) // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.

⁵ Полякова И. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

⁶ Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. М., 2014.

⁷ Подробнее об этом проекте см., например: Кодекс как предчувствие // РБК. 15 января 2018 г. URL: <https://rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd99a79475bf73470c1> (дата обращения: 10.06.2024).

ная лекция Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на VIII Петербургском международном юридическом форуме в 2018 г. В своем выступлении один из самых авторитетных российских конституционалистов дал весьма точную оценку текущему состоянию информационного законодательства, отметив, что составляющие его фундамент федеральные законы слабо связаны между собой. По его мнению, принятие Информационного кодекса поможет устранить накопившиеся в праве противоречия, закрепить понятийный аппарат, связанный с оборотом информации, конкретизировать содержание конституционного права личности на информацию и систематизировать требования к государственным информационным системам⁸.

Сходные оценки применительно к нормативному регулированию общественных отношений в области связи были даны в Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 г.⁹, утвержденной Правительством России в 2023 г. (далее — Стратегия-23). Наряду с описанием технологических изменений, произошедших в отрасли за последние годы, а также прогнозами ее развития на обозначенный период Стратегия-23 констатирует наличие терминологических и смысловых расхождений между нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в области связи, а также их общее несоответствие степени технологического развития отрасли. В качестве одного из способов решения упомянутых проблем Стратегия-23 прямо указывает на необходимость кодификации отраслевого законодательства, но при этом говорит о принятии Цифрового, а не Информационного кодекса.

Цифра или информация?

Утверждение Стратегии-23 обострило дискуссию об оптимальном варианте возможной кодификации законодательства о связи и шире — информационного законодательства. Несмотря на впечатляющие темпы цифровизации значительной части социальных процессов, существенная часть отношений, связанных с оборотом информации, по-прежнему происходит вне киберпространства, т.е. имеет нецифровой характер. К ним относятся отношения, связанные с информацией ограниченного доступа (государственной и военной тайной, отдельными случаями коммерческой тайны и пр.), архивным делом, деятельностью «офлайн» библиотек, средств массовой информации и многим другим. Т. А. Полякова и Н. А. Троян, исследуя актуальные проблемы систематизации информационного законодательства, обращают внимание на достаточно большое количество нерешенных вопросов и в указанных сферах¹⁰. Кроме того, некоторые виды отношений, например те из них, которые связаны с оборотом персональных данных, могут происходить как в киберпространстве, так и вне его, следовательно, кодификация регулирования лишь части таких отношений создаст предпосылки для возникновения новых правовых проблем.

Отметим и дефектность термина «цифровое право» с технической точки зрения. В компьютерных программах используются не цифры 1 и 0, а числа, однако предложения о признании числового права самостоятельной отраслью пока не встречались нам в отечественных публикациях. Кроме того, указанный термин как бы подталкивает к формированию дихотомии

⁸ Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан : Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 25.05.2018. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р) // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 9094.

¹⁰ Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 28. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033.

«цифровое — буквенное» или «цифровое — аналоговое право», что выглядит нехарактерным для российской правовой традиции.

Добавим, что одной из форм существования информации, перспективы практического применения которой только предстоит определить, являются квантовые технологии. Отечественные правоведы отмечают, что квантовые коммуникации пока не стали в нашей стране полноценным объектом правового регулирования¹¹, но уже сегодня можно утверждать, что эта технология позволит обеспечить в будущем повышенный уровень защиты передаваемых данных, поскольку она основана не на математических алгоритмах шифрования, которые можно определить, а на законах квантовой физики¹². Если единица кодирования информации в цифровой форме («бит») представляет собой число 1 или 0, то единицей квантовой информации является так называемый квантовый бит («кубит»), который может находиться в одном из указанных состояний, а может представлять собой и суперпозицию обоих состояний¹³.

На наш взгляд, техническая природа квантовых коммуникаций позволяет квалифицировать их как один из способов передачи информации наряду с цифровыми коммуникациями и традиционными (нецифровыми) способами. Следовательно, решение вопроса о наименовании будущего кодифицированного акта в пользу «Цифрового кодекса» автоматически исключит из предмета его регулирования отношения, связанные с применением квантовых технологий. По всей вероятности, при таком сценарии специалисты будут вынуждены сразу по завершении работ над текстом Цифрового кодекса приступить к разработке Квантового кодекса.

Таким образом, с пониманием относясь к стремлению российских¹⁴ и зарубежных¹⁵ коллег следовать юридической «моде», развивая «отрасль цифрового права», при проектировании будущего кодифицированного акта представляется принципиально важным остаться на классических доктринальных позициях и разрабатывать проект Информационного, а не Цифрового (или Квантового) кодекса. На наш взгляд, смещение предмета правового регулирования будущего кодекса с информационных к цифровым отношениям хотя и упростит юридическую задачу, но одновременно ослабит системообразующую роль такого кодекса и не позволит обеспечить единство правового регулирования целого ряда групп общественных отношений.

В развитие Стратегии-23 на базе Минцифры России в прошлом году была сформирована межведомственная рабочая группа по подготовке концепции кодекса с участием видных российских правоведов, представителей законодательных и исполнительных органов власти федерального уровня. Первый проект концепции кодекса исходил из необходимости регулирования только «цифровых» общественных отношений, а кроме того, местами необоснованно смешивал частноправовые и публично-правовые отношения. Так, например, в предмет регулирования кодекса предлагалось включить отношения, связанные с доменными именами в сети «Интернет», а также возникновением прав на результаты интеллектуальной деятельности при создании, развитии и эксплуатации информационных систем различных уровней. Впоследствии данные отношения были исключены из названной концепции.

¹¹ Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 45. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.

¹² Минбалева А. В., Наумов В. Б., Полякова Т. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0.

¹³ Такое понимание квантовой информации закреплено, в частности, в Предварительном национальном стандарте Российской Федерации ПНСТ 830-2023 «Квантовые коммуникации. Термины и определения» (утв. приказом Росстандарта от 11.07.2023 № 23-пнст). М. : ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

¹⁴ См., например: Цифровое право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э. Л. Сидоренко. М. : Юрлитинформ, 2024.

¹⁵ См., например: Shulze R., Staudenmayer D. EU Digital Law. New York : Hart Publishing, 2020.

С другой стороны, в отдельных вопросах предмет регулирования кодекса был напротив, необоснованно сокращен. Так, в указанной концепции изначально упоминались только государственные цифровые платформы и государственные информационные системы, в то время как частные цифровые платформы (а также метавселенные) оказывались за пределами проектируемого регулирования. В этой части предмет правовой регламентации будущего кодекса также был скорректирован, однако отражением продолжающейся дискуссии относительно его содержания стало итоговое наименование — «Концепция Информационного (Цифрового) кодекса Российской Федерации». Вместе с тем центром притяжения юридических споров остается вопрос не о наименовании рассматриваемого кодекса, а о целесообразности его принятия как такового.

Contra

Данное исследование вряд ли могло бы претендовать на объективность, если бы мы не упомянули здесь аргументы противников кодификации информационного законодательства. Представленные в юридической литературе мнения по этому поводу можно свести к следующему перечню:

1) информационные (цифровые) правоотношения не обладают должной степенью обособленности от известных правовой науке видов отношений (гражданских, уголовных, трудовых и др.), вследствие чего предмет Информационного кодекса невозможно будет четко определить;

2) кодификация норм информационного права приведет к необоснованному смешению институтов частного и публичного права;

3) мировой опыт не содержит образцов кодифицированных актов в сфере информационных отношений, которые могли бы быть взяты отечественными разработчиками за основу;

4) существующие недостатки информационного законодательства следует устранять путем его систематизации, а не кодификации;

5) информационные правоотношения слишком интенсивно развиваются, а кодификация норм информационного права приведет к «заморозке» социально-экономического развития в этой сфере¹⁶.

Разберем приведенные аргументы подробнее и попробуем им возразить.

Первый аргумент нашел свое отражение в экспертном заключении президентского Совета по кодификации на одну из первых версий упомянутой концепции, в котором отечественные цивилисты пришли к выводу об отсутствии предпосылок для принятия в нашей стране Цифрового кодекса. Члены Совета отметили, что все общественные отношения, которые складываются в киберпространстве, уже урегулированы нормами права (в первую очередь гражданского), а «цифровая форма существования той или иной социальной связи сама по себе не является достаточным обоснованием возможности существования кодифицированного акта»¹⁷. Последствия такого подхода легко спрогнозировать: если в каждой из устоявшихся отраслей права цифровая часть регулируемых отношений будет строиться на собственных определениях, принципах и правилах регулирующего воздействия, это в обозримой перспективе приведет к формированию новых правовых коллизий.

Второй аргумент отражает комплексную природу информационных правоотношений, где постоянно пересекаются частные и публичные интересы. При этом вряд ли возможно спорить с тем, что российское законодательство содержит

¹⁶ Обзор приведенных аргументов см.: Полякова Т. А., Минбалева А. В., Наумов В. Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации общества // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91. DOI: 10.31857/S1026945224010087.

¹⁷ Решение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 01.12.2023 № 235-1/2023 «О возможности разработки Цифрового кодекса Российской Федерации» // URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/a2d/lqs2brr130vw5asg291doqv007xpsycg/83закл-чение_ноябрь_декабрь_2023.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

примеры кодификации норм различной видовой принадлежности (например, в Воздушном кодексе Российской Федерации)¹⁸.

Третий критический аргумент справедлив только при взгляде на европейскую правовую семью. Действительно, известные законодательные акты западных стран, такие как Цифровой административный кодекс Италии¹⁹ или немецкий Закон о продвижении электронного правительства²⁰, регулируют весьма небольшую часть информационных правоотношений по сравнению с теми контурами предмета кодекса, которые намечаются в нашей стране. Во многих других странах Европы и Азии, как отмечает А. В. Минбалева, научная дискуссия о необходимости принятия Информационного кодекса в принципе отсутствует²¹. Но если обратить взгляд на страны СНГ, то следует отметить соответствующие кодификационные проекты в Азербайджанской Республике, Киргизской Республике и Республике Казахстан, которые находятся на высокой стадии реализации, и разрабатывались с участием российских правоведов²².

С четвертым критическим аргументом сложно спорить, если рассматривать кодификацию и систематизацию как две противоположности. На наш взгляд, эти два процесса должны взаимодополнять друг друга: кодификация сформирует понятийный аппарат и принципы регулирования информационных отношений, в соответствии с

которыми необходимо будет осуществить дальнейшую систематизацию российского законодательства. В практическом плане это означает, что на стадии проектировки кодекса необходимо определить перечни федеральных законов, которые утратят силу после его принятия, а также законов, которые предстоит привести в соответствие с ним²³. Следует также заметить, что кодификация в целом является одной из органических черт российской правовой системы в ее историческом развитии.

Наконец, пятый аргумент можно опровергнуть, обратив внимание на действующие в нашей стране кодексы. Едва ли хотя бы об одном из них можно сказать, что кодификация остановила развитие общественных отношений, зафиксировав правовое регулирование «в статике». Безусловно, принятие нового кодекса снижает частоту изменений норм в отрасли, но, как верно заметил М. Н. Марченко, в континентальных правовых системах принятие кодекса обычно рассматривается правоведами «как отправная точка [к дальнейшему развитию отрасли], а не как завершение пути»²⁴.

Pro

Что же касается аргументов в поддержку кодификации, то нам представляется, что они

¹⁸ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

¹⁹ Decreto Legislativo 7 marzo 2005, n. 82 «Codice dell'amministrazione digitale» // URL: <https://normattiva.it/eli/id/2005/05/16/005G0104/CONSOLIDATED/20240221> (дата обращения: 10.06.2024).

²⁰ Gesetz zur Forderung der elektronischen Verwaltung (E-Government-Gesetz — EGovG) vom 25. Juli 2013 // URL: <https://gesetze-im-internet.de/egovg> (дата обращения: 10.06.2024).

²¹ Минбалева А. В. Проблемы цифрового права : учеб. пособие. Саратов : Амирит, 2022. С. 50.

²² Подробнее об этих проектах см.: Тедеев А. А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47. № 4. С. 20–26. DOI: 10.17323/tis2023.18203.

²³ К числу первых можно отнести федеральные законы от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и другие акты; к числу вторых — законы Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»; Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» и др.

²⁴ Марченко М. Н. Источники права. М. : Проспект, 2005. С. 475.

носят не только правовой, но и социально-экономический характер. Во-первых, практика функционирования хозяйствующих субъектов в сфере применения информационных технологий непосредственным образом влияет на такие конституционные ценности, как права и свободы личности, общественные интересы и национальная безопасность. У данных хозяйствующих субъектов (как российских, так и транснациональных) сформировался устойчивый запрос на формирование понятных, прозрачных и равных правил применения информационных технологий.

Во-вторых, субъектно-объектный состав информационных отношений характеризуется спецификой по сравнению с традиционными отраслями права и нуждается в систематизации, оптимизации и нормативном определении. Так, например, широко используемый в подзаконных актах и документах стратегического развития термин «цифровые платформы» пока не нашел своего отражения в тезаурусе базового закона²⁵, который нередко именуют «квазикодексом» информационного права. Отсутствие легального определения и классификации цифровых платформ является препятствием для возложения на них публичных обязательств по защите прав, свобод и законных интересов взаимодействующих с ними субъектов (например, пользователей социальных сетей, клиентов банковских сервисов, «квазиработников» служб доставки и многих других).

В-третьих, следует отметить, что среди граждан, взаимодействующих с цифровыми платформами, присутствуют уязвимые категории с особыми потребностями (несовершеннолетние, инвалиды, люди старшего возраста и пр.). В этой связи кодификация поможет определить круг таких граждан и установить для них дополнительные правовые механизмы защиты.

В-четвертых, применение информационных технологий в целом характеризуется повышенным риском нарушения прав и свобод личности и обуславливает, в частности, необходимость закрепления в информационном законодатель-

стве информационного суверенитета личности в качестве сквозного принципа правового регулирования. Для целей данного исследования можно ограничиться указанием на то, что такой принцип должен включать в себя право гражданина на отказ от цифрового взаимодействия с искусственным интеллектом или цифровой платформой, если это противоречит его убеждениям.

В-пятых, развитие общественных отношений в киберпространстве привело к возникновению института информационно-правовой ответственности, которая носит комплексный характер и может выражаться в блокировках доступа к интернет-ресурсам, распространяющим недостоверную или запрещенную информацию, возложении на поисковые системы обязанности пессимизировать выдачу информации о таких ресурсах, ограничительных мерах для кредитных организаций, рекламодателей и рекламораспространителей и многих других. Отличительной чертой информационно-правовой ответственности является сочетание правовых и технических способов обеспечения ее реализации. В случаях, когда цифровые платформы самостоятельно и в автоматизированном режиме применяют санкции к пользователям (блокируют пользовательский аккаунт или счет, ограничивают функционал взаимодействия с платформой и др.), есть основания утверждать о применении мер договорно-информационной ответственности. Механизм ее воздействия существенным образом отличается от автоматизации привлечения к иным видам юридической ответственности (например, от автоматического назначения административных штрафов при помощи дорожных видеокамер).

В-шестых, агрессивная политика некоторых недружественных государств и трансграничных компаний в киберпространстве диктует необходимость принятия мер по защите цифрового суверенитета нашей страны. Одним из способов такой защиты наряду с обеспечением безопасности критической информационной инфраструктуры является установление пределов

²⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

национальной юрисдикции нашей страны в киберпространстве. Для этого необходимо реализовать комплекс правовых мер, включающих принудительное введение некоторых категорий иностранных юридических лиц в российскую юрисдикцию. Создать единый и непротиворечивый механизм защиты цифрового суверенитета Российской Федерации, на наш взгляд, возможно только путем кодификации информационного законодательства.

Таким образом, имеются убедительные основания утверждать, что социально-экономи-

ческие отношения, складывающиеся в нашей стране, сформировали убедительные основания для кодификации информационного законодательства. Будущий Информационный кодекс не должен носить излишне рамочный характер, а должен быть наполнен нормами прямого действия. Вместе с тем излишне развернутый характер такого кодекса существенно увеличит сроки его подготовки и межведомственного согласования. В связи с этим нам представляется необходимым прибегнуть к компромиссному варианту, сочетающему оба описанных подхода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артамонов Г. Т., Кристальный Б. В., Курносков И. Н., Мелюхин И. С., Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О концептуальной базе построения в России информационного общества // Информационное общество. — 1999. — № 3. — С. 16–19.
2. Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. — 25.05.2018. — URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Кодекс как предчувствие // РБК. — 15.01.2018. — URL: <https://rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd99a79475bf73470c1> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. — М., 2014. — 192 с.
5. Копылов В. А. О структуре и составе информационного законодательства // Государство и право. — 1996. — № 6. — С. 101–110.
6. Марченко М. Н. Источники права. — М. : Проспект, 2005. — 760 с.
7. Минбалева А. В. Проблемы цифрового права : учеб. пособие. — Саратов : Амирит, 2022. — 233 с.
8. Минбалева А. В., Наумов В. Б., Полякова Т. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. — 2022. — № 5. — С. 104–114. — DOI: 10.31857/S102694520019763-0.
9. Полякова Т. А., Минбалева А. В., Наумов В. Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации общества // Государство и право. — 2024. — № 1. — С. 81–91. — DOI: 10.31857/S1026945224010087.
10. Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 2 (102). — С. 25–33. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033.
11. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 38 с.
12. Тедеев А. А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности. — 2023. — Т. 47. — № 4. — С. 20–26. — DOI: 10.17323/tis2023.18203.
13. Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 4. — С. 38–45. — DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.

14. Цифровое право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э. Л. Сидоренко. — М. : Юрлитинформ, 2024. — 720 с.
15. Shulze R., Staudenmayer D. EU Digital Law. — New York : Hart Publishing, 2020. — 616 p.

Материал поступил в редакцию 13 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artamonov G. T., Kristal'nyy B. V., Kurnosov I. N., Melyukhin I. S., Smolyan G. L., Chereshekin D. S. O kontseptual'noy baze postroyeniya v Rossii informatsionnogo obshchestva // Informatsionnoe obshchestvo. — 1999. — № 3. — S. 16–19.
2. Zorkin V. D. Zadacha gosudarstva — priznavat i zashchishchat tsifrovye prava grazhdan: razmyshlenie na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma // Rossiyskaya gazeta. — 25.05.2018. — URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
3. Kodeks kak predchuvstvie // RBK. — 15.01.2018. — URL: <https://rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd99a79475bf73470c1> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
4. Kontseptsiya Informatsionnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod red. I. L. Bachilo. — M., 2014. — 192 s.
5. Kopylov V. A. O strukture i sostave informatsionnogo zakonodatelstva // Gosudarstvo i pravo. — 1996. — № 6. — S. 101–110.
6. Marchenko M. N. Istochniki prava. — M.: Prospekt, 2005. — 760 s.
7. Minbaleev A. V. Problemy tsifrovogo prava: ucheb. posobie. — Saratov: Amirit, 2022. — 233 s.
8. Minbaleev A. V., Naumov V. B., Polyakova T. A. Pravovoe regulirovanie kvantovykh kommunikatsiy v Rossii i v mire // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 5. — S. 104–114. — DOI: 10.31857/S102694520019763-0.
9. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. K voprosu o kodifikatsii informatsionnogo zakonodatelstva v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva // Gosudarstvo i pravo. — 2024. — № 1. — S. 81–91. — DOI: 10.31857/S1026945224010087.
10. Polyakova T. A., Troyan N. A. Aktualnye problemy sistematizatsii zakonodatelstva Rossii pod vliyaniem tsifrovyykh tekhnologiy v period tsifrovoy transformatsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2023. — № 2 (102). — S. 25–33. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033.
11. Polyakova T. A. Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti pri postroyenii informatsionnogo obshchestva v Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2008. — 38 s.
12. Tedeev A. A. Sistematizatsiya informatsionnogo (tsifrovogo) zakonodatelstva: sovremennye tendentsii (Rossiya i Tsentralnaya Aziya) // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti. — 2023. — T. 47. — № 4. — S. 20–26. — DOI: 10.17323/tis2023.18203.
13. Kholodnaya E. V. Kvantovye tekhnologii kak obekt prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 4. — S. 38–45. — DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.
14. Tsifrovoye pravo: uchebnyy / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. MGIMO MID Rossii E. L. Sidorenko. — M.: YurLitInform, 2024. — 720 s.
15. Shulze R., Staudenmayer D. EU Digital Law. — New York: Hart Publishing, 2020. — 616 p.

Формы проявления коммерческой тайны в цифровой экономике

Аннотация. Вовлечение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность расширяет границы, в рамках которых возможно выявление и последующее использование коммерчески значимой информации. Цифровая экономика, с одной стороны, формирует среду, в которой бизнес способен шире реализовать действительную или потенциальную ценность сведений, составляющих коммерческую тайну, а с другой — создает новые риски в информационной среде, к которым бизнес может быть не готов. Актуальными становятся поиски новых проявлений коммерческой тайны в цифровой среде. Главной целью работы выступает обоснование закономерности изменений взглядов на коммерчески значимую информацию в условиях цифровой экономики. Смежной целью выступает раскрытие возможного практического использования цифровых технологий при работе со сведениями, составляющими коммерческую тайну. Изложенные цели обуславливают задачу переосмысления самого института коммерческой тайны под давлением новых технологий. В качестве методов применены сравнение, анализ, синтез и моделирование. Исследование продемонстрировало ряд перспектив переосмысления института коммерческой тайны. Использование цифровых технологий не признается обязательным фактором функционирования коммерческой тайны в новых условиях, но вовлечение таких технологий в предпринимательскую сферу способно раздвинуть горизонты круга сведений, составляющих коммерческую тайну, а также заложить фундамент подхода к защите тайны, при котором любое умышленное действие по ее нарушению ставится вне закона. При действующем правовом регулировании и сложившейся судебной практике несомненно владение коммерческой тайны перечисленных в статье формальных действий может привести к выводу о том, что режим коммерческой тайны не установлен, а это легализует действия правонарушителя.

Ключевые слова: цифровые технологии; блокчейн; искусственный интеллект; большие данные; цифровизация; коммерческая тайна; режим коммерческой тайны; закрытая информация; информация; информационное общество.

Для цитирования: Федоров П. Г. Формы проявления коммерческой тайны в цифровой экономике // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 86–97. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.086-097.

Forms of Trade Secrets in the Digital Economy

Pavel G. Fedorov, Partner, *Justpro* Law Firm, Moscow, Russian Federation
fedorovpg@mail.ru

Abstract. The use of digital technologies in entrepreneurial activity expands the boundaries within which it is possible to identify and subsequently use commercially relevant information. The digital economy, on the one hand, creates an environment where businesses are able to implement the actual or potential value of information that constitutes a trade secret more widely, and, on the other hand, it creates new risks in the information environment

© Федоров П. Г., 2025

* Федоров Павел Геннадьевич, партнер юридической фирмы «ЮстПро»
Бориса Пастернака ул., д. 7, кв. 199, г. Москва, Российская Федерация, 108849
fedorovpg@mail.ru

that businesses may not be ready for. It is becoming relevant to search for new manifestations of trade secrets in the digital environment. The main purpose of the study is to substantiate the pattern of changes in views on commercially significant information in the digital economy. A secondary goal is to disclose the possible practical use of digital technologies when working with information that constitutes a trade secret. The stated goals determine the task of rethinking the very institution of trade secrets under the pressure of new technologies. Methodologically, the study is based on comparison, analysis, synthesis, and modeling. The study described a number of perspectives for rethinking the institution of trade secrets. The use of digital technologies is not recognized as an obligatory factor in the functioning of commercial secrets in the new conditions, but the involvement of such technologies in the business sphere can expand the horizons of the range of information constituting a commercial secret, as well as lay the foundation for an approach to secrecy protection in which any deliberate act of violating it is outlawed. Under the current legal regulation and established judicial practice, failure by the owner of the trade secret to perform the formal actions listed in the paper may lead to the conclusion that the trade secret regime has not been established, and this legalizes the actions of the offender.

Keywords: digital technologies; blockchain; artificial intelligence; big data; digitalization; trade secret; trade secret regime; classified information; information; information society.

Cite as: Fedorov PG. Forms of Trade Secrets in the Digital Economy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):86-97. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.086-097.

О существовании предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики сопровождается использованием цифровых технологий, которые повышают возможности компании в целом. Реализация таких возможностей зависит от удовлетворения ключевого требования к новым технологиям, заключающегося в их способности обеспечивать сбор, агрегацию и обработку большого массива данных¹. Именно через данные Ю. А. Тихомиров и Э. В. Талапина определяют цифровую экономику: для них это экономика данных². В. А. Вайпан видит цифровую экономику в качестве системы экономических отношений, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровой форме³.

В становлении и развитии цифровой экономики в нашей стране большую заинтересованность демонстрирует государство. Так, в целях решения

задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере Правительством РФ была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴. В состав данной программы были включены следующие федеральные проекты: нормативное регулирование цифровой среды; кадры для цифровой экономики; информационная инфраструктура; информационная безопасность; цифровые технологии; цифровое государственное управление; искусственный интеллект; обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи; развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли.

Указанная программа рассчитана на период до 2024 г. включительно и в связи с окончанием ее действия имеются планы по утверждению до июня 2024 г. новой программы «Экономика данных» с периодом действия до 2030 г.⁵

¹ Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху / пер. с англ. Ю. Гиматова ; науч. ред. М. Савицкий, К. Щеглова, К. Пахорукова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. С. 50.

² Семякин М. Н. Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики: теоретический и практический аспекты исследования // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 1. С. 98–114.

³ Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1.

⁴ Утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7 // URL: <https://digital.gov.ru>. 09.07.2019.

⁵ Параметры нацпроекта «Экономика данных» утвердят до июня 2024 года // URL: <https://www.interfax.ru/russia/925139> (дата обращения: 27.02.2024).

Минцифры России поясняет, что новый национальный проект коснется всех этапов и уровней работы с данными. На первом этапе предусматривается сбор данных, в частности, за счет высокочувствительных датчиков, в том числе повышающих точность позиционирования объектов квантовых сенсоров. На втором этапе планируется передача данных и развитие систем связи.

В рамках нового национального проекта Минцифры России выделяет следующие значимые направления: обеспечение хранения (развитие центров обработки данных) и безопасности данных (технологии квантовых коммуникаций и квантового шифрования), развитие стандартов и протоколов работы с данными (особенно в части хранения персональных данных граждан), а также обработку и анализ данных, создание репозитория открытого кода. При этом алгоритмы анализа данных должны основываться на технологиях искусственного интеллекта с задействованием российского программного обеспечения⁶.

По утверждению руководителя Минцифры России, новая программа будет решать как прикладные, так и научные задачи. Прикладные задачи составляет всё то, что связано с инфраструктурой: беспилотники, «умный» транспорт, видеонаблюдение. К числу научных, к примеру, можно отнести квантовые вычисления⁷.

Вновь разрабатываемая программа положительно даст мощный толчок развитию технологии big data, позволяющей обрабатывать большие массивы данных, объем которых постоянно увеличивается⁸. Без обработки таких данных их ценность компания не сможет выявить и потребить. В этой связи Томас Сибел в качестве главной сложности видит комплексное применение цифровых технологий (облачных вычислений, больших данных, Интернета ве-

щей (IoT) и искусственного интеллекта) в целях создания значительной ценности⁹.

Применение цифровых технологий имеет в первую очередь прикладную задачу. Вовлечение таких технологий в осуществление предпринимательской деятельности в условиях конкуренции позволяет после апробации и адаптации выявить особенности взаимодействия их между собой и предоставить компании потенциал роста.

Взаимодействие цифровых технологий может быть представлено следующим образом. Технологии big data и IoT обеспечивают накопление данных соответствующей направленности. Технология искусственного интеллекта производит обработку этих данных по заранее заданным алгоритмам. А в силу большого объема сведений их накопление и обработка производятся в облачных сервисах.

Архитектура выстраиваемого взаимодействия между цифровыми технологиями может потребовать перестроения бизнес-процессов, к чему руководство компании должно быть готово и не воспринимать это в качестве угрозы. Напротив, вовлечение технологии big data, позволяющей накопить большие массивы данных, в отсутствие возможной трансформации бизнес-процессов приведет к бессмысленности инвестиций в такую технологию, а возможно, и к осложнению действующих бизнес-процессов с возложением на сотрудников дополнительных обязанностей, что способно повлечь совершение ими ошибок.

К тому же необходимо учитывать, что извлечение действительной выгоды от использования технологии big data обеспечивается при условии понимания не только самих данных и поддерживающей ИТ-инфраструктуры, но и способности использовать полученную и обработанную

⁶ Значимые направления нацпроекта «Экономика данных» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6380045> (дата обращения: 27.02.2024).

⁷ Нацпроект «Экономика данных» будет решать прикладные и научные задачи // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-11-01_mintsifry_programmu_natsionalnaya (дата обращения: 27.02.2024).

⁸ Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка : монография / отв. ред. Ю. В. Грачева. М. : Проспект, 2022. С. 28.

⁹ Сибел Т. Указ. соч. С. 51.

информацию в предпринимательской деятельности¹⁰.

В процессе задействования цифровых технологий компания сталкивается с необходимостью обработки полученных сведений, объем накопления которых увеличивается. В. А. Северин отмечает тенденцию накопления за последние 20 лет в стране объемов секретной информации в первую очередь частными компаниями¹¹. Можно обозначить свойственную росту объемов информации закономерность в виде увеличения за период с 2008 по 2018 г. случаев утечки сведений, представляющих коммерческую тайну, в восемь раз, что в первую очередь обусловливается использованием информационных технологий¹².

Указанная тенденция сохраняется. Согласно представленной компанией «InfoWatch» информации, которая была разбита согласно группам стран, доля утечек коммерческой тайны из компаний в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Испания, Италия и Канада, в 2022 г. выросла в два раза по сравнению с 2021 г. — в среднем с 10,2 % до 19,4 %. Скромнее показатели утечек коммерческой тайны в таких странах, как Китай, Аргентина, Белоруссия, Бразилия, Вьетнам и Индия: рост с 5,1 % в 2021 г. до 8,9 % в 2022 г. В России случаи кражи коммерческой тайны тоже участились: по состоянию на лето 2022 г. доля утечек коммерческой тайны в общем массиве раскрытых данных увеличилась до 13,7 %, притом что в 2021 г. указанный показатель составлял 5,4 %¹³.

Описанные тенденции уловило ПАО «Сбербанк», которое предпринимает попытки задействовать технологии искусственного интел-

лекта при построении режима коммерческой тайны. Среди заявленных выгод от внедрения разрабатываемого им сервиса можно выделить:

- значительное повышение эффективности защиты от утечек сведений, составляющий коммерческую тайну, за счет существенного повышения точности их выявления;

- кратное снижение трудозатрат на поддержание режима коммерческой тайны в актуальном состоянии;

- значительное снижение субъективизма и человеческого фактора в процессе сбора информации, что гарантирует релевантность и актуальность перечня сведений, составляющих коммерческую тайну;

- повышение прозрачности процесса сбора информации и обеспечение более высокого уровня ее защищенности¹⁴.

В целом можно говорить о том, что цифровые технологии способствуют выявлению сведений, имеющих коммерческую ценность для компании. Разумно предположить, что объем данной информации со временем будет увеличиваться. В этой связи имеет смысл обозначить две взаимосвязанные закономерности: переосмысление закрепленного в законодательстве понятия сведений, составляющих коммерческую тайну, и формирование рынка таких сведений.

В предложенной законодателем формулировке сведения, составляющие коммерческую тайну, определяются через их потенциальную и действительную ценность. Такой подход подвергается критике, базирующейся на том, что отсутствие разъяснений указанных параметров исключает практическую пользу соответ-

¹⁰ Сибел Т. Указ. соч. С. 95.

¹¹ Северин В. А. Правовая работа в организациях высокотехнологичного комплекса. М. : Ленанд, 2022. С. 191. (Основы защиты информации. № 21.)

¹² Акмаров П. Б., Газетдинов М. Х., Третьякова Е. С. Проблемы защиты коммерческой информации в условиях цифровизации экономики // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2020. Т. 15. № 2. С. 133–138.

¹³ Доля утечек коммерческой тайны в 2022 г. увеличилась по сравнению с 2021 г. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5925219> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁴ Использование технологий ИИ в построении режима коммерческой тайны на предприятии // URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/articles/tehnologiy_iskusstvennogo_intellekta_v_postroenii_rezhima_kommercheskoy_tayny (дата обращения: 11.02.2024).

ствующих законоположений, поскольку произвольность оценки данных параметров может породить злоупотребления при установлении режима коммерческой тайны¹⁵.

Вопрос использования термина «ценность» применительно к коммерческим секретам фундаментально обусловлен тем, что главным ресурсом постиндустриального общества является информация, где данные превращаются в валюту¹⁶. Поэтому информация представляет собой товар, который имеет определенную стоимость, что и порождает необходимость решения разного рода правовых вопросов¹⁷.

В контексте коммерческой тайны обращает на себя внимание определение параметров потенциальной и действительной ценности через неизвестность информации для третьих лиц. Указанная ценность формируется по мнению владельца информации, который предполагает интерес к ней третьих лиц и поэтому стремится сохранить ее в тайне. При этом закон использует понятие «ценность» как собирательную категорию, которая предоставляет конкретному владельцу коммерческих секретов право предъявлять имущественные требования, подлежащие оценке.

Предположение об интересе третьего лица к тем или иным сведениям базируется на представлении их владельца, что автоматически не означает действительного интереса третьего лица. Можно допустить, что свидетельством такого интереса может являться попытка получения секретных сведений (удачная или неудачная). Но третье лицо может неумышленно получить данные сведения (например, вследствие ошибочного раскрытия их сотрудником обладателя сведений), что не должно говорить о наличии

интереса к ним у третьего лица, хотя обладатель сведений может рассматривать их в качестве экономического ресурса бизнеса. Г. Ю. Хачатурян, например, допускает, что к таким сведениям могут относиться алгоритмы и способы ведения предпринимательства¹⁸, которые могут различаться в зависимости от условий ведения бизнеса и не представлять интереса для рынка априори.

Безусловно, обладатель сведений использует защитные меры, чтобы предотвратить попадание соответствующих данных к третьим лицам, что позволяет определять коммерчески значимую информацию через введение режима коммерческой тайны: раз обладатель применяет защитные меры, значит, он защищает соответствующие сведения. Но законодатель то ли умышленно, то ли из-за желания продемонстрировать значимость сведений, составляющих коммерческую тайну, предусмотрел ценностные характеристики. И поскольку обладателем таких сведений может быть коммерческий субъект, для которого ценность воспринимается в плоскости выгоды, то использование понятия «потенциальная и действительная ценность» можно рассматривать с позиций информационного общества, расширяющего горизонты обладания информацией.

Защита информации заключается в обеспечении конфиденциальности той ее части, которая при определенных обстоятельствах предоставляет обладателю информации возможность увеличения дохода, сохранения положения на рынке или получения иного коммерческого преимущества¹⁹. Такая возможность находится в плоскости извлечения выгоды, что облегчает задачу объяснения параметров действительной и потенциальной ценности.

¹⁵ Мансуров Г. З. Коммерческая тайна как разновидность конфиденциальной информации // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 4 (22). С. 69–71.

¹⁶ Сибел Т. Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Ганиева И. А., Бобров Н. Е. Цифровые платформы в сельском хозяйстве России: правовой аспект внедрения // Достижения науки и техники АПК. 2019. Т. 33. № 9. С. 83–86.

¹⁸ Хачатурян Г. Ю. Институциональные основы экономической безопасности банковской деятельности в современной экономике // Вестник Университета. 2015. № 21. С. 15–22.

¹⁹ Езангина И. А. Проблемы и тенденции развития инфраструктуры кредитных рынков в России // Экономическая безопасность России и стратегии развития ее регионов в современных условиях : сб. науч. трудов Международ. научно-практ. конференции. Волгоград : Волгоград. гос. тех. ун-т, 2015. С. 67–70.

Цифровые технологии позволяют повысить ценность получаемых сведений с перспективой формирования рынка коммерчески значимой информации. Поскольку сведения, в отношении которых их обладатель установил режим коммерческой тайны, обладают действительной и потенциальной ценностью, а также вызывают интерес со стороны третьих лиц, то такие сведения могут быть предметом сделок по отчуждению. Определяемая по факту отсутствия доступа к сведениям со стороны третьих лиц ценность не перестает существовать при совершении с ними сделки. Ценность закрытых сведений переходит к новому владельцу, а старый обязуется не раскрывать их третьим лицам.

На данный момент можно говорить о наличии рынка продажи массивов данных²⁰, стоимость которых определяется пользой полученных после их переработки результатов для принятия разного рода решений²¹. Кроме того, благодаря технологиям big data и искусственного интеллекта со временем произойдет не только увеличение таких данных, но и рост объема сведений, в отношении которых будет установлен режим секретности. Тем самым субъекты предпринимательской деятельности могут стать не просто обладателями большого информационного продукта в виде массива данных, но и получают в управление особо ценный объект в больших объемах, который будет скрыт от третьих лиц.

Накопленные сведения будут подлежать сортировке по степени значимости для бизнеса компании и уровню их вовлеченности в ее деятельность. В определенный момент та или иная компания может столкнуться с необходимостью более качественного управления закрытой информацией, что может вызвать понижение значимости информации, ранее ценной для бизнеса, но при этом сохраняющей ту или иную ценность для рынка. Это может привести к целесообразному решению по продаже такой информации. И подобная тенденция будет

усиливаться по мере развития цифровых технологий, что может привести к формированию рынка коммерчески значимой информации. В литературе уже закрепилось мнение о том, что информация в информационном обществе является новой нефтью²².

Становление такого рынка потребует разрешения конфликтных ситуаций, в первую очередь обусловленных подтверждением прав на закрытую информацию за соответствующим владельцем. Его поддержание будет предполагать введение санкций за нарушение прав на закрытую информацию, механизм применения которых должен быть удобным и прозрачным. Описанные задачи могут быть решены аналогично правам на патенты, но без внедрения системы регистрации при помощи государственного органа. Реализация соответствующих решений возможна на базе технологии блокчейн.

Блокчейн представляет собой тип электронного регистра для записи данных о транзакциях, для которых большое значение имеют постоянное хранение и защита от несанкционированного доступа и изменений. Уже сейчас технология блокчейн получила распространение в разных сферах деятельности: логистике, патентовании, кибербезопасности, банковской сфере. Защита записей производится при помощи криптографических механизмов, которые позволяют ограничить доступ к сведениям и контролировать их целостность. Выделяемыми в литературе преимуществами технологии блокчейн по сравнению с другими технологиями являются:

- децентрализация (записи одновременно хранятся у каждого участника схемы, что исключает возможность уничтожения их цепочки);
- прозрачность (все транзакции может отследить любой участник системы);
- конфиденциальность;
- надежность (санкционированное изменение требует специального уникального кода, который выдается и подтверждается системой);

²⁰ Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка. С. 45.

²¹ Вайгенд А. Big data. Вся информация в одной книге / пер. с англ. С. Богданова. М. : Эксмо, 2021. С. 41.

²² Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

— достоверность (добавляемые в систему данные проверяются ее участниками)²³.

Предполагается, что продавец является обладателем коммерчески значимой информации, что позволяет ему предоставить гарантии в достоверности сведений и надлежащем обладателе, а также отсутствии фактов ее раскрытия таким обладателем. Покупатель, приобретая закрытую информацию, вносит сведения о ней в систему блокчейн, тем самым устанавливая свое право на информацию, если это не сделал продавец.

При очередной продаже новый обладатель, который выступает продавцом, предоставляет доступ к сведениям системы блокчейн, которые подтверждают его право на информацию. В дальнейшем цепочка записей увеличивается по мере смены обладателя.

Данный подход позволит в любой момент не только подтвердить свое право на закрытую информацию, но и доказать, что она получена на законных основаниях, если иное лицо уже обладает такой информацией. Если же иной субъект не опровергнет разумных сомнений в законности прав зарегистрированного обладателя, то приоритет в защите прав на закрытую информацию целесообразно отдать тому субъекту, права которого были внесены в систему блокчейн.

В настоящий момент можно говорить о том, что действие по получению закрытой информации не признается нарушающим права ее обладателя, если он не принял всех предусмотренных законом мер защиты. Депонирование коммерчески значимой информации позволит отойти от строго формального подхода, если соответствующее лицо докажет, что оно является обладателем такой информации, обозначило ее, не совершало действий по ее раскрытию, а третье лицо незаконным способом получило ее. Иными словами, любое получение коммерчески значимой информации, совершенное с

умыслом, можно квалифицировать как действие, совершенное вне закона. Сходным образом можно поступить и с получением такой информации без умысла, когда лицо извлекает выгоду после того, как оно узнало или должно было узнать о ее извлечении за счет иного лица.

Технология блокчейн может позволить оптимизировать защитные мероприятия. Если действие по получению закрытой информации априори является противозаконным, то депонирование закрытых сведений при помощи блокчейн в любой момент позволит подтвердить права на такие сведения. Данный подход не устраняет обязанности обладателя обеспечивать защиту закрытых сведений, в чем он, разумеется, заинтересован.

Калькуляция убытков при раскрытии закрытой информации представляется достаточно сложной задачей²⁴, в особенности если речь идет о потенциальной ценности. Следовательно, обладатель коммерческих секретов в максимальной степени заинтересован обеспечить их защиту. Но судебная практика периодически демонстрирует в некотором роде формальный подход к пренебрежению обладателем мерами по защите коммерчески значимой информации.

В судебной практике можно найти примеры отказа во взыскании денежных средств за разглашение коммерческой тайны в случае неподтверждения факта внедрения режима коммерческой тайны²⁵. Включение в договор общих параметров закрытой информации в виде сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления не говорит о внедрении режима коммерческой тайны²⁶. Формулировка «все условия договора являются коммерческой тайной» не только не подразумевает введение режима коммерческой тайны, но и может привести к признанию незаключенным положения договора о неразглашении конфиденциальной информации²⁷.

²³ Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка. С. 46–48.

²⁴ Апелляционное определение Липецкого областного суда от 29.01.2020 по делу № 33-135/2020.

²⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.07.2012 по делу № А57-11021/2011.

²⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.10.2015 по делу № А56-72074/2014.

²⁷ Постановление ФАС Поволжского округа от 29.07.2013 по делу № А65-9864/2012.

При депонировании закрытой информации можно допустить общее информирование контрагента о введении режима коммерческой тайны, — вступая в договорную связь, он будет обязан воздержаться от действий по разглашению сведений, связанных с договором. Напротив, самим договором можно предусмотреть категории сведений, которые могут быть раскрыты. Такой подход не представляется затруднительным реализовать на практике, поскольку договор заключается между конкретными субъектами и, как правило, касается только их.

Депонирование сведений, составляющих режим коммерческой тайны, можно предусмотреть тогда в качестве обязательного действия, которое свидетельствует о введении такого режима. Иные предусмотренные законом мероприятия, направленные на информирование лиц, работающих с коммерческой тайной, исключать нецелесообразно.

Работники в любом случае должны иметь представление, что они допущены к сведениям, составляющим коммерческую тайну, а также должны понимать, что тот или иной документ составляет коммерческую тайну. Так, при рассмотрении одного из дел суд пришел к выводу, что режим коммерческой тайны не был установлен по двум причинам: отсутствие учета лиц, получивших доступ к коммерческим секретам; отсутствие грифа «Коммерческая тайна» на документах²⁸.

Но можно также допустить рассуждения о чрезмерности грифа «Коммерческая тайна» как элемента, являющегося обязательным для подтверждения факта введения режима коммерческой тайны. Если работник осведомлен о наличии секретной информации и получил доступ к ней, то он не вправе разглашать такую информацию. К тому же обладателем секретной информации является работодатель, и, соответственно, ее разглашение работником свидетельствует о распоряжении чужой информа-

цией. Отсутствие грифа «Коммерческая тайна» не должно легализовывать такое незаконное распоряжение.

Указание на внесение сведений о секретной информации в систему блокчейн можно будет включить в трудовой договор или соглашение с работником как обязательный элемент режима коммерческой тайны. В качестве момента внедрения режима коммерческой тайны можно определить дату внесения соответствующих сведений в систему блокчейн. Можно допустить условную аналогию с патентными правами, когда объекты патентного права приобретают такой статус после получения охранного документа²⁹, выдаваемого по факту регистрации.

Действующее законодательство не содержит упоминания о конкретном моменте внедрения режима коммерческой тайны, приурочивая его к выполнению установленных законом мероприятий. В случае с регистрацией в системе блокчейн такой момент может быть определен, конечно, при условии выполнения иных мероприятий. Размышления об открытости параметров закрытых сведений в целях информирования третьих лиц выглядят на данном этапе развития законодательства революционными и без создания соответствующей инфраструктуры невыполнимыми.

Но такой подход в перспективе может развернуть законодательство о коммерческой тайне в сторону свидетельствования противозаконности любых действий по получению закрытых сведений в случае, если их обладатель проинформировал о введении режима коммерческой тайны, сообщив об этом работнику, контрагенту и внося соответствующую запись в систему блокчейн. Так более наглядно раскрывается специфическая особенность права на сведения, составляющие коммерческую тайну, — фактическая монополия их обладателя на некоторую совокупность знаний³⁰. Предлагаемая же законом в настоящий момент конструкция защиты позволяет

²⁸ Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 25.05.2011 по делу № 33-1796/2011.

²⁹ *Судариков С. А.* Право интеллектуальной собственности : учебник. М. : Проспект, 2009. С. 141.

³⁰ *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 676.

нарушителю избежать ответственности, если он докажет, что обладатель информации не ввел в отношении нее режим коммерческой тайны, несмотря на то что любое умышленное действие третьего лица по получению такой информации уже образует правонарушение.

Описываемое широкое использование системы блокчейн может войти в конфликт со свободой получения информации и свободной конкуренцией. Но поскольку речь идет о закрытых сведениях, то сам обладатель должен быть заинтересован в их сохранности. Запись в системе блокчейн носит информационный характер, но не гарантирует защиту. Например, конкуренты, производящие сбор информации относительно обладателя закрытых сведений, благодаря записи в системе блокчейн будут считаться осведомленными о введении режима коммерческой тайны, и, соответственно, совершение умышленных действий в отношении тех или иных категорий сведений будет рассматриваться в качестве правонарушения.

В случае произведения записи в системе блокчейн сам по себе гриф «Коммерческая тайна» может выступать информирующим элементом, который позволяет сотрудникам и третьим лицам проявлять бдительность и осторожность. Данная мера в большей степени направлена на помощь сотруднику. Но поскольку обладатель информации наиболее заинтересован в сохранении секретности, то он по своему выбору может внедрять элементы информирования и не только через описанный гриф. При этом в силу заинтересованности обладателя в сохранении секретности сложно представить его стремление спровоцировать сотрудника на разглашение отсутствием грифа «Коммерческая тайна».

В литературе встречается мнение, основанное на судебной практике, о том, что неразум-

ная политика в отношении информационной безопасности может быть основанием отказа в защите прав обладателя в силу того, что он не проявил должной осмотрительности³¹. С другой стороны, закон³² содержит требование о принятии разумно достаточных мер, называя ряд соответствующих параметров:

— исключение доступа к информации, составляющей коммерческую тайну, для любых лиц без согласия ее обладателя;

— обеспечение возможности использования указанной информации работниками и передачи ее контрагентам без нарушения режима коммерческой тайны.

Указанные параметры согласуются с требованием к работодателю о создании работнику необходимых условий для соблюдения им установленного режима коммерческой тайны, которое, в свою очередь, охватывается более широкой обязанностью работодателя по созданию работнику необходимых условий для сохранения имущества работодателя, нарушение которой служит основанием отказа в удовлетворении требований работодателя, если это явилось причиной возникновения ущерба³³.

Маневрирование работодателя между определенностью некоторых формальных процедур, которые подтверждают введение режима коммерческой тайны, и принятием разумно достаточных мер может быть сопряжено с недовольством, высказываемым сотрудниками, а иногда и акционерами относительно избыточного регулирования и усложнения бизнес-процессов. Это всё влияет на мобильность бизнеса и замедляет его работу. К тому же создание чрезмерных барьеров может подтолкнуть работника к инициированию спора о признании незаконным установления режима коммерческой тайны по причине неразумных ограничений³⁴, в том числе при защите от требований работодателя.

³¹ Коровяковский Д. Г. Защита коммерческой тайны предприятия: теоретические и практические аспекты // Юридический комментарий. 2006. № 3. С. 71–77.

³² Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32 Ст. 3283.

³³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.

³⁴ Северин В. А. Коммерческая тайна в России. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Зерцало-М, 2009. С. 154–155.

При правовом регулировании резонно оттолкнуться от заинтересованности в сохранении коммерчески значимой информации, предусмотрев минимально необходимые мероприятия, свидетельствующие о режиме коммерческой тайны. Поскольку обладатель информации в принципе заинтересован в ее защите, то он должен самостоятельно разрабатывать мероприятия, которые позволят это осуществить. На первом месте должны стоять разъяснительная работа с сотрудниками и контрольные мероприятия, препятствующие разглашению коммерческой тайны.

Нанесение грифа «Коммерческая тайна» на материальные носители со временем будет утрачивать актуальность благодаря цифровизации, предусматривающей повсеместное внедрение электронного документооборота, что позволяет в структуру электронного документа включать упоминание о коммерческой тайне.

Цифровизация оказывает сильное влияние на условия ведения компаниями своей деятельности. Помимо удобства общения с органами власти в электронном виде, облегчения обмена документами с контрагентами, цифровизация выводит отношения между работодателем и работником на новый уровень. Работник может исполнять свою трудовую функцию вне места работы и рабочего места — не только дома, но и на любом месте. В итоге повышаются ожидания работодателя от работника в вопросе его более широкой доступности³⁵.

Цифровизация обостряет проблему защиты коммерческой тайны в особенности в отношениях с работниками. В литературе предлагается включать в трудовые договоры условия, определяющие порядок дистанционного взаимодействия сторон трудовых отношений³⁶. При этом обеспечить надлежащую защиту коммерческой тайны при таком типе взаимодействия крайне проблематично, поскольку в отсутствие контроля работодателя к компьютеру работника

может иметь доступ неограниченное число лиц. Выход в такой ситуации видится в комбинировании дистанционной работы с исполнением трудовой функции при работе с коммерческой тайной непосредственно в месте нахождения работодателя.

Проходящие процессы становления цифровой экономики позволяют сделать предположение о том, что в ближайшей временной перспективе можно будет увидеть своего рода переходный период. По мнению Томаса Сибела, организации не хотят отказываться от проверенных инструментов в пользу чего-то сомнительного и неопробованного и не внедряют новшества³⁷. Но поскольку цифровые технологии всё больше и больше вовлекаются в предпринимательские отношения, то компании вынуждены будут задействовать их в своей деятельности в первую очередь в целях сохранения или улучшения конкурентных преимуществ.

Что касается коммерчески значимой информации, то можно ожидать не только увеличения ее объема, но и уточнение самих данных. Обладатель такой информации получит в свои руки значимые ресурсы, которые могут выступить также и в качестве товара по договору отчуждения. Участвовавшие случаи вовлечения в оборот этой информации сформируют движение в направлении становления рынка закрытой информации, что потребует адекватной системы учета, например, на базе блокчейн.

Поступательное развитие цифровых технологий может создать предпосылки для пересмотра законодательного понимания коммерческой тайны. В любом случае благодаря данным технологиям институт коммерческой тайны получает стимулы для своего последующего развития с возможной переоценкой места в российском законодательстве.

Следует отметить значительный интерес государства в становлении цифровой экономики в нашей стране. Разрабатываемая им программа

³⁵ Чесалина О. В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work on demand via apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 52–55.

³⁶ Закалюжная Н. В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 139–164.

³⁷ Сибел Т. Указ. соч. С. 35.

«Экономика данных» ожидаемо предоставит действенные стимулы развития цифровой экономики, в основание которой будут заложены данные в большом объеме. Формирование новых экономических условий, с одной стороны, будет способствовать обнаружению коммерческими организациями конкурентных преимуществ, а с другой — может повлечь возможное увеличение числа случаев утечек коммерчески

значимой информации. Последнее обусловлено ростом объема обрабатываемых данных, допускаемыми сотрудниками ошибками при работе с конфиденциальной информацией и совершенствованием методов кражи данных. Но увеличение количества утечек спровоцирует и без того высокий спрос на качественные решения по обеспечению информационной безопасности, а также на соответствующий персонал.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акмаров П. Б., Газетдинов М. Х., Третьякова Е. С. Проблемы защиты коммерческой информации в условиях цифровизации экономики // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2020. — Т. 15. — № 2. — С. 133–138.
2. Вайгенд А. Big data. Вся информация в одной книге / пер. с англ. С. Богданова. — М. : Эксмо, 2021. — 384 с.
3. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2018. — № 1.
4. Ганиева И. А., Бобров Н. Е. Цифровые платформы в сельском хозяйстве России: правовой аспект внедрения // Достижения науки и техники АПК. — 2019. — Т. 33. — № 9. — С. 83–86.
5. Езангина И. А. Проблемы и тенденции развития инфраструктуры кредитных рынков в России // Экономическая безопасность России и стратегии развития ее регионов в современных условиях : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции // Волгоград : Волгоградский государственный технический университет, 2015. — С. 67–70.
6. Закалюжная Н. В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 139–164.
7. Коровяковский Д. Г. Защита коммерческой тайны предприятия: теоретические и практические аспекты // Юридический комментарий. — 2006. — № 3. — С. 71–77.
8. Мансуров Г. З. Коммерческая тайна как разновидность конфиденциальной информации // Проблемы современной науки и образования. — 2014. — № 4 (22). — С. 69–71.
9. Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка : монография / отв. ред. Ю. В. Грачева. — М. : Проспект, 2022. — 272 с.
10. Северин В. А. Коммерческая тайна в России. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Зерцало-М, 2009. — 472 с.
11. Северин В. А. Правовая работа в организациях высокотехнологичного комплекса. — М. : Ленанд, 2022. — 264 с. (Основы защиты информации. № 21.)
12. Семякин М. Н. Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики: теоретический и практический аспекты исследования // Экономическое правосудие в Уральском округе. — 2020. — № 1. — С. 98–114.
13. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби, Проспект, 2004. — 752 с.
14. Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху / пер. с англ. Ю. Гиматова ; науч. ред. М. Савицкий, К. Щеглова, К. Пахорукова. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. — 256 с.
15. Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности : учебник. — М. : Проспект, 2009. — 368 с.
16. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 5–17.

17. Хачатурян Г. Ю. Институциональные основы экономической безопасности банковской деятельности в современной экономике // Вестник Университета. — 2015. — № 21. — С. 15–22.
18. Чесалина О. В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work on demand via apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. — 2017. — № 1. — С. 52–55.

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akmarov P. B., Gazetdinov M. Kh., Tretyakova E. S. Problemy zashchity kommercheskoy informatsii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. — 2020. — T. 15. — № 2. — S. 133–138.
2. Vaygend A. Big data. Vsa informatsiya v odnoy knige / per. s angl. S. Bogdanova. — M.: Eksmo, 2021. — 384 s.
3. Vaypan V. A. Pravovoe regulirovanie tsifrovoy ekonomiki // Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes». — 2018. — № 1.
4. Ganieva I. A., Bobrov N. E. Tsifrovye platformy v selskom khozyaystve Rossii: pravovoy aspekt vnedreniya // Dostizheniya nauki i tekhniki APK. — 2019. — T. 33. — № 9. — S. 83–86.
5. Ezangina I. A. Problemy i tendentsii razvitiya infrastruktury kreditnykh rynkov v Rossii // Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii i strategii razvitiya ee regionov v sovremennykh usloviyakh: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii // Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2015. — S. 67–70.
6. Zakalyuzhnaya N. V. Novaya kontsepsiya zanyatosti i razvitie trudovykh otnosheniy v tsifrovuyu epokhu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2023. — T. 16. — № 2. — S. 139–164.
7. Korovyakovskiy D. G. Zashchita kommercheskoy tayny predpriyatiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Yuridicheskii kommentariy. — 2006. — № 3. — S. 71–77.
8. Mansurov G. Z. Kommercheskaya tayna kak raznovidnost konfidentsialnoy informatsii // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. — 2014. — № 4 (22). — S. 69–71.
9. Riski tsifrovizatsii: vidy, kharakteristika, ugolovno-pravovaya otsenka: monografiya / otv. red. Yu. V. Gracheva. — M.: Prospekt, 2022. — 272 s.
10. Severin V. A. Kommercheskaya tayna v Rossii. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Zertsalo-M, 2009. — 472 s.
11. Severin V. A. Pravovaya rabota v organizatsiyakh vysokotekhnologichnogo kompleksa. — M.: Lenand, 2022. — 264 s. (Osnovy zashchity informatsii. № 21.)
12. Semyakin M. N. Grazhdansko-pravovoy dogovor v sfere tsifrovoy ekonomiki: teoreticheskii i prakticheskii aspekty issledovaniya // Ekonomicheskoe pravosudie v Uralskom okruge. — 2020. — № 1. — S. 98–114.
13. Sergeev A. P. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2004. — 752 s.
14. Sibel T. Tsifrovaya transformatsiya. Kak vyzhit i preuspet v novuyu epokhu / per. s angl. Yu. Gimatova; nauch. red. M. Savitskiy, K. Shcheglova, K. Pakhorukova. — M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021. — 256 s.
15. Sudarikov S. A. Pravo intellektualnoy sobstvennosti: uchebnik. — M.: Prospekt, 2009. — 368 s.
16. Talapina E. V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 5–17.
17. Khachaturyan G. Yu. Institutsionalnye osnovy ekonomicheskoy bezopasnosti bankovskoy deyatel'nosti v sovremennoy ekonomike // Vestnik Universiteta. — 2015. — № 21. — S. 15–22.
18. Chesalina O. V. Rabota na osnove internet-platform (crowdwork i work on demand via apps) kak vyzov trudovomu i sotsialnomu pravu // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2017. — № 1. — S. 52–55.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.098-110

А. С. Васильев*,
А. А. Калистратов**

Применимость норм договорного права к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ

Аннотация. В работе обосновывается применимость норм договорного права к отношениям между мажоритарными и миноритарными участниками гражданско-правовых сообществ. Мажоритарии, подавляя волю миноритариев при принятии решения собрания, имеют обязательства по ведению чужого дела, имеющие договорную природу. Сопоставляется волевое начало в отношениях различных участников гражданско-правовых сообществ и участников договора. На примере корпораций, органы которых представляют собой наиболее доктринально разработанные гражданско-правовые сообщества, демонстрируется как принципиальная возможность применения норм договорного права к отношениям, возникающим между участниками корпорации, так и возможность определения содержания правоотношений между ними. Приводится аргументация в пользу того, что отношения участников ряда гражданско-правовых сообществ сходны с отношениями, возникающими между сторонами договора присоединения. Обосновывается то, что содержание отношений между мажоритариями и миноритариями, вне зависимости от вида гражданско-правового сообщества, должны основываться на положениях о представительстве. В зависимости от вида гражданско-правового сообщества также применимы стандарт поведения сильной стороны договора присоединения, положения договорного права, учитывающие особенности субъектов как лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Предлагается сформулировать стандарты поведения мажоритариев в зависимости от вида гражданско-правового сообщества в законе. Однако в отсутствие таких норм предлагается опираться при формулировании стандарта поведения мажоритариев на положения о представительстве, договорных типах и конструкциях, общих положениях ГК РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовое сообщество; юридический факт; решение собрания; договорное право; корпоративное право; гражданско-правовая ответственность; обязательства по ведению чужого дела; фидуциарные обязательства; гражданское законодательство; гражданское право.

© Васильев А. С., Калистратов А. А., 2025

* *Васильев Артем Сергеевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
artem256@mail.ru

** *Калистратов Александр Алексеевич*, аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
kalistratov@me.com

Для цитирования: Васильев А. С., Калистратов А. А. Применимость норм договорного права к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 98–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.098-110.

Applicability of Contract Law Principles to Relations between Participants in Civil Law Communities

Artem S. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
artem256@mail.ru

Aleksandr A. Kalistratov, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
kalistratov@me.com

Abstract. The paper substantiates the applicability of contract law principles to relations between majority and minority participants in civil law communities. Majority shareholders, by suppressing the will of minority shareholders in making decisions at the meeting, have obligations to conduct someone else's business, which are of a contractual nature. The volitional principle in the relations of various participants in civil law communities and parties to the agreement is compared. Studying corporations, whose bodies represent the most doctrinally developed civil law communities, we demonstrate both the fundamental possibility of applying the principles of contract law to relations arising between the participants of a corporation, and the possibility of determining the content of legal relations between them. The paper presents arguments in favor of the fact that the relations between participants in a number of civil law communities are similar to the relations that arise between the parties to a contract of adhesion. It is substantiated that the content of relations between majority and minority shareholders, regardless of the type of civil law community, should be based on provisions on representation. Depending on the type of civil law community, the standard of conduct of the strong party to the contract of adhesion, the provisions of contract law that take into account the characteristics of the subjects as persons carrying out entrepreneurial activity are also applicable. It is proposed to formulate standards of conduct for majority shareholders depending on the type of civil law community in the law. However, in the absence of such norms, it is proposed to rely on the provisions on representation, contractual types and structures, and general provisions of the Civil Code of the Russian Federation when formulating the standard of conduct for majority shareholders.
Keywords: civil law community; legal fact; meeting decision; contract law; corporate law; civil liability; obligations to conduct someone else's business; fiduciary obligations; civil legislation; civil law.

Cite as: Vasiliev AS, Kalistratov AA. Applicability of Contract Law Principles to Relations between Participants in Civil Law Communities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):98-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.098-110.

Введение

В Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации отмечается: «...юридическая доктрина о

решениях собраний развивается неравномерно. Большое количество литературы посвящается вопросам решений общих собраний акционеров, в то время как другие виды решений собраний отошли на второй план»¹.

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 41.

Пятнадцать лет спустя после публикации Концепции можно констатировать, что указанная оценка в значительной степени не утратила своей актуальности. Кроме того, очевидно, что на уровне как нормотворчества, так и правоприменительной практики наибольшего внимания удостоены именно корпоративные отношения, в сравнении с отношениями, возникающими между участниками иных гражданско-правовых сообществ, кроме корпораций.

Трудно не согласиться с позиции сегодняшнего дня и с другим изложенным в Концепции утверждением о том, что *«достижения юридической науки и практики в отношении решений общих собраний акционеров могут быть применимы и к другим видам решений собраний»*².

С момента публикации Концепции была произведена всесторонняя реформа гражданского законодательства в России. В частности, в российском ГК появилась глава 9.1, посвященная общим положениям о решениях собраний, произошли значительные изменения в положениях ГК РФ о юридических лицах. Настоящий момент можно охарактеризовать тем, что, с одной стороны, на всех уровнях — доктрины, законодательства и правоприменительной практики — институт решений собраний получал и получает самое пристальное внимание, а с другой стороны, актуальным вопросом, требующим доктринальной проработки, является то, какие положения гражданского законодательства допустимо применять к отношениям между участниками гражданско-правового сообщества, насколько те или иные инструменты способны обеспечить защиту прав участников гражданско-правового сообщества.

Как на уровне доктринальных разработок, так и на уровне правоприменительной практики постепенно укрепляется отношение к корпорации как к сообществу, при определении содержания отношений внутри которого следует принимать во внимание проявления автономии

воли, по сути — заимствование близких к договорному праву инструментов регулирования с учетом известных законодательных ограничений. Настоящая работа посвящена тому, применимы ли нормы договорного права к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ, нормы о каких договорных типах и конструкциях применимы в зависимости от особенностей правоотношений в том или ином гражданско-правовом сообществе.

1. Обязательства мажоритариев по ведению чужого дела

Вызывает сомнение сам факт наличия хоть каких-нибудь обязательств мажоритариев перед миноритариями. А. В. Егоров указывает, что *«мажоризация — подвид злоупотребления правом в гражданско-правовом сообществе, при котором большинство участников недобросовестно использует свою власть в ущерб интересам гражданско-правового сообщества в целом или отдельных его участников»*, видит законное основание обязательств мажоритариев в п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ³. Д. И. Степанов (вероятно, в противовес термину «мажоризация») использовал термин «контрмажоритаризм», говоря об «опасности» оценки решений собраний судами *ex post*, правда, в контексте корпоративных отношений⁴.

Исходя из характера отношений между участниками гражданско-правового сообщества, в которых в силу действия принципа большинства ограничено действие принципа автономии воли (п. 2 ст. 1 ГК РФ), возможно обнаружить природу ответственности большинства участников гражданско-правового сообщества перед меньшинством, поскольку они своими действиями влияют не только на свое имущество, но на имущественную сферу других лиц, а значит, эти обязательства касаются «ведения чужого дела».

² Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 41.

³ Егоров А. В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. 2023. Март — апрель. С. 48.

⁴ Степанов Д. И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений (ч. 2) // Закон. 2020. № 12. С. 187.

В российском праве существует множество явлений, когда один самостоятельный субъект частного права своими действиями влияет на возникновение прав и обязанностей у другого субъекта гражданского оборота. Например, один супруг может распоряжаться имуществом, принадлежащим не только ему, но и другому супругу, в силу презумпции согласия другого супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ). Или, скажем, действия законного представителя в отношении распоряжения имуществом недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц (ст. 32, 33 ГК РФ). К таким явлениям относим и стандарт поведения лица, выступающего от имени юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ).

Все указанные явления подпадают под действие правила, предусмотренного пунктом 1 ст. 10 ГК РФ, согласно которому любое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав запрещено, а значит, законом запрещены и любые действия, которые влияют на чужую имущественную сферу и заведомо вредны для нее. Однако общая норма (тем не менее более специальная по отношению к принципу добросовестности), которая бы охватывала все указанные явления в российском праве, отсутствует.

В немецком праве такие явления, как указывает А. В. Егоров, характеризуются как единая категория «ведения чужого дела» (*Geschäftsbesorgung*), имеется система принципов, согласно которым ведущий чужое дело обязан действовать добросовестно, надежно, заботливо и т.д. Категория ведения чужого дела существует в рамках положений Германского гражданского уложения о договоре поручения (§ 675 ГГУ) и не урегулирована на уровне общих положений, «поскольку различия между случаями ведения чужих дел весьма значительны»⁵. Таким образом, в немецком праве существует стандарт поведения, изначально возникший в праве договорном и модифицирующийся в зависимости от особенностей тех или иных правоотношений.

Можно согласиться с А. В. Егоровым в том, что, исходя из базового для гражданского права запрета на извлечение преимуществ из своего недобросовестного поведения, такое поведение недопустимо и в отношениях между участниками гражданско-правовых сообществ. Однако содержание таких обязательств по меньшей мере неочевидно. Трудно не признать справедливыми опасения Д. И. Степанова о возможности правоприменителя использовать «очень размытые критерии» при оценке решения собрания правоприменителем, по существу, *ex post*⁶. Признавая, что мажоритарии имеют определенные обязательства перед миноритариями, необходимо обнаружить законные основания таких обязательств, не ограничиваясь основными положениями гражданского законодательства. Отношения между участниками гражданско-правовых сообществ не являются договорными, однако (о чем будет идти речь далее) ввиду того, что в таких отношениях присутствует составляющая, подразумевающая ограниченную свободу усмотрения, мыслимо опираться на нормы договорного права при поиске законного источника обязательств участников гражданско-правовых сообществ друг перед другом. Применению подлежат не любые нормы договорного права, а лишь охранительные нормы, поскольку на основе таких норм возможно выявить следующие из закона способы защиты прав миноритарных участников и стандарты поведения мажоритарных.

2. Обязательства по ведению чужого дела, существующие между участниками корпорации

Прежде чем перейти к вопросу поисков инструментов договорного права в иных гражданско-правовых сообществах, необходимо обозначить, как характеризуется стандарт поведения между участниками корпорации как гражданско-правового сообщества, которому уделяется

⁵ Егоров А. В. Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения. М. : Норма, 2002. С. 122.

⁶ Степанов Д. И. Опасность контрмажоритаризма при оспаривании корпоративных решений (ч. 2). С. 187.

наиболее пристальное внимание не только со стороны доктрины, но и со стороны правоприменителя.

Так, А. А. Кузнецов указывает, что, исходя «из общей природы отношений между участниками общества», между участниками корпорации имеются обязательства по ведению чужого дела⁷. При этом А. А. Кузнецов не считает, что к участнику корпорации применим тот же стандарт поведения, что и к директору: *«стандарт надлежащего исполнения обязанности применительно к профессиональному менеджеру и к участнику ООО различается: например, требования в части разумности (необходимой заботливости) по отношению к участнику ООО гораздо меньше, чем к лицам, входящим в органы управления... Однако даже в этом случае участник остается связан требованием лояльности, что подразумевает не препятствовать деятельности общества, в том числе не причинять ему вред»*.

Трудно не согласиться с А. А. Кузнецовым в том, что стандарт поведения директора должен быть выше в сравнении со стандартом поведения участника корпорации. Обязанность директора действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица напрямую проименована в законе (п. 3 ст. 53 ГК РФ), хотя, как следует из сказанного ранее, имеет договорную природу. Российский законодатель сформулировал обязанность директора действовать именно в интересах общества, а не в собственных и не в интересах лица, которое его избрало, со всей очевидностью, по причине того что отношения между исполнительным органом и обществом являются сущностно отношениями с наемным менеджером, который не может иметь собственного интереса, кроме получения вознаграждения за качественно выполненную работу. В отношении мажоритариев в корпорации такая логика не действует, поскольку мажоритарии имеют прежде всего собственный интерес, за возможность реализации которого они запла-

тили, что делает затруднительным в их отношениях с миноритариями применение по аналогии закона (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»⁸.

Во-первых, отношения между директором и юридическим лицом сходны с действиями по найму, вплоть до того, что отношения общества и менеджера могут быть подкреплены трудовым (или же не в полной мере трудовым) договором.

Во-вторых, закон не содержит какого-либо прямого указания на содержание правоотношений между мажоритариями и миноритариями, подразумевающих какой-либо стандарт поведения, в отличие от содержания отношений между директором и обществом. В отличие от директора, который не должен иметь собственного интереса, руководствуясь исключительно интересами корпорации, мажоритарии скорее думают о собственном интересе и относятся к корпорации как к инструменту достижения собственного интереса. Директор же обязан действовать добросовестно и разумно в силу прямого указания закона (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и скорее заинтересован в демонстрации успехов в качестве управленца перед участниками корпорации, поскольку оценка эффективности управленческой деятельности директора непосредственно влияет на его карьерное положение.

С другой стороны, стандарт поведения мажоритариев в корпорации хотя и ниже стандарта поведения директора, но тем не менее не позволяет осуществлять абсолютно любые действия. Положение мажоритариев куда более устойчиво, чем положение директора. Последнего, если тот будет действовать непрофессионально или корыстно, общество может сменить. Мажоритарии же чувствуют себя уверенно, поскольку не без оснований считают себя хозяевами корпорации. Следовательно,

⁷ Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М. : Статут, 2014. С. 37.

⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 10.

стандарт поведения мажоритариев должен в определенной степени стимулировать учет ими интересов миноритариев.

Как было обозначено, обязательства по ведению чужого дела берут свое начало в договорном праве. В англо-американском праве, в отличие от немецкого, категория ведения чужого дела не выделяется, тем не менее признается договорная природа отношений как между директором и корпорацией, так и между мажоритариями и миноритариями. Такие обязательства именуются фидуциарными⁹, их содержание сопоставляется с фидуциарными обязательствами директора по отношению к корпорации. Канадское законодательство предоставляет миноритариям возможность обращения в суд в случае, если мажоритарии действуют подавляюще, несправедливо ущемляют или игнорируют интересы любого акционера¹⁰. Немецкий правопорядок впоследствии также сформировал практику, из которой следует, что большинство в корпорации имеет фидуциарное обязательство учитывать интересы меньшинства¹¹.

Ученые, исследующие корпоративное право, уделяют значительное внимание вопросу наличия у корпораций договорной природы. Е. А. Суханов указывает: «содержание корпоративных отношений определяют отнюдь не договор учредителей об их создании, а нормы корпоративного права, в том числе во многом имеющие императивный характер. Поэтому такие отношения ни в коей мере не могут считаться разновидностью обычных договорных (обязательственных) гражданско-правовых отношений... корпоративные отношения не

могут считаться разновидностью договорных отношений, а корпоративное право — частью договорного права»¹².

Другая позиция состоит в том, что любая корпорация является товарищеским соглашением. Д. И. Степанов таким образом описывает механизм учреждения и последующего функционирования корпорации с точки зрения договорного права: «первоначально акт волеизъявления учредителей совершается единогласно, однако в сделке учредителей закладывается механизм, позволяющий в будущем менять условия такой сделки некоторым большинством, а не по согласию всех сторон такой сделки (договора)»¹³.

Итак, существует мнение, что участники, учреждая корпорацию, принимают на себя договорное обязательство на будущее время, последующие решения ее (корпорации) участников будут общеобязательны как в отношении тех, кто выступал против такого решения, так и в отношении тех, кто в принятии решения вообще не участвовал.

Прототипом корпорации, исходя из указанной логики, является договор простого товарищества, участники которого хотя и не создают юридическое лицо, имущество которого обособлено от имущественной массы участников договора, но тоже объединяют свои усилия и капиталы в целях ведения общего дела. В силу прямого указания закона (п. 5 ст. 1044 ГК РФ) решения, касающиеся общих дел товарищей, могут приниматься большинством голосов товарищей, если это предусмотрено их соглашением.

Корпорации, согласно приведенной точке зрения, являются более сложной, чем договор

⁹ Решение Верховного суда США по делу *Pepper v. Litton*, 308 U.S. 295 (1939) ; решение Верховного суда США по делу *Southern Pacific Co. v. Bogert*, 250 U.S. 483 (1919).

¹⁰ *Anisman Ph.* Majority-Minority Relations in Canadian Corporation Law: An Overview // *Canada-United States Law Journal*. 1988. Vol. 13. Art. 8. P. 85–102.

¹¹ *Fleischer H.* A Guide to German Company Law for International Lawyers. Distinctive Features, Particularities, Idiosyncrasies // *German and Nordic Perspectives on Company Law and Capital Markets Law* / H. Fleischer, J. Lau Hansen, W.-G. Ringe (eds.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. P. 21–22.

¹² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 52–54.

¹³ Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право. Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина и К. Б. Ярошенко ; ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Статут, 2013. С. 347.

простого товарищества, формой объединения с целью ведения совместной деятельности, однако их договорная природа в целом не вызывает сомнений, поскольку ни одна корпорация не возникает без соглашения ее учредителей. Безусловно, договорная природа корпораций значительно образом ограничена императивными нормами специальных законов об отдельных юридических лицах.

Представляется, что корпорации если и имеют договорную природу, то в том отношении, что они возникли из договорных отношений исторически¹⁴. Нет сомнений в том, что нормы договорного права если и применимы к корпорациям, то в субсидиарном порядке и с приведением серьезного правового обоснования.

В деле общества «Яна Тормыш»¹⁵ судьи Верховного Суда РФ допустили одно утверждение, которое, на первый взгляд, однозначно указывает на то, что в правоприменительной практике была воспринята точка зрения, в соответствии с которой отношения участников корпорации имеют договорный характер: *«все правила, касающиеся ограничения отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества»*.

Тем не менее, вопреки указанному утверждению, положения Закона об обществах с ограниченной ответственностью¹⁶ четко определяют рамки допустимого усмотрения участников общества, действует опровержимая презумпция императивности. Выход за пределы этих рамок

не допускается, поскольку нормы Закона об обществах с ограниченной ответственностью обеспечивают в том числе возможность контрагентов общества не знакомиться с содержанием его устава. Между тем стандарт поведения контрагента общества не подразумевает обязанности контрагента знать о содержании отношений сторон внутри «товарищеского соглашения»¹⁷.

Примечательно, что Верховный Суд РФ впоследствии несколько смягчил свою позицию о том, что корпорация является товарищеским соглашением. Так, в определениях Верховного Суда РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-24465 и от 06.02.2024 № 305-ЭС22-26611¹⁸ говорится, что «ООО является разновидностью товарищества», «положения устава хозяйственного общества не могут противоречить существу законодательного регулирования товарищеского соглашения», а в Обобщении судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.¹⁹, уже используется иная формулировка со ссылкой на те же определения, но без упоминания товарищеских соглашений: *«передача прав и обязанностей, вытекающих из корпоративного участия в делах общества с ограниченной ответственностью, которыми обладает участник, происходит с учетом особенностей, предусмотренных корпоративным законодательством, которое, в свою очередь, исходит из принципа уважения автономии воли участников, отраженной в уставе общества»*. Представляется, что вывод о том, что даже в кор-

¹⁴ Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 3. С. 142–206.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

¹⁷ Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.), п. 6 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 22 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», п. 27 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ СПС «КонсультантПлюс».

порации, где решения принимаются по принципу большинства, должно иметь место уважение автономии воли участников, является ценным, поскольку при такой оценке применение норм договорного права возможно только в случае ограниченного применения охранительных норм и не означает предоставления участникам корпорации неограниченной договорной свободы.

С позиции *de lege ferenda* степень договорной свободы участников гражданско-правового сообщества должна определяться рамочными императивными нормами специальных законов о том или ином гражданско-правовом сообществе, и эти нормы должны формулироваться исходя из содержания того или иного гражданско-правового сообщества. Однако охранительные нормы договорного права могут восполнить пробелы законодательного регулирования.

В отличие от участников договора простого товарищества, участники корпорации (например, общества с ограниченной ответственностью) не отвечают перед кредиторами своим имуществом. Можно предположить с высокой степенью уверенности, что существует обратная зависимость между степенью обособленности имущества «товарищества» (в виде договора или корпорации, не имеет значения) и степенью свободы усмотрения участников такой общности. Участники договора простого товарищества имеют наиболее полную свободу усмотрения содержания товарищеского соглашения, а участники публичного акционерного общества находятся на другом конце этой воображаемой шкалы степени договорной свободы — и практически не могут отступать от императивных предписаний закона. С одной стороны, как известно, императивность положений законодательства о публичных акционерных обществах связана с упрощением оборота акций, но, кроме этого, участники публичных акционерных обществ с меньшей вероятностью даже в сравнении с участниками общества с ограниченной ответственностью могут попасть в ситуацию, когда будет «проткнута корпоративная вуаль»

и акционеры будут отвечать собственным имуществом перед кредиторами общества.

Таким образом, исходя из того, что в любом гражданско-правовом сообществе применим стандарт поведения лица, ведущего чужое дело, для нормативного обоснования стандарта поведения мажоритариев в отношении миноритариев по аналогии закона допустимо применять охранительные нормы договорного права.

3. Волевое начало отношений между участниками иных гражданско-правовых сообществ

Если существование обязательств мажоритариев по ведению чужого дела в любом гражданско-правовом сообществе не вызывает сомнений, то не столь однозначным представляется вопрос о том, лежит ли в основе возникновения отношений между участниками гражданско-правовых сообществ воля этих субъектов. Согласно ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Исходя из указанного определения, можно поставить под сомнение обоснованность предположения о том, что решения собрания имеют хоть в какой-то степени договорную природу, поскольку участники гражданско-правового сообщества, вынужденные подчиняться решению большинства, ограничены законом в осуществлении своих гражданских прав своей волей и в своем интересе.

Тем не менее в договорном праве, где по общему правилу всё решается соглашением сторон, имеются примеры, когда закон позволяет предоставлять одним участникам договора определять своим односторонним волеизъявлением права и обязанности других участников договора. Так, в договоре между предпринимателями возможно установление соглашением сторон права на отказ от исполнения обязательства либо на изменение его условий (абз. 1 п. 2 ст. 310 ГК РФ)²⁰, то есть в силу такого соглаше-

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», абз. 2 п. 10 // СПС «КонсультантПлюс».

ния один участник договора может по своему усмотрению определять его условия для остальных. В договорном сообществе лицо, имеющее право на изменение или односторонний отказ от обязательств, становится таковым ввиду того, что это было достигнуто соглашением сторон.

Участники договора простого товарищества (п. 5 ст. 1044 ГК РФ), полного товарищества и товарищества на вере (п. 1 ст. 71 ГК РФ, п. 1 ст. 84 ГК РФ) могут предусмотреть в договоре возможность принятия решений, касающихся общих дел товарищества, большинством голосов; в положениях об инвестиционном товариществе напрямую указывается на применимость положений гл. 9.1 ГК РФ по общему правилу (п. 3 ст. 9 Федерального закона от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»²¹).

Как будет продемонстрировано далее, действие принципа большинства также может связывать лицо только в случае, если на то была его воля, что однозначно указывает если не на договорную природу, то на добровольный характер присоединения участников к любому гражданско-правовому сообществу, а значит, к отношениям участников того или иного гражданско-правового сообщества, с учетом их особенностей, мыслимо применение охранительных норм договорного права, поскольку эти нормы способны обеспечить правовую защиту субъективных прав миноритарных участников.

Решения собраний представляют собой юридические акты гражданско-правовых сообществ, принятые по принципу большинства. Сами гражданско-правовые сообщества являются объединениями добровольными. Едва ли можно утверждать, что участники собрания, несмотря на действие принципа большинства, лишены автономии воли полностью. А. А. Кузнецов справедливо указывает, говоря об автономии воли участников корпорации, что при выборе организационно-правовой формы из *numerus clausus* «участники оборота реализуют свою автономию воли через выбор организационно-правовой формы»²². Нет никаких сомнений в том, что

участники гражданско-правового сообщества могут определять своей волей как факт своего вступления в гражданско-правовое сообщество (иногда вступление в гражданско-правовое сообщество является побочным, но обязательным в силу указания закона последствием иного юридического акта), так и содержание взаимных прав и обязанностей между участниками гражданско-правового сообщества в тех рамках, которые установлены законом в зависимости от вида гражданско-правового сообщества.

Очевидно, что степень свободы усмотрения «учредителей» при создании тех или иных гражданско-правовых сообществ различается.

Помимо корпораций, существуют и иные гражданско-правовые сообщества, участие в которых связано прежде всего с желанием людей объединиться и действовать совместно. Таковыми являются некоммерческие организации (за некоторыми возможными исключениями, такими, например, как нотариальные и адвокатские палаты, участие в которых мотивировано прежде всего требованием закона к лицам, которые рассчитывают на получение соответствующего статуса).

Однако зачастую участие лица в гражданско-правовом сообществе продиктовано не желанием объединиться с той или иной целью, а исключительно указанием закона, в виде побочного последствия совершения основного юридического акта. Так, статус участника собрания собственников помещений в многоквартирном доме предопределен приобретением помещения в том или ином многоквартирном доме (ст. 44 ЖК РФ), таким же образом предопределены статус приобретателя доли в праве собственности на участок из земель сельскохозяйственного назначения, который становится и участником собрания участников долевой собственности (ст. 14.1 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»²³), и статус участника нотариальной и адвокатской палаты (ст. 26 Основ законодательства РФ о нотариате

²¹ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7013.

²² Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. : Статут, 2017. С. 39.

²³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

от 11.02.1993 № 4462-І²⁴, ст. 30 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»²⁵).

Участник собрания кредиторов при банкротстве также не стремится объединиться с другими кредиторами, а рассчитывает на получение части средств должника и становится участником гражданско-правового сообщества при изъявлении им желания быть внесенным в реестр кредиторов в установленный законом срок. Кредитор в силу указания закона (ст. 12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²⁶) не может получить часть имущества должника, не вступая в указанное гражданско-правовое сообщество.

Отличия в волевом начале участия в обозначенных гражданско-правовых сообществах от корпораций и некоммерческих организаций видятся в следующем.

1. Сообщества создаются не волей «учредителей», желающих объединиться, а указанием закона в силу иного, не имеющего отношения к воле «учредителей» юридического факта (введение в эксплуатацию многоквартирного дома, возникновение долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения более чем у пяти лиц, банкротство должника).

2. Участники гражданско-правового сообщества, присоединяясь к нему, не имеют возможности каким-либо образом повлиять на установленный законом порядок принятия решений.

Тем не менее, несмотря на то что в указанных гражданско-правовых сообществах участники не стремятся объединиться, а участвуют в них скорее вынужденно, всё же, по существу, это добровольное объединение, поскольку вступление в любое гражданско-правовое сообщество без исключения может быть связано только со свободным волеизъявлением лица. Следовательно, применение норм договорного права даже к таким сообществам принципиально допустимо.

Закон знает значительное количество примеров, когда заключение договора является обязательным для одной из сторон, и в каждом таком примере сторона, для которой заключение договора обязательно, может избежать заключения договора, просто отказавшись от совершения юридического акта, с которым связана последующая обязанность заключить договор. Так, предприниматель может не осуществлять деятельность, характер которой подразумевает, что предприниматель должен ее осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится, если не желает нести обязанность по заключению публичного договора с любым обратившимся к нему лицом (ст. 426 ГК РФ); патентообладатель может не воздерживаться от использования своего изобретения, если не желает предоставлять принудительную лицензию на свое изобретение (ст. 1239 ГК РФ).

Кроме того, зачастую даже до вступления в гражданско-правовое сообщество, не подразумевающего добровольного объединения лиц, будущий участник анализирует в том числе перспективу оказаться в том или ином сообществе. Так, потенциальный кредитор может заранее оценить свои взаимоотношения с другими кредиторами в случае потенциального банкротства будущего должника; при приобретении квартиры зачастую люди задумываются о том, кто будет их соседями и возможно ли с ними будет договариваться о совместном управлении общим имуществом многоквартирного дома.

4. Формулирование стандартов поведения мажоритариев перед миноритариями с помощью охранительных норм сходных с тем или иным гражданско-правовым сообществом договорных типов и конструкций

Отношения между участниками гражданско-правового сообщества не регулируются договором, но основаны на добровольном участии, что позволяет говорить о применимости к граждан-

²⁴ Российская газета. 1993, 13 марта.

²⁵ СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

ско-правовым сообществам положений о тех или иных, в зависимости от вида гражданско-правового сообщества, договорных конструкциях и типах, с целью определения содержания правоотношений и способов защиты.

Стандарты поведения участников гражданско-правового сообщества можно обнаружить, опираясь на договорные типы и конструкции, наиболее близкие содержанию отношений участников того или иного гражданско-правового сообщества.

Так, обязательства по ведению чужого дела в немецком праве берут свое начало в положениях о договоре поручения. Указанный договорный тип тесно связан с положениями о представительстве (гл. 11 ГК РФ), и стандарты поведения представителя с учетом особенностей положения мажоритариев вполне применимы к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ. Мажоритарии, представляя в том числе и миноритариев, не вправе совершать действия в отношении себя лично только при условии, если нарушают при этом интересы «представляемых» ими миноритариев (п. 3 ст. 182 ГК РФ). Нет ничего противоправного в том, чтобы использовать свой контроль над гражданско-правовым сообществом в своих интересах, однако стандарт должен заключаться в запрете на необоснованное вмешательство мажоритариев в имущественную сферу миноритариев.

Отношения между мажоритариями и миноритариями, как видится, более сложны, чем отношения доверителя и поверенного; при определении содержания правоотношений между мажоритариями и миноритариями, в зависимости от особенностей того или иного вида гражданско-правового сообщества, необходимо принимать во внимание, при каких признаках действия мажоритариев в собственном интересе перестают быть правомерными, нарушение каких интересов миноритариев мажоритариями является недопустимым.

Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах от 25.12.2019 предпринял попытку сформулировать стандарт поведения мажоритарных участников корпорации следующим образом:

«Решение общего собрания участников (акционеров) может быть признано недействительным в случае, если оно принято в ущерб интересам общества и (или) участника (акционера) и при этом участник (акционер), повлиявший на принятие решения, действовал исходя из собственной выгоды или имеются иные доказательства его недобросовестности или неразумности (например, заведомая невыгодность одобренной сделки)».

В более общем виде, применимом к большинству гражданско-правовых сообществ, указанный стандарт допустимо сформулировать следующим образом: мажоритарные участники гражданско-правового сообщества не могут принимать решения, которые, во-первых, создают экономически необоснованные преимущества для определенной категории участников гражданско-правового сообщества, и, во-вторых, такие преимущества создаются за счет непропорционального вторжения в имущественную сферу миноритарных участников гражданско-правового сообщества.

Кроме того, как продемонстрировано ранее, зачастую участник не имеет возможности повлиять на условия присоединения к тому или иному гражданско-правовому сообществу в силу прямого указания закона. Права миноритарных участников гражданско-правовых сообществ могут быть защищены ввиду того, что сходные отношения регулируются положениями о договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ). Исходя из п. 2 ст. 428 ГК РФ, можно сформулировать стандарт поведения мажоритариев в таких гражданско-правовых сообществах. Например, участники собрания собственников помещений в многоквартирном доме не могут быть лишены решением собрания прав, обычно предоставляемых собственникам помещений в многоквартирном доме. Мажоритарный участник в таком гражданско-правовом сообществе не может исключить или ограничить свою ответственность за нарушение обязательств либо принимать другие явно обременительные для миноритарных участников решения. Соответственно, имеется и способ защиты, заключающийся в возможности оспаривания такого реше-

ния собрания (п. 2 ст. 428 ГК РФ, п. 1 ст. 181.4 ГК РФ), не исключено в силу прямого указания закона использование этой возможности и лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность²⁷.

Основанием ответственности одних участников гражданско-правового сообщества перед другими может служить пункт 1 ст. 393 ГК РФ, исходя из которого должник обязан возместить кредитору убытки, в том числе связанные с ненадлежащим исполнением обязательства, поскольку обязательство участника гражданско-правового сообщества перед другими участниками имеет договорный характер. Кроме того, в гражданско-правовых сообществах, направленных на осуществление предпринимательской деятельности, стандарт поведения участника должен быть более высоким, чем в остальных, в том числе в силу презумпции наличия вины при ненадлежащем исполнении обязательств в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ.

Заключение

Отношения между сторонами договора и участниками гражданско-правовых сообществ во многом сходны, однако основное различие, которое заключается в ограничении автономии воли участников гражданско-правового сообщества, является достаточно принципиальным, чтобы применять нормы договорного права к отношениям между мажоритариями и мино-

ритариями исключительно по субсидиарному принципу, с приведением достаточного правового обоснования применимости норм с учетом особенностей того или иного гражданско-правового сообщества. Тем не менее восприятие как норм договорного права, так и положений о представительстве как «прототипа» стандартов поведения мажоритария в том или ином гражданско-правовом сообществе является верным подходом, поскольку этот путь уже пройден в отношении ответственности лица, выступающего от имени юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ): стандарт поведения обнаруживается правоприменителем исходя из договорной природы обязательств лица, ведущего чужое дело, с опорой на положения ГК РФ о представительстве (п. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 указывает на «особый характер представительства» органов юридического лица, в ранее действовавшей редакции п. 1 ст. 53 ГК РФ содержалось указание на п. 1 ст. 182 ГК РФ), формулируется изначально в разъяснениях правоприменителя (постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62), а затем в тексте закона (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Кристаллизация стандарта поведения мажоритария в тексте закона является наиболее благоприятным решением, до момента появления такой нормы правоприменитель может формулировать такой стандарт исходя из иных норм, вплоть до ст. 10 ГК РФ, с учетом особенностей того или иного гражданско-правового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егоров А. В. Агентский договор: опыт сравнительного анализа законодательных и теоретических конструкций // Ежегодник сравнительного правоведения. — М. : Норма, 2002. — С. 121–178.
2. Егоров А. В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. — 2023. — Март — апрель. — С. 16–48.
3. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. — М. : Статут, 2014. — 141 с.
4. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве : краткий очерк. — М. : Статут, 2017. — 160 с.

²⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Степанов Д. И. Опасность контрмэжоритаризма при оспаривании корпоративных решений (ч. 2) // Закон. — 2020. — № 12. — С. 154–188.
6. Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право. Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина и К. Б. Ярошенко ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. — М. : Статут, 2013. — 766 с.
7. Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. — 2009. — № 3. — Т. 9. — С. 142–206.
8. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М. : Статут, 2014.
9. Anisman Ph. Majority-Minority Relations in Canadian Corporation Law: An Overview // Canada-United States Law Journal. — 1988. — Vol. 13. — Art. 8. — P. 85–102.
10. Fleischer H. A Guide to German Company Law for International Lawyers. Distinctive Features, Particularities, Idiosyncrasies // German and Nordic Perspectives on Company Law and Capital Markets Law / H. Fleischer, J. Lau Hansen and W.-G. Ringe (eds.). — Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. — P. 21–22.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Egorov A. V. Agentskiy dogovor: opyt sravnitel'nogo analiza zakonodatel'nykh i teoreticheskikh konstruksiy // Ezhegodnik sravnitel'nogo pravovedeniya. — M.: Norma, 2002. — S. 121–178.
2. Egorov A. V. Borba s «mazhorizatsiey» uchastnikov sobraniya kak formoy zloupotrebleniya pri prinyatii resheniya // Tsivilistika. — 2023. — Mart — aprel. — S. 16–48.
3. Kuznetsov A. A. Isklyuchenie uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu. — M.: Statut, 2014. — 141 s.
4. Kuznetsov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 160 s.
5. Stepanov D. I. Opasnost kontrmazhoritarizma pri osparivanii korporativnykh resheniy (ch. 2) // Zakon. — 2020. — № 12. — S. 154–188.
6. Stepanov D. I. Svoboda dogovora i korporativnoe pravo. Grazhdanskoe pravo i sovremennost: sbornik statey, posvyashchennyy pamyati M. I. Braginskogo / pod red. V. N. Litovkina i K. B. Yaroshenko; In-t zakonodatelstva i sravn. pravovedeniya pri Pravitelstve RF. — M.: Statut, 2013. — 766 s.
7. Stepanov D. I. Fenomen korporativnogo kontrolya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — № 3. — Т. 9. — С. 142–206.
8. Sukhanov E. A. Sravnitel'noe korporativnoe pravo. — M.: Statut, 2014.
9. Anisman Ph. Majority-Minority Relations in Canadian Corporation Law: An Overview // Canada-United States Law Journal. — 1988. — Vol. 13. — Art. 8. — P. 85–102.
10. Fleischer H. A Guide to German Company Law for International Lawyers. Distinctive Features, Particularities, Idiosyncrasies // German and Nordic Perspectives on Company Law and Capital Markets Law / H. Fleischer, J. Lau Hansen and W.-G. Ringe (eds.). — Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. — P. 21–22.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.111-120

Ю. С. Поваров*

Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы

Аннотация. В статье комплексному анализу подвергается закрепленный в п. 4 ст. 178 ГК РФ механизм исцеления сделки, который имеет обширную область применения и выступает проявлением принципов добросовестности и стабильности договора. Повышенное внимание уделяется исследованию дискуссионного вопроса о юридико-фактической основе исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, в связи с изъятием контрагентом заблуждавшегося лица согласия на сохранение силы сделки на измененных условиях. Автор исходит из необоснованности трактовки реабилитационного механизма как договорного (пункт 4 ст. 178 ГК РФ посвящен изменению условий сделки под контролем и при содействии суда; это, однако, не исключает возможности внесудебного пересмотра договорных положений по соглашению сторон). Доказывается рациональность ретроактивности действия обновленных условий сделки, но в качестве общего, а не исключительного правила (оправданным, по мнению автора, будет признание за судом возможности распространить действие преобразовательного решения полностью или в части на будущее время). Исследование вопроса о сопряжении норм п. 4 ст. 178 и ст. 157.1 ГК РФ завершается выводом о неуместности квалификации согласия контрагента заблуждавшейся стороны в качестве разновидности одобрения (в смысле ст. 157.1 ГК РФ).

Ключевые слова: заблуждение; исцеление (конвалидация) недействительной сделки; ничтожная сделка; оспоримая сделка; принцип добросовестности; принцип стабильности договора; согласие на сохранение силы сделки; изменение договора; обратная сила акта; согласие на совершение сделки.

Для цитирования: Поваров Ю. С. Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 111–120. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.111-120.

© Поваров Ю. С., 2025

* Поваров Юрий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева
Московское шоссе, д. 34, г. Самара, Российская Федерация, 443086
povus@mail.ru

The Mechanism for Convalidation of a Contract entered into due to Misrepresentation, with the Consent of the Counterparty to Maintain its Force

Yuri S. Povarov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation
povus@mail.ru

Abstract. The paper scrutinizes the mechanism for a contract convalidation, enshrined in paragraph 4 of Article 178 of the Civil Code of the Russian Federation, which has a wide scope of application and is a manifestation of the principles of good faith and stability of contract. Particular attention is given to the study of a controversial issue as to legal and factual basis for the convalidation of a contract concluded due to misrepresentation, when the counterparty of the person in representation expresses their consent to maintain the validity of the contract under the changed terms. The author proceeds from the grounds that the interpretation of the rehabilitation mechanism as contractual is unfounded (clause 4 of Article 178 of the Civil Code of the Russian Federation is devoted to changing the terms of a contract under the control and with the assistance of the court; this, however, does not exclude the possibility of extrajudicial revision of contractual provisions by agreement of the parties). The rationality of the retroactivity of the updated terms of the contract is proven, but as a general, not an exclusive rule (according to the author, it would be justified to recognize the court's ability to extend the effect of the transformative decision in whole or in part to the future). The study of the issue of the conjugation of the provisions of paragraph 4 of Article 178 and Article 157.1 of the Civil Code of the Russian Federation ends with the conclusion that it is inappropriate to qualify the consent of the counterparty of the mistaken party as a type of approval (in the sense of Article 157.1 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: misrepresentation; recovery (convalidation) of an invalid contract; void contract; voidable contract; good faith; contract stability; consent to maintain contract in force; changes to contract; retroactivity; consent to the transaction.

Cite as: Povarov YuS. The Mechanism for Convalidation of a Contract entered into due to Misrepresentation, with the Consent of the Counterparty to Maintain its Force. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):111-120. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.111-120.

Порочное формирование воли субъекта по поводу совершения сделки вследствие существенного заблуждения в вопросах факта или права традиционно считается одним из серьезных оснований для инвалидации юридического акта. Тем не менее признание подобной сделки недействительной, будучи эффективным инструментом «разрешения коллизии (здесь и далее курсив в цитатах наш. — Ю. П.) между интересами заблуждающегося и... оборота»¹, не является единственно возможным (а порою — и адекватным) сценарием реагирования на сделочный дефект. В частности, в соот-

ветствии с п. 4 ст. 178 ГК РФ сделка не должна признаваться недействительной, когда другая сторона выражает *согласие на сохранение силы сделки* на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения (и тогда суд, отказывая в требовании об аннулировании сделки, формулирует в своем решении ее условия).

Достаточно распространенным в доктрине стало восприятие обозначенного «реабилитационного» механизма в качестве **особой вариации исцеления** (конвалидации, оздоровления, исправления) **сделки**² (так, В. В. Байбак и А. Г. Ка-

¹ Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 9.

² Данная идентификация — в ракурсе объединения «под одной вывеской» случаев устранения пороков не только ничтожности, но и оспоримости сделок — в целом отторжения не вызывает. Впрочем, мыслима и

рапетов пишут о том, что «пункт 4... допускает исцеление дефекта сделки»³; Е. Е. Богданова указывает на закрепление в п. 4 ст. 178 ГК РФ специального способа *оздоровления* оспоримой сделки⁴). При этом многие аспекты его реализации (юридико-фактическая основа, темпоральные характеристики, соотношение со смежными институтами и пр.) сохраняют полемичность и (или) пробельность.

Вообще, анализируемый конструкт, позволяющий избежать, как правильно заключает Я. Н. Важин, грубого искажения «смысла назначения (имеющего охранительную направленность. — Ю. П.) института недействительности сделки»⁵, выступает зримым **проявлением принципов добросовестности** (учет интересов не только заблуждавшейся стороны, а и ее контрагента, соглашающего с «нейтрализацией» последствий ошибочных представлений, бесспорно, «способствует, — как точно констатируют В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, — соблюдению принципа добросовестности»⁶), а равно

стабильности договора (в п. 4 ст. 178 ГК РФ резонно фиксирует Е. Е. Богданова, «законодатель учитывает добросовестное поведение стороны, которая готова принять те условия, из которых исходила заблуждавшаяся сторона», и в этом находит «отражение принцип *стабильности... договора*»⁷; по справедливым словам А. А. Иванова, дача согласия на основании п. 4 ст. 178 ГК РФ влечет «сохранение силы... сделки, обеспечивающее ее *незыблемость*»⁸).

Названные краеугольные начала получили свое воплощение и в других законоположениях «реабилитационного» толка, так или иначе сопряженных с подтверждением силы сделки ее участником. В частности, абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ содержит запрет на оспаривание сделки стороной, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, по основанию, о котором данная сторона знала или должна была знать при проявлении воли. Оставляя за скобками дискуссионный вопрос о (не)приложимости приведенной нормы к сделкам, совершенным

иная догматическая интерпретация: например, по мнению М. В. Смирновой, собственно об исцелении имеет смысл говорить сугубо в отношении ничтожных сделок, когда последним придается юридическая сила (при подтверждении же оспоримой сделки просто утрачивается право на ее оспаривание) (см.: Смирнова М. В. Исцеление недействительности формы сделки в российском и германском гражданском праве // Бизнес в законе. 2015. № 6. С. 59).

Разницу названных последствий «преодоления» пороков ничтожности и оспоримости четко и резонно подчеркивает Д. О. Тузов; тем не менее применительно к *обоим* вариантам ученый рассуждает об *исцелении* сделки (см.: Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 48).

³ Байбак В. В., Карапетов А. Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 92.

⁴ См.: Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 85.

⁵ Важин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Юрист. 2015. № 10. С. 23.

В самом деле, ненаступление правовых эффектов сделки в условиях устранения ошибки выглядит несколько странно.

⁶ Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 93.

⁷ Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности. С. 85.

⁸ Иванов А. А. Незыблемость договора (*pacta sunt servanda*) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 39.

под влиянием заблуждения (например, В. А. Короткова дает положительный ответ⁹, тогда как Е. М. Тужилова-Орданская и В. Е. Лукьяненко полагают, что дальнейшее оспаривание сделки по мотиву заблуждения «не будет злоупотреблением правом»¹⁰), акцентируем внимание на том, что указанные правила вовсе не пересекаются: в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ исцеляющий эффект связывается с соответствующей оценкой поведения потенциального *истца*, в то время как пункт 4 ст. 178 ГК РФ обуславливает сохранение силы сделки активностью *ответчика* (и в этом измерении указанные нормы органично дополняют друг друга).

Область применения обсуждаемого «реабилитационного» механизма законодателем прямо *не ограничивается*. Помимо прочего, суды принципиально допускают обращение в нему даже при заблуждении касательно природы сделки (классический пример — оформление отношений договором купли-продажи в условиях подразумеваемого одной из сторон договора ренты¹¹); правда, при таком широком истолковании могут возникнуть трудноразрешимые «технические» вопросы (необходимость нотариального удостоверения сделки и пр.). Невзирая на сказанное, *утверждение об абсолютной универсальности положений п. 4 ст. 178 ГК РФ* (в срезе сферы их действия), пожалуй, **сомнительно**: в частности, сложно представить возможность сохранения силы сделки (с адаптацией ее условий) в ситуации неверной оценки фигуры контрагента либо сопутствующих совершению сделки обстоятельств (см. пп. 4 и 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ); ясно, что изучаемый кон-

структ сориентирован главным образом на случаи ошибочного понимания *контента* сделки.

Обращает на себя внимание «безапелляционность» действия предусмотренного пунктом 4 ст. 178 ГК РФ механизма «ограничения оспаривания»¹²: при изъятии контрагентом заблуждавшейся стороны согласия **сделка**, как гласит закон, **не может быть признана недействительной**, т.е. свобода усмотрения суда в части решения вопроса о (не)возможности уничтожения ущербной сделки полностью умалывается (ср., к примеру, с положениями п. 5 ст. 178 ГК РФ, в соответствии с которыми при нераспознаваемости заблуждения «суд *может* отказать в признании сделки недействительной»). Отмеченная безусловность, думается, четко корреспондирует идее надлежащего противодействия недобросовестному поведению и принципу обеспечения стабильности гражданско-правового договора.

Корневой особенностью исследуемого варианта исцеления является то, что сделка не просто сохраняется, но и приобретает новые содержательные очертания, т.е. по факту имеет место изменение договора, хотя и весьма своеобразным манером (положения п. 4 ст. 178 ГК РФ явно не укладываются в стандартную схематику изменения или расторжения договора, раскрываемую в гл. 29 ГК РФ). Данные обстоятельства диктуют важность четкого установления набора юридических фактов, опосредующих корректировку договорных положений, а равно бесспорного определения темпоральных параметров действия «обновленных» условий сделки.

Юридико-фактическая основа изучаемой трансформации довольно нетривиальна, а ее

⁹ См.: Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // Опыты цивилистического исследования : сборник статей / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М. : Статут, 2018. Вып. 2. С. 280.

Из этого же посыла исходят Модельные правила европейского частного права: в ст. II-7:201 определяется, что прямое или косвенное принятие стороной последствий заблуждения исключает ее право оспаривать договор (Модельные правила европейского частного права / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013).

¹⁰ Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 534.

¹¹ См.: определения Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 49-КГ18-60 и от 13.03.2018 № 18-КГ18-9.

¹² Зезекало А. Ю. Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Закон. 2015. № 9. С. 75.

описание по-прежнему вызывает полемику в науке. Выставление в качестве неперемного условия исцеления сделки изъясления контрагентом заблуждавшейся стороны своего согласия отчасти свидетельствует о достижении между означенными субъектами **соглашения**. Об этом, к примеру, прямо пишет А. А. Карпова: в предписаниях п. 4 ст. 178 ГК РФ автор усматривает «отдельные элементы дозволения *сторонам* влиять на природу сделки» и, сверх того, возможность «конвалидации сделки... по *соглашению сторон*»¹³. Договорной парадигмы, видимо, придерживается Е. Е. Богданова, которая, комментируя разбираемые законоположения, заключает о недопустимости инвалидации сделки, «если *стороны согласны* на сохранение сделки на тех условиях, исходя из которых действовала заблуждавшаяся сторона»¹⁴.

Между тем имеются весомые аргументы в пользу иной — **«антидоговорной» — трактовки** (которая кажется нам предпочтительной — по крайней мере по формальным соображениям). Во-первых, в п. 4 ст. 178 ГК РФ подразумевается, что *заблуждавшаяся сторона желает* именно *аннулирования*, а не сохранения правовой связи (иначе зачем ей было бы обращаться в суд с иском о признании сделки недействительной), а потому едва ли действия данного субъекта могут быть квалифицированы в качестве действий оферента либо акцептанта. Мало того, заблуждавшаяся сторона *может даже возражать против сохранения силы*

сделки, но это, по смыслу изучаемых нормативных указаний, само по себе отнюдь не является помехой для отказа в иске: подобное поведение, как небеспричинно подчеркивают В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, несет в себе отпечаток недобросовестности, и «несогласие... не препятствует вынесению преобразовательного решения суда об изменении условий сделки вместо ее аннулирования. Иначе в норме не было бы... смысла, так как заключить мировое соглашение... сторонам... ничего не препятствует»¹⁵.

Во-вторых, принципиальное значение отводится позиции не истца, а ответчика, который и должен выразить согласие на сохранение силы сделки¹⁶. Данное *согласие есть односторонний юридический акт* с, образно говоря, собственной «подоплекой» (он совершается не реактивно, т.е. в ответ на предложение истца новеллировать сделочные условия, а инициативно).

Заметим, что для текущей законодательной модели *фактор (не)добросовестности контрагента* заблуждавшейся стороны *оказывается юридически иррелевантным*: это лицо может как знать (либо должно было знать)¹⁷, так и не знать о наличии заблуждения¹⁸, но данное обстоятельство принимается в расчет при определении лишь дополнительных имущественных последствий инвалидации сделки (см. абз. 2 п. 6 ст. 178 ГК РФ). Наверное, это не совсем справедливо: «при установлении недобросовестности... договор, — беспочвенно размышляет Е. Е. Богданова, — не может быть конвалидиро-

¹³ См.: Карпова А. А. Досудебный порядок урегулирования споров о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 10.

¹⁴ Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности. С. 85.

¹⁵ Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 93.

¹⁶ Солидаризируемся с тем, что подобное согласие может быть отражено в возражениях на иск (т.е. обязательной подачи встречного иска не требуется) (см.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 93).

¹⁷ Но, конечно, он не должен был недобросовестно вводить в заблуждение, ибо в таком случае речь уже идет об обмане. Об этом, в частности, см.: Колomieц Е. А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 6.

¹⁸ Еще дальше идут Модельные правила европейского частного права, которые в качестве обязательного условия оспаривания сделки называют факт того, что другая сторона способствовала возникновению заблуждения (либо заключению договора под влиянием заблуждения определенным недобросовестным образом) или же сама находилась под влиянием данного заблуждения (см.: ст. II.-7:201).

ван даже при заключении его к выгоде слабой стороны, поскольку это будет способствовать недобросовестности»¹⁹; впрочем, положения ст. 10 ГК РФ о негативных последствиях злоупотребления правом могут применяться и в названном казусе.

Не раскрытым в Кодексе остался аспект способов (формы) изъявления согласия. Уверены, что по смыслу законоположений речь идет исключительно о явно выраженном санкционировании в словесной форме (т.е. ни конклюдентные действия, ни молчание не могут быть рассмотрены как согласие); данный постулат (рациональность которого, по существу, мы не ставим под сомнение), наряду с прочим, достаточно рельефно вытекает из сопоставления правил п. 4 ст. 178 ГК РФ с «исцелительными» положениями абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166 ГК РФ (где говорится об анализе поведения субъекта, а не его волеизъявления).

В-третьих, сохранение силы сделки производится под эгидой и при *содействии суда*: несмотря на «вторичность» его активности (без выражения согласия ответчиком суд, конечно, не может разбирать вопрос об «исправлении» сделки), условия сделки указываются в решении суда.

Дискреционные возможности суда не сто́ит преувеличивать: законодатель не случайно упоминает именно об указании (а не об определении) условий сделки, в русле чего задача судебной инстанции сводится, по сути, к установлению и «верификации» положений, которые имело в виду заблуждавшееся лицо при

совершении сделки; очевидно, что содержание таких сделочных условий выявляется судом прежде всего по результатам оценки заявления истца, при этом ответчик должен полностью их принять (либо доказать, что предметом заблуждения были другие моменты). В этом контексте суд не может сформулировать условия, отличающиеся от тех, из которых исходила заблуждавшаяся сторона (у контрагентов, кстати, также «фактически... отсутствует... [подобная] возможность, поскольку законодательством не предусмотрено изменение условий сделки на такие, которые отличаются от первоначальных представлений»²⁰), а равно от положений, с которыми согласился ответчик²¹. Имеется в виду обязательность соблюдения означенных требований в совокупности, по причине чего пункт 4 ст. 178 ГК РФ не подлежит применению, если, к примеру, выдвинутые ответчиком условия не соответствуют условиям, подразумеваемым в момент совершения сделки истцом.

В поле зрения законодателя, к сожалению, не попали **временные параметры действия** разбираемого конструкта. С одной стороны, в свете отказа в признании недействительной уже совершенной сделки присутствуют поводы для вывода об **адекватности ретроактивного эффекта** (об этом, в частности, заявляют, хотя и небезоговорочно, В. В. Байбак и А. Г. Карапетов, приводя в пример положения п. 1 ст. II.-7:203 Модельных правил европейского частного права²² (далее — Модельные правила ЕЧП)).

С другой стороны, неизбежная трансформация условий оспариваемой сделки априорно не

¹⁹ Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 16.

Заметим, что автор обсуждает вопрос применительно к исцелению ничтожных сделок, тогда как статья 178 ГК РФ оговаривает оспоримость сделки, совершенной под влиянием заблуждения; несмотря на это, экстраполяция цитируемого тезиса на нашу ситуацию видится вполне уместной.

²⁰ Важин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения. С. 23.

²¹ Последнее видится оптимальным решением В. В. Байбаку и А. Г. Карапетову, заявляющим о нелогичности применения судом насилия в отношении воли ответчика посредством отступления от содержания его предложения и определения иных условий (см.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 94).

²² См.: Байбак В. В., Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 94.

Заметим, однако, что Модельные правила ЕЧП все-таки буквально не озвучивают данный тезис (хотя из правил п. 1 ст. II.-7:203 он опосредованно вытекает); кроме того, данные положения приурочены к изменению договора во внесудебном порядке.

предполагает разумности их действия с обратной силой с точки зрения сбалансированного учета интересов всех сторон (скажем, при увеличении цены предмета договора, подлежащей уплате при заключении договора купли-продажи, может возникнуть вопрос об ответственности за просрочку внесения платы). Поэтому **отказывать суду в возможности распространить действие своего преобразовательного решения** (полностью или в части) **на будущее время**, наверное, **не стоит** (к слову, пункт 3 ст. II.-7:203 Модельных правил ЕЧП, посвященный судебному порядку изменения договора в ситуации, когда обе стороны находились под влиянием идентичного заблуждения, не содержит указаний о действии скорректированных судом договорных условий *ex tunc* или, наоборот, *ex nunc*). При любом раскладе затронутый момент нуждается во внятном законодательном нормировании (с установлением, как представляется, общего правила об обратной силе, но с допущением возможности отхода от него).

Как уже отмечалось, реализация предписаний п. 4 ст. 178 ГК РФ приводит к фактическому изменению условий договора *под контролем суда*. В этом плане интересно и здраво предложение Я. Н. Важина о закреплении в ГК РФ возможности — в качестве альтернативы признания сделки недействительной — ее изменения или расторжения: ученый рекомендует дополнить п. 4 ст. 178 ГК РФ указанием на недопустимость инвалидации сделки в случае, когда «стороны выразят согласие на изменение условий сделки или на ее расторжение»; данный вариант развития событий действительно «соответствует основным началам гражданского законодательства»²³.

Вместе с тем **изменение или расторжение договора по соглашению сторон**²⁴ (а именно этот способ «преобразования» договорной свя-

зи подразумевается процитированным автором) **не возбраняется** и текущим законодательством (причем осуществление этой возможности, полагаем, будет опосредовать поражение права заблуждавшейся стороны на оспаривание сделки); данный тезис не умаляется и выработанной в судебной практике правовой позицией, в соответствии с которой изменение и расторжение легитимны лишь в отношении договора, являющегося действительным (отсюда вытекает, что договор, признанный недействительным, не способен к изменению или расторжению, — см. определение Верховного Суда РФ от 25.06.2013 № 18-КГ13-42), поскольку в нашей ситуации речь ведется об *оспоримости* сделки, недействительность которой детерминирована вынесением соответствующего конститутивного судебного решения.

Изложенные рекомендации близки (но не тождественны) положениям **Модельных правил ЕЧП**, которые в качестве базового определяют **внесудебный «протокол» изменения договора** в случае заблуждения: своевременное производство контрагентом заблуждавшейся стороной исполнения либо даже выражение готовности произвести исполнение возникших обязательств в соответствии с «желаниями» заблуждавшегося лица знаменует, во-первых, «автоматическую» корректировку условий договора («договор *считается* заключенным таким, каким его понимала заблуждающаяся сторона») и, во-вторых, утрату заблуждавшимся лицом права на оспаривание договора (см. п. 1, 2 ст. II.-7:203). Российский же законодатель, повторимся, следует концепту пересмотра условий сделки (естественно, при согласии на то контрагента заблуждавшейся стороны) под «надзором» суда в рамках рассмотрения спора о признании сделки недействительной, не запрещая при этом досудебное изменение договора по соглашению сторон

²³ См.: Важин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения. С. 23–24 ; Он же. Правовое регулирование недействительных сделок, совершенных с нарушением требований к субъективной стороне сделки (на примере статей 174, 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11–12, 14.

²⁴ Гипотетически можно порассуждать и о судебном порядке изменения или расторжения договора по требованию одной из сторон; вместе с тем подобный расклад видится несколько однобоким, так как по факту он позволяет отстоять интересы только заблуждавшегося лица.

(притом что нормы о регламенте такого изменения оказываются более строгими, нежели приведенные положения, закрепленные в Модельных правилах ЕЧП, например в части способа изъяснения воли участниками сделки²⁵); «незрелости» либо догматической необоснованности данного «дуалистичного» режима изменения условий сделки, совершенной под влиянием заблуждения, мы не усматриваем.

Кроме того, Модельные правила ЕЧП предусматривают **судебный порядок изменения договора**, но он рассчитан на случаи, когда обе стороны находились под влиянием одинакового заблуждения (здесь суд, причем по требованию любой из сторон, может привести договор в соответствие с тем, о чем стороны могли бы разумно договориться при невозникновении заблуждения) (см. п. 3 ст. II.-7:203). Данная неизвестная отечественному законодательству «опция», предполагающая наделение суда ограниченными дискреционными полномочиями, видится достаточно сбалансированной и полезной (и может быть учтена при совершенствовании положений российского ГК РФ).

Наконец, актуальным остается вопрос о **сопряжении исследуемой конструкции с универсальным институтом согласия на совершение сделки** (ст. 157.1 ГК РФ), распространяющим свое действие, в частности, на разрешительные волеизъявления *третьих лиц*, в том числе выражаемые постфактум (одобрение). Некоторые ученые рассматривают раскрываемый в п. 4 ст. 178 ГК РФ случай исцеления как **разновидность одобрения сделки**²⁶.

Однако **считать** упоминаемое в п. 4 ст. 178 ГК РФ **согласие контрагента** заблуждавшейся стороны **видом согласия третьего лица на совершение сделки**, с нашей точки зрения, все-таки **неприемлемо**, поскольку: а) названный контрагент есть **непосредственный участник сделки** (пусть и с пороком воли противополож-

ной стороны), что исключает оправданность его рассмотрения в качестве третьего лица (субъектный аспект); б) он изъясляет согласие на *сохранение силы уже совершенной сделки*, а не на собственно совершение сделки (предметный ракурс); в) разбираемое нами «подтверждение... ведет к прекращению права на оспаривание» (ведь факт наличия заблуждения в процессе совершения сделки никуда не исчезает), тогда как «согласие, — по резонному заявлению В. А. Коротковой, — устраняет само основание для оспаривания»²⁷ (функциональный аспект).

Затронутый спорный момент сигнализирует о востребованности продолжения глубокой научной разработки проблематики, относящейся к институту согласия на совершение сделки (в том числе в плоскости четкого установления границ его применения).

Кратко резюмируя сказанное, позволим себе утверждать, что:

1) своеобразие предусмотренного в п. 4 ст. 178 ГК РФ «реабилитационного» механизма, имеющего широкую область применения и выступающего ярким проявлением принципов добросовестности и стабильности договора, состоит прежде всего в том, что изначально дефектная сделка не просто сохраняется, а приобретает новое содержание;

2) корректировку договорных положений на основании п. 4 ст. 178 ГК РФ неверно считать заключением между сторонами соглашения об изменении условий сделки (в частности, по причине того, что сохранение силы сделки происходит под контролем суда);

3) логична ретроактивность действия «обновленных» условий сделки, но в качестве общего, а не исключительного правила (с учетом оправданности признания за судом возможности распространить действие преобразовательного решения полностью или в части на будущее время);

²⁵ Напомним, что в силу «производности» соглашения об изменении (расторжении) договора форма такого соглашения «в стандарте» совпадает с формой изменяемого (расторгаемого) договора (см.: п. 1 ст. 452 ГК РФ).

²⁶ Так, А. А. Иванов констатирует, что в п. 4 ст. 178, как и в п. 1 ст. 183 ГК РФ, говорится «о последующем одобрении сделки надлежащим лицом (его согласии на сделку)» (Иванов А. А. Указ. соч. С. 39).

²⁷ Короткова В. А. Указ. соч. С. 281.

4) квалификация согласия контрагента заблуждавшейся стороны в качестве разновидности одобрения в смысле предписаний ст. 157.1 ГК РФ крайне сомнительна (по мотивам субъектного, предметного и функционального характера);

5) закрепляемый в п. 4 ст. 178 ГК РФ способ изменения условий сделки в рамках рассмотрения спора о признании ее недействительной не исключает досудебного изменения договора по соглашению сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байбак В. В., Карапетов А. Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 9. — С. 70–102.
2. Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 63 с.
3. Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 8. — С. 80–86.
4. Важин Я. Н. О некоторых аспектах сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Юрист. — 2015. — № 10. — С. 22–25.
5. Важин Я. Н. Правовое регулирование недействительных сделок, совершенных с нарушением требований к субъективной стороне сделки (на примере статей 174, 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 26 с.
6. Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2008. — 26 с.
7. Зезекало А. Ю. Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Закон. — 2015. — № 9. — С. 73–88.
8. Иванов А. А. Незыблемость договора (*pacta sunt servanda*) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 12. — С. 31–43.
9. Карпова А. А. Досудебный порядок урегулирования споров о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 3. — С. 6–10.
10. Коломиец Е. А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2005. — 24 с.
11. Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // Опыт цивилистического исследования : сборник статей / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2018. — Вып. 2. — С. 231–312.
12. Смирнова М. В. Исцеление недействительности формы сделки в российском и германском гражданском праве // Бизнес в законе. — 2015. — № 6. — С. 58–64.
13. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — Вып. 45. — С. 519–539.
14. Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — 66 с.

Материал поступил в редакцию 7 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baybak V. V., Karapetov A. G. Analiz problemnykh voprosov primeneniya st. 178 GK RF ob osparivanii sdelki v svyazi s sushchestvennym zabluzhdeniem // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 9. — S. 70–102.
2. Bogdanova E. E. Dobrosovestnost uchastnikov dogovornykh otnosheniy i problemy zashchity ikh subektivnykh grazhdanskikh prav: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2010. — 63 s.
3. Bogdanova E. E. Novelly grazhdanskogo zakonodatelstva o nedeystvitelnosti sdelok s pozitsii dobrosovestnosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 8. — S. 80–86.
4. Vazhin Ya. N. O nekotorykh aspektakh sdelok, sovershennykh pod vliyaniem zabluzhdeniya // Yurist. — 2015. — № 10. — S. 22–25.
5. Vazhin Ya. N. Pravovoe regulirovanie nedeystvitelnykh sdelok, sovershennykh s narusheniem trebovaniy k subektivnoy storone sdelki (na primere statey 174, 178 i 179 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 26 s.
6. Zezekalo A. Yu. Zabluzhdenie pri sovershenii sdelki: evropeyskaya pravovaya traditsiya i sovremennoe rossiyskoe pravo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2008. — 26 s.
7. Zezekalo A. Yu. Novoe v pravilakh o nedeystvitelnosti sdelok, sovershennykh pod vliyaniem zabluzhdeniya // Zakon. — 2015. — № 9. — S. 73–88.
8. Ivanov A. A. Nezyblemost dogovora (pacta sunt servanda) i ego nedeystvitelnost // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 12. — S. 31–43.
9. Karpova A. A. Dosudebnyy poryadok uregulirovaniya sporov o priznanii sdelki nedeystvitelnoy i o primenении posledstviy nedeystvitelnosti v arbitrazhnom protsesse // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2017. — № 3. — S. 6–10.
10. Kolomiets E. A. Zabluzhdenie i obman kak usloviya nedeystvitelnosti sdelok: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2005. — 24 s.
11. Korotkova V. A. Estoppel v grazhdanskom prave // Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey / otv. red. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. — M.: Statut, 2018. — Vyp. 2. — S. 231–312.
12. Smirnova M. V. Istsenenie nedeystvitelnosti formy sdelki v rossiyskom i germanskom grazhdanskom prave // Biznes v zakone. — 2015. — № 6. — S. 58–64.
13. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Lukyanenko V. E. Konvalidatsiya nedeystvitelnykh sdelok v rossiyskom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2019. — Vyp. 45. — S. 519–539.
14. Tuzov D. O. Obshchie ucheniya teorii nedeystvitelnykh sdelok i problemy ikh vospriyatiya v rossiyskoy doktrine, zakonodatelstve i sudebnoy praktike: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tomsk, 2006. — 66 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.121-130

Н. С. Толкачёв*

Исковая давность по трудовым спорам во взглядах ученых: дискуссионные предложения по совершенствованию законодательства о труде

Аннотация. В статье исследуются доктринальные предложения, направленные на развитие института исковой давности в законодательстве о труде. Рассмотрено соотношение давностных сроков для комиссии по трудовым спорам (КТС) и суда. На основе анализа норм, посвященных органам по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, сформулирована концепция единого давностного срока для КТС и суда. Критически осмыслен тезис об обесценивании значения давностных сроков в условиях отсутствия сроков на обращение в государственную инспекцию труда (ГИТ) и прокуратуру в контексте защиты трудовых прав. Обоснован вывод о том, что отсутствие подобных сроков не предоставляет работнику каких-либо преимуществ и возможности на этой почве злоупотребления правом. С точки зрения компетенции ГИТ и прокуратуры констатирована несостоятельность позиции об установлении в законодательстве сроков для обращения в ГИТ и прокуратуру. В качестве единственного исключения, обусловленного возможным нарушением прав третьих лиц (нового работника), предложено установить пресекательный (преклюзивный) срок обращения в ГИТ для проведения проверки законности увольнения. Автором подвергнута критике идея закрепления в ТК РФ давностных сроков для самозащиты трудовых прав. С позиций ГК РФ и цивилистической доктрины исследовано право работодателя на восстановление срока исковой давности.

Ключевые слова: исковая давность; сроки обращения в суд; давностные сроки; комиссия по трудовым спорам; государственная инспекция труда; прокуратура; самозащита трудовых прав; восстановление срока исковой давности; индивидуальные трудовые споры; работник; работодатель.

Для цитирования: Толкачёв Н. С. Исковая давность по трудовым спорам во взглядах ученых: дискуссионные предложения по совершенствованию законодательства о труде // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 121–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.121-130.

© Толкачёв Н. С., 2025

* Толкачёв Никита Сергеевич, аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета
Ленина пр., д. 36, г. Томск, Российская Федерация, 634050
tolkachev-n@inbox.ru

Limitation Period for Labor Disputes in the Views of Scientists: Controversial Proposals for Improving Labor Legislation

Nikita S. Tolkachev, Postgraduate Student, Department of Labor Law and Social Security Law,
Law Institute, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
tolkachev-n@inbox.ru

Abstract. The paper examines doctrinal proposals aimed at developing the institution of limitation period in labor legislation. The relationship between the limitation periods for the labor dispute commission (LDC) and the court is considered. Based on the analysis of the norms dedicated to bodies for the consideration of individual labor disputes, the concept of a single limitation period for the Labor Dispute Commission and the court was formulated. The thesis on the devaluation of the significance of statutes of limitations in the absence of time limits for filing an appeal to the State Labor Inspectorate (GIT) and the prosecutor's office in the context of protecting labor rights is critically examined. The conclusion is substantiated that the absence of such terms does not provide the employee with any advantages or the opportunity to abuse the right on this basis. From the point of view of the competence of the State Labor Inspectorate and the Prosecutor's Office, the inconsistency of the position on establishing in legislation time limits for appeals to the State Labor Inspectorate and the Prosecutor's Office was established. As the only exception, due to the possible violation of the rights of third parties (the new employee), it is proposed to establish a preclusive period for applying to the State Labor Inspectorate to conduct an investigation into the legality of the dismissal. The author criticizes the idea of establishing statutes of limitations for self-defense of labor rights in the Labor Code of the Russian Federation. The employer's right to restore the limitation period is examined from the standpoint of the Civil Code of the Russian Federation and civilistic doctrine.

Keywords: statute of limitations; time limits for filing a claim with court; statutes of limitations; labor dispute commission; state labor inspectorate; prosecutor's office; self-defense of labor rights; restoration of the statute of limitations; individual labor disputes; employee; employer.

Cite as: Tolkachev NS. Limitation Period for Labor Disputes in the Views of Scientists: Controversial Proposals for Improving Labor Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):121-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.121-130.

Большинство ученых-трудовиков определяют правовую природу сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, как давностную. Эту точку зрения разделяют, например, А. М. Лушников и М. В. Лушникова, именую сроки, установленные статьей 392 ТК РФ, сроками исковой давности¹. К ним присоединяется

и М. О. Буянова, которая пишет, что «в гражданском законодательстве они называются сроками исковой давности»². Дефиницию «давностные сроки» в своих диссертационных исследованиях используют С. В. Передерин³, Н. А. Князева⁴, О. В. Кузакова⁵, а А. З. Долова употребляет термин «сроки давности»⁶. В основе противопо-

¹ Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : учебник : в 2 т. М. : Статут, 2009. Т. 2 : Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. С. 1012.

² Буянова М. О. Индивидуальные трудовые споры: материально-процессуальные вопросы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 49.

³ Передерин С. В. Процедурно-процессуальные правовые средства и способы обеспечения трудовых прав работников : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 309.

⁴ Князева Н. А. Правовые средства и формы защиты трудовых прав работников : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. С. 50.

⁵ Кузакова О. В. Сроки в трудовом праве как юридические факты и как юридические условия: сравнительно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2008. С. 140–141.

ложной точки зрения лежит идея о процессуальной природе указанных сроков⁷. Не вдаваясь в полемику, отметим, что автор данной работы солидарен с первой точкой зрения. Между тем сторонниками давностной природы сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, в рамках проводимых ими научных изысканий формулировались весьма спорные предложения по совершенствованию трудового законодательства. Эти предложения нуждаются в критическом анализе, результаты которого изложены в настоящей работе.

С вступлением в силу ТК РФ изменилась компетенция комиссии по трудовым спорам (КТС)⁸, а установление в 1983 г. трехмесячного срока для обращения в нее породило потребность в осмыслении правовой природы и этого срока. Диссертационные исследования, в которых обосновывалась необходимость введения института исковой давности в ТК РФ, содержали весьма спорные решения относительно давностных сроков для КТС. Например, С. А. Комков в рамках предлагаемой им главы 1.1 для включения в ТК РФ формулировал следующую норму: «правила статей 14.4–14.11⁹ настоящего Кодекса распространяются также на сроки обращения в комиссию по трудовым спорам»¹⁰.

Эта норма выглядела бы как минимум странно, поскольку неизбежно порождала бы дуализм сроков¹¹, обладающих одной правовой природой. Другими словами, при сохранении общей концепции «сроков обращения» для споров, рассматриваемых в КТС, одновременно к этим же срокам предлагается применять правила об исковой давности. Вероятно, подобное решение обусловлено ошибкой, допущенной уже при разработке действующего ТК РФ. Речь идет о праве работника, закрепленном в ст. 390 ТК РФ, на обжалование решения КТС в 10-дневный срок со дня вручения ему копии решения комиссии. Специфика споров, рассматриваемых в КТС, состоит в том, что заявителем может быть только работник. У суда, по верному замечанию С. В. Передерина, в настоящее время «нет надзорных или контрольных полномочий по отношению к КТС... поэтому он не вправе отменить, пересмотреть или изменить решение КТС, а рассматривает спор по существу»¹². Преимуществами рассмотрения спора в КТС являются простота, дешевизна и быстрота разбирательства. В этом смысле работнику предоставлено право выбора органа, рассматривающего трудовой спор. Однако это совершенно не означает, что в том случае, если КТС, профессионализм и

⁶ Долова А. З. Сроки в договорах трудового права России и защита трудовых прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 136.

⁷ Грин Е. В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 23.

В обоснование этого подхода автором приводятся следующие аргументы: 1) дефиниция «срок обращения» предполагает утрату права на обращение в суд с истечением срока, установленного в законе; 2) в трудовом законодательстве отсутствует правило о том, что суд может отказать в иске по мотивам пропуска истцом срока для обращения в суд только в случае заявления об этом ответчиком; 3) категории «сроки исковой давности» и «сроки обращения в суд» разграничиваются процессуальным законодательством (например, абз. 2 п. 6 ст. 152 ГПК РФ).

⁸ В период с 1957 по 1992 г. КТС являлась обязательным первичным, а с 1992 по 2001 г. — первичным органом по рассмотрению трудовых споров, за исключением споров, рассматриваемых непосредственно в судах.

⁹ Статьи 14.4–14.11 посвящены применению исковой давности, началу течения срока исковой давности, приостановлению исковой давности и т.д.

¹⁰ Комков С. А. Сроки в трудовом праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 231.

¹¹ Дефиниции «сроки обращения» и «сроки исковой давности» семантически и содержательно не тождественны.

¹² Передерин С. В. Указ. соч. С. 325.

заинтересованность членов которой могут быть весьма сомнительными, откажет в удовлетворении требований работнику, то последний, пропустив 10-дневный срок для обжалования, может быть лишен права на судебную защиту. Такое положение дел мало согласуется и с частью 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод. Кроме того, в научной литературе в целом указывается на архаичность и неэффективность КТС как органа по рассмотрению трудовых споров, в связи с чем формулируются предложения по ее упразднению¹³.

Предоставление работнику правомочия на обжалование решения КТС лишено смысла, поскольку суд в своей компетенции с решением КТС никак не связан. Работник, неудовлетворенный вынесенным КТС решением, может прибегнуть к судебной защите нарушенных прав, а течение исковой давности должно приостанавливаться на период рассмотрения спора в КТС. Таким образом, право на обжалование решения КТС может быть предоставлено только работодателю. Если всё вышеизложенное верно, то это позволяет констатировать несостоятельность воспринятой из советского законодательства конструкции с правом работника на обжалование решения КТС и установить единый давностный срок для КТС и суда по всем трудовым спорам, за исключением тех, которые отнесены к непосредственной компетенции суда.

Можно возразить, что статья 392 ТК РФ устанавливает несколько давностных сроков для суда¹⁴. Однако споры об увольнении отнесены к непосредственной компетенции суда. Вместе с тем к числу трудовых споров об оплате труда, рассматриваемых непосредственно в суде, статья 391 ТК РФ относит лишь споры об оплате за время вынужденного прогула либо о

выплате разницы в заработной плате за время выполнения нижеоплачиваемой работы. Таким образом, все иные трудовые споры об оплате труда, за исключением споров, указанных в ст. 391 ТК РФ, могут быть рассмотрены как КТС, так и судом. Это входит в противоречие с предлагаемой концепцией единого давностного срока, поскольку давностный срок по спорам об оплате труда составляет для КТС три месяца, а для суда один год. Представляется, что какие-либо препятствия теоретического свойства для увеличения давностного срока по спорам об оплате труда для КТС отсутствуют. Думается также, что подобное решение не породит непреодолимых проблем и в правоприменительной практике. Принимая во внимание вышеизложенное, верной можно считать концепцию единого давностного срока для КТС и суда по спорам, за исключением тех, которые отнесены к непосредственной компетенции суда, об оплате труда — в один год, а по всем иным спорам — в три месяца¹⁵.

В теории трудового права выносятся на обсуждение тезис о том, что в отсутствие сроков «на обращение в органы Федеральной инспекции труда за разрешением индивидуальных трудовых споров... фактически обесценивается значение»¹⁶ давностных сроков для обращения в КТС и суд. Прежде всего, необходимо отметить, что Трудовой кодекс РФ никогда не наделял государственную инспекцию труда (ГИТ) компетенцией по рассмотрению трудовых споров. Напротив, ГИТ в настоящее время усмотрела в этом еще одну возможность формального осуществления возложенных на нее обязанностей, состоящую в вынесении отписок, «содержание которых сводится к констатации признаков трудового спора и полному отказу на этом основании в проведении проверок»¹⁷.

¹³ Мануковская А. Н. Процессуальные нормы и правоотношения в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 33–38.

¹⁴ Один месяц — по спорам об увольнении, один год — по спорам о невыплате или неполной выплате заработной платы и иных выплат, причитающихся работнику, три месяца — по всем иным категориям трудовых споров.

¹⁵ Однако данное предложение может быть дополнено с учетом дискуссии в науке трудового права о необходимости увеличения продолжительности давностных сроков по трудовым спорам.

¹⁶ Кузакова О. В. Указ. соч. С. 140.

Поддерживая сформулированную О. В. Кузковой идею, Н. А. Князева указывает, что законом работнику предоставлена возможность злоупотребления правом, которая состоит в том, что он может обратиться за защитой нарушенных прав в ГИТ или прокуратуру после пропуска, в том числе и без уважительных причин, сроков обращения в КТС или суд¹⁸. В обоснование этого констатируется, что спор по заявлению прокурора, поданному в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, может быть рассмотрен независимо от пропуска работником срока обращения в суд. Между тем потенциально возможная проблема преодолена разъяснением, сформулированным в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15¹⁹, из которого следует, что при обращении в суд прокурора с заявлением в защиту трудовых прав, свобод и законных интересов работников начало течения срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора определяется исходя из того, когда о нарушении своего права узнало или должно было узнать лицо, в интересах которого подано такое заявление.

Соображение о наличии у работника каких-либо неоправданных выгод и преимуществ, вызванных отсутствием сроков для обращения в прокуратуру, иллюзорно и не находит подтверждения в правоприменительной практике. Например, суд указал, что представление прокурора²⁰ не обладает силой принудительного

исполнения и предполагает устранение работодателем допущенных нарушений в добровольном порядке. Требование о безусловном исполнении представления прокурора реализуется им посредством вынесения постановления о возбуждении производства об административном правонарушении либо путем обращения в суд²¹. В первом случае речь идет о привлечении работодателя к административной ответственности за нарушение трудового законодательства, что с восстановлением нарушенных прав работника имеет мало общего. Во втором случае начало течения срока обращения в суд начинается для прокурора, как уже было установлено, с момента, когда о нарушении своего права узнал или должен был узнать работник.

В связи с отсутствием сроков на обращение в ГИТ, Н. А. Князева считает возможным и правильным применение государственным инспектором труда давностных сроков по собственной инициативе²². Правоприменительной практике действительно известны такие случаи, которые иногда находят поддержку и у судов²³. Означенную точку зрения автор аргументирует казусом, состоящим в возможности вынесения государственным инспектором труда предписания об отмене приказа об увольнении и восстановлении работника на работе за пределами срока, установленного частью 1 ст. 392 ТК РФ. На случай возникновения подобных ситуаций Верховный Суд РФ указал, что по делам об оспа-

¹⁷ Демидов Н. В. Общественный договор в системе трудовых отношений современной России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 45.

¹⁸ Князева Н. А. Указ. соч. С. 51.

Аналогичные тезисы были высказаны и другими исследователями. См., например: Сапфорова А. А. Сроки обращения за защитой трудовых прав: комплексный подход // Современное право. 2015. № 1. С. 64; Улизко Т. А. Обращение прокурора в суд в защиту трудовых прав граждан // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 83.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

²⁰ При этом не имеет значения, когда такое представление было вынесено прокурором (в пределах сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, либо после их истечения).

²¹ Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 21.09.2023 по делу № 33а-195/2023.

²² Князева Н. А. Указ. соч. С. 51.

²³ Апелляционное определение Севастопольского городского суда от 17.05.2022 по делу № 33а-1331/2022.

ривании предписания ГИТ об отмене приказа об увольнении, которое вынесено после истечения срока обращения в суд, работодатель вправе заявить о применении последствий пропуска работником такого срока²⁴. Однако это разъяснение не должно пониматься так, что если суд может отменить вынесенное государственным инспектором труда предписание в связи с пропуском работником без уважительных причин срока на обращение в суд, то и сам инспектор вправе применять эти сроки. Эту концепцию нельзя признать состоятельной, поскольку сам суд может разрешать вопрос о пропуске истцом срока обращения только при условии, если об этом заявлено ответчиком. Закрепление в законодательстве подобной нормы приведет к еще большему распространению и без того весьма формализованных отказных ответов ГИТ на обращения работников. Верной представляется и устоявшееся в судебной практике мнение о том, что признание уважительности причин пропуска сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, находится в исключительной компетенции суда²⁵.

Рассмотренная правовая позиция Верховного Суда РФ представляется верной с точки зрения разграничения компетенции ГИТ²⁶ и суда. Однако сама коллизия, порождающая некоторую правовую неопределенность, вызвана пробелом в трудовом законодательстве. Этот пробел должен быть восполнен нормой, предусматривающей в качестве исключения²⁷ пресекаемый (преклюзивный) срок для подачи работником обращения в ГИТ по факту незаконного увольнения. Преклюзивные сроки определяют промежуток времени, в течение

которого лицо может реализовать принадлежащее ему право. Продолжительность этого срока должна также составлять один месяц со дня вручения копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления сведений о трудовой деятельности у работодателя по последнему месту работы. Таким образом, в случае незаконного увольнения по истечении преклюзивного срока работник не сможет обратиться в ГИТ, но это не мешает ему подать исковое заявление в суд, так как сроки, предусмотренные статьей 392 ТК РФ, являются давностными. Такое решение адекватно согласуется и с выводом о том, что обращение работника в ГИТ в связи с незаконным увольнением должно приостанавливать течение давностного срока до момента окончания соответствующей проверки.

В остальном же идея о необходимости установления сроков для обращения в прокуратуру или ГИТ видится ошибочной, поскольку основное назначение деятельности указанных органов состоит в осуществлении ими контрольно-надзорных полномочий в отношении работодателя с целью недопущения последним нарушений трудового законодательства. Закрепление подобных сроков в ТК РФ означало бы, что работодатель, например, может не обеспечивать безопасные условия труда, так как в случае пропуска работником срока обращения ГИТ, вероятно, должна была бы отказать в проведении проверки. Недопустимость такого подхода постулируется и Верховным Судом РФ²⁸.

К числу недостатков действующего правового регулирования относят и отсутствие давностных сроков для самозащиты работником

²⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2011 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2024).

²⁵ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 29.01.2013 по делу № 33-1214/2013 ; апелляционное определение Липецкого областного суда от 06.11.2013 по делу № 33-2894/2013.

²⁶ ГИТ не является органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

²⁷ Исключительность этого случая обусловлена возможным нарушением прав третьих лиц, в частности нового работника, принятого вместо уволенного.

²⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.12.2022 по делу № 46-КАД22-15-К6.

В этом определении судебная коллегия по административным делам указала, что ссылка судебных инстанций при разрешении спора на положения ст. 392 ТК РФ является ошибочной. Оспариваемое пред-

своих трудовых прав²⁹. Предложения подобного толка основаны на неверном понимании предмета исковой давности, которым может быть только исковое притязание³⁰. Охранительные права на совершение односторонних действий, «в отличие от притязаний... лишены способности подлежать принудительному осуществлению юрисдикционным органом»³¹, в связи с чем исковая давность на них не распространяется. Представляется, что предусмотренные трудовым законодательством формы самозащиты являются не чем иным, как разновидностью охранительных прав на совершение односторонних действий. Очевидно, что не может быть принудительно реализовано судом, например, право работника на приостановление работы в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней. Иными словами, получать санкцию суда на то, чтобы прибегнуть к одной из форм самозащиты, работнику не требуется. Вероятно, в рассматриваемой концепции речь тогда должна идти не о давностных, а об уже упоминавшихся преклюзивных сроках. Однако и в этом случае получается бессмыслица, поскольку, например, право работника на отказ от выполнения работы, непосредственно угрожающей его жизни и здоровью, предполагает его реализацию непосредственно в момент, когда есть такая угроза для жизни и здоровья. Действующий институт дисциплинарной ответ-

ственности и в отсутствие каких-либо сроков для осуществления самозащиты трудовых прав позволяет работодателю весьма эффективно разбираться с работником, который прибегает к различным ее формам без достаточных к тому оснований.

Спорными в науке выглядят и тезисы о допустимости восстановления давностного срока работодателю в случае «форс-мажорных обстоятельств»³² и целесообразности определения перечня уважительных причин пропуска такого срока. К их числу предлагают относить, например, «доказанный факт злоупотребления со стороны руководителя организации или иных должностных лиц, не заинтересованных в своевременном предъявлении иска»³³. Видится сомнительной сама возможность восстановления означенного срока работодателю, которая закреплена в ст. 392 ТК РФ. Дело в том, что в соответствии со ст. 205 ГК РФ срок исковой давности может быть восстановлен только гражданину. Такой подход воспринят и судебной практикой³⁴. Цивилистами отмечается, что в существе института исковой давности «нет ничего, препятствующего для распространения его правил на граждан-предпринимателей и юридических лиц»³⁵. При этом существующее ограничение для указанных субъектов связано с тем, что «они осуществляют предпринимательскую деятельность профессионально, на

писание, выданное государственным инспектором труда, является правомерной реакцией на явные нарушения трудового законодательства, допущенные работодателем, и само по себе не свидетельствует о разрешении индивидуального трудового спора.

²⁹ Князева Н. А. Указ. соч. С. 52.

³⁰ Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. С. 42.

³¹ Крашенинников Е. А. Указ. соч. С. 43–44.

³² Кокова Л. Р. Сроки в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 122.

³³ Комков С. А. Давностные сроки в трудовом праве // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 42.

³⁴ Так, абзац 3 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12) содержит разъяснение о том, что срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, а также гражданином — индивидуальным предпринимателем по требованиям, связанным с осуществлением им предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин его пропуска.

³⁵ Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 1244.

началах риска, и, соответственно, должны быть более юридически грамотными, более заботливо относиться к осуществлению принадлежащих им гражданских прав»³⁶. В этом смысле в теории также обсуждается возможность восстановления исковой давности некоммерческим юридическим лицам³⁷. Однако, учитывая субъектную несопоставимость работника и работодателя, в том числе по вопросу сбора доказательственной базы, вероятно, необходимо согласиться с мнением о том, что давностный срок по «иску о возмещении вреда, причиненного работником, может быть восстановлен только работодателем — физическим лицам»³⁸. Принимая во внимание положения ч. 5 ст. 20 ТК РФ, указанный вывод следует дополнить словами: «работодателям — физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями». В связи с вышеизложенным часть 5 ст. 392 ТК РФ, устанавливающая возможность восстановления давностного срока работодателю (вне зависимости от его статуса — физическое лицо либо юридическое лицо), нуждается в корректировке.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать несколько выводов:

1. Большинство ученых-трудовиков определяют правовую природу сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, как давностную. Развитие этой идеи порождает потребность в осмыслении правовой природы срока обращения в КТС. По своему существу срок обращения в КТС от сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, ничем не отличается, однако такому пониманию препятствует предусмотренное частью 2 ст. 390 ТК РФ право работника на обжалование решения КТС в суд в 10-дневный срок со дня вручения ему копии решения комиссии. В действительности в случае обжалования работником принятого КТС решения предметом судебного разбирательства будет не законность и обоснованность такого решения, а рассмотрение и разрешение трудового спора по существу. Таким

образом, право работника, предусмотренное частью 2 ст. 390 ТК РФ, лишено содержания. Возможность обжалования решения КТС должна быть предоставлена только работодателю, поскольку в случае, если он не согласен с этим решением и не исполнит его в добровольном порядке, КТС выдает работнику удостоверение, являющееся исполнительным документом. На период рассмотрения трудового спора в КТС течение исковой давности должно приостанавливаться. Такой подход позволяет сформулировать концепцию единого давностного срока для КТС и суда по всем трудовым спорам, за исключением тех, которые отнесены к непосредственной компетенции суда. Учитывая, что по спорам об оплате труда, которые не отнесены к непосредственной компетенции суда, давностный срок для КТС составляет три месяца, видится возможным его увеличение до одного года в целях соответствия с ч. 2 ст. 392 ТК РФ.

2. К недостаткам трудового законодательства исследователи относят отсутствие сроков для обращения в ГИТ и прокуратуру. По мнению авторов, это позволяет работнику обратиться в указанные органы за пределами сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, что создает почву для злоупотребления правом. Между тем исследование показало, что основной целью ГИТ и прокуратуры является осуществление контрольно-надзорных полномочий в отношении работодателя. Задача этих органов состоит в недопущении явных нарушений трудового законодательства работодателем посредством привлечения его к административной ответственности, выдачи предписаний и пр. В смысле изложенного объектом защиты и охраны являются права и интересы не только работника, обратившегося в ГИТ и (или) прокуратуру, но и всего трудового коллектива в целом. По этой причине установление сроков для обращения в ГИТ и прокуратуру может привести к ситуации, при которой работник будет вовсе лишен воз-

³⁶ Лебедева К. Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 189.

³⁷ Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 153.

³⁸ Миронов В. И. Трудовое право России : учебник. М. : Управление персоналом, 2005. С. 1008.

возможности защитить свои права. Вместе с тем в трудовом законодательстве присутствует пробел, который позволяет государственному инспектору труда вынести предписание об отмене приказа об увольнении после истечения срока, предусмотренного частью 1 ст. 392 ТК РФ. В такой ситуации могут быть нарушены права и интересы нового работника, принятого вместо старого. Этот пробел в качестве исключения необходимо восполнить нормой, устанавливающей пресекающий (преклюзивный) срок для обращения в ГИТ по факту незаконного увольнения. Продолжительность этого срока должна составлять один месяц со дня вручения работнику копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления сведений о трудовой деятельности у работодателя по последнему месту работы.

3. В науке трудового права высказана идея о необходимости установления давностных сроков для самозащиты трудовых прав. Однако существующие формы самозащиты трудовых прав не подлежат принудительному осуществлению юрисдикционными органами, а реализуются работником самостоятельно. Конструк-

ция «давностные сроки для самозащиты трудовых прав» противоречит существу исковой давности.

4. Отдельными исследователями предлагается определить перечень уважительных причин пропуска работодателем срока, предусмотренного частью 4 ст. 392 ТК РФ, для возможности его восстановления. Между тем Гражданский кодекс РФ право восстановления срока исковой давности предоставляет только гражданам. Указанное ограничение включено в содержание предпринимательского риска для юридических лиц и граждан — индивидуальных предпринимателей по требованиям, связанным с осуществлением ими предпринимательской деятельности. Принимая во внимание диспропорцию процессуальных возможностей работника и работодателя, необходимо изложить ч. 5 ст. 392 ТК РФ в следующей редакции: «При пропуске работником или работодателем — физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, по уважительным причинам сроков, установленных частями первой, второй, третьей и четвертой настоящей статьи, они могут быть восстановлены судом».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Буянова М. О. Индивидуальные трудовые споры: материально-процессуальные вопросы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 2. — С. 48–60.
2. Грин Е. В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» // Российская юстиция. — 2009. — № 3. — С. 23–27.
3. Демидов Н. В. Общественный договор в системе трудовых отношений современной России // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 4. — С. 25–48.
4. Долова А. З. Сроки в договорах трудового права России и защита трудовых прав : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — 173 с.
5. Князева Н. А. Правовые средства и формы защиты трудовых прав работников : дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2015. — 215 с.
6. Кокова Л. Р. Сроки в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 163 с.
7. Комков С. А. Давностные сроки в трудовом праве // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 3 (86). — С. 38–43.
8. Комков С. А. Сроки в трудовом праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2004. — 260 с.
9. Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. — Ярославль, 1997. — 86 с.
10. Кузакова О. В. Сроки в трудовом праве как юридические факты и как юридические условия: сравнительно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2008. — 189 с.

11. Лебедева К. Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2003. — 243 с.
12. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : учебник : в 2 т. Т. 2 : Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. — М. : Статут, 2009. — 1151 с.
13. Мануковская А. Н. Процессуальные нормы и правоотношения в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2006. — 259 с.
14. Миронов В. И. Трудовое право России : учебник. — М. : Управление персоналом, 2005. — 1152 с.
15. Передерин С. В. Процедурно-процессуальные правовые средства и способы обеспечения трудовых прав работников : дис. ... д-ра юрид. наук. — Воронеж, 2001. — 404 с.
16. Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 204 с.
17. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2018. — 1264 с.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Buyanova M. O. Individualnye trudovye spory: materialno-protsessualnye voprosy pravovogo regulirovaniya // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2014. — № 2. — S. 48–60.
2. Grin E. V. K voprosu o razlichii ponyatiy «sroki obrashcheniya v sud» po trudovym delam i «sroki iskovoy davnosti» // Rossiyskaya yustitsiya. — 2009. — № 3. — S. 23–27.
3. Demidov N. V. Obshchestvennyy dogovor v sisteme trudovykh otnosheniy sovremennoy Rossii // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2021. — № 4. — S. 25–48.
4. Dolova A. Z. Sroki v dogovorakh trudovogo prava Rossii i zashchita trudovykh prav: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1998. — 173 s.
5. Knyazeva N. A. Pravovye sredstva i formy zashchity trudovykh prav rabotnikov: dis. ... kand. yurid. nauk. — Voronezh, 2015. — 215 s.
6. Kokova L. R. Sroki v trudovom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2007. — 163 s.
7. Komkov S. A. Davnostnye sroki v trudovom prave // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2019. — № 3 (86). — S. 38–43.
8. Komkov S. A. Sroki v trudovom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2004. — 260 s.
9. Krashenninnikov E. A. Ponyatie i predmet iskovoy davnosti. — Yaroslavl, 1997. — 86 s.
10. Kuzakova O. V. Sroki v trudovom prave kak yuridicheskie fakty i kak yuridicheskie usloviya: sravnitel'no-pravovoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. — Izhevsk, 2008. — 189 s.
11. Lebedeva K. Yu. Iskovaya davnost v sisteme grazhdansko-pravovykh srokov: dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2003. — 243 s.
12. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Kurs trudovogo prava: uchebnik: v 2 t. T. 2: Kollektivnoe trudovoe pravo. Individualnoe trudovoe pravo. Protssessualnoe trudovoe pravo. — M.: Statut, 2009. — 1151 s.
13. Manukovskaya A. N. Protssessualnye normy i pravootnosheniya v trudovom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Voronezh, 2006. — 259 s.
14. Mironov V. I. Trudovoe pravo Rossii: uchebnik. — M.: Upravlenie personalom, 2005. — 1152 s.
15. Perederin S. V. Protседurno-protssessualnye pravovye sredstva i sposoby obespecheniya trudovykh prav rabotnikov: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Voronezh, 2001. — 404 s.
16. Savin K. G. Iskovaya davnost v sovremenном otechestvenном i zarubezhном grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 204 s.
17. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost: postateynnyy kommentariy k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Logos, 2018. — 1264 s.

Оптимальная уголовная политика

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественной уголовной политики, ее эффективности и возможности оптимизации. Состояние уголовного права и основанной на нем уголовно-правовой реальности вызывает сомнения в самом существовании уголовной политики как целенаправленной деятельности государства в сфере противодействия преступности. Свойства уголовной репрессии, не устраняющие детерминант преступности, а нередко их обостряющие, требуют глубокого юридико-философского осмысления их подлинной сущности и цели. Традиционный подход к жесткости уголовной политики как методу правоохранения подлежит качественной ревизии на теоретическом уровне, в законодательстве и правоприменении. Формирование уголовной политики и дальнейшая ее оптимизация нуждаются в модернизации уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, а также практической правоохранительной деятельности. Основными путями этого реформирования являются рационализация и гуманизация указанных направлений, соответствующие глобальному вектору исторического развития социума, доказавшему свою эффективность.

Ключевые слова: уголовное право; уголовная политика; криминология; преступление; превенция преступлений; наказание; правоохранительная деятельность; борьба с преступностью; гуманизация; безопасность.

Для цитирования: Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 131–140. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.131-140.

Optimal Criminal Policy

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue
Academy of the EMERCOM of Russia (Vladivostok), Vladivostok, Russian Federation
antovadim@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of domestic criminal policy, its effectiveness and the possibility of optimization. The state of criminal law and the criminal legal reality based thereon raises doubts about the very existence of criminal policy as a targeted activity of the state in the sphere of combating crime. The properties of criminal repression, which do not eliminate the determinants of crime, but often exacerbate them, require a deep legal and philosophical understanding of their true essence and purpose. The traditional approach to the harshness of criminal policy as a method of law enforcement is subject to qualitative revision at the theoretical level, in legislation and law enforcement. The formation of criminal policy and its further optimization require

© Антонченко В. В., 2025

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России (г. Владивосток)
п. Аякс, д. 27, о. Русский, г. Владивосток, Российская Федерация, 690922
antovadim@yandex.ru

the modernization of criminal, criminal procedure, criminal executive law, as well as practical law enforcement activities. The main direction of this reform is the rationalization and humanization of the indicated directions, corresponding to the global vector of historical development of society, which has proven its effectiveness.

Keywords: criminal law; criminal policy; criminology; crime; crime prevention; punishment; law enforcement; fight against crime; humanization; security.

Cite as: Antonchenko VV. Optimal Criminal Policy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):131-140. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.131-140.

Введение

Уголовная политика — это определенная модель, доминирующая стратегия целенаправленной деятельности государства по противодействию преступности (контролю за ее уровнем и структурой). Вопросы уголовной политики традиционно являются проблемными как в уголовно-правовой теории, так и в практике правоохранения. Реформа правоохранительной системы, фактически продолжающаяся с момента распада СССР и прошедшая несколько стадий (принятие новых Уголовного кодекса РФ в 1996 г., Уголовно-исполнительного кодекса РФ в 1997 г., Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2001 г., множества нормативных актов, изменяющих и дополняющих данные ключевые законы), как представляется, далека от завершения. Это обостряет актуальность указанных проблем.

Способность/неспособность формирования оптимальной уголовной политики связана с объективной возможностью/невозможностью обеспечения безопасности и благополучия общества. Криминализация и декриминализация, пенализация и депенализация как центральные компоненты уголовной политики требуют серьезного переосмысления в науке, законодательстве и правоохранительной практике. Выявление существа данного социально-властного феномена требует критического и многофактор-

ного методологического анализа, основанного на ценностном подходе к праву и правоохранению. Доктрина уголовного права должна предложить способы разрыва порочного круга (преступление — наказание — криминализация общества — новое преступление), основанного на традиционных иллюзиях эффективности уголовной репрессии. Оптимизация процесса противодействия преступности предполагает избавление от чрезмерных надежд по поводу возможности уголовно-правового влияния на ее социальные детерминанты.

Уголовная политика в теории правоохранения

А. И. Александров дает наиболее краткое определение уголовной политики, говоря, что она представляет собой отношение власти к преступности¹. С точки зрения Г. Ю. Лесникова, уголовная политика есть система принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, разработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях — национальной безопасности².

¹ Александров А. И. *Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)*. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. С. 265.

² Лесников Г. Ю. *Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью // Современные проблемы уголовной политики : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2013. Т. 1. С. 127–133 ; Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / под ред. В. Б. Малинина. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. Т. 1. С. 4–40.*

Наиболее приемлемым данное определение считает и А. И. Рарог³.

А. В. Наумов отмечает, что, несмотря на связь качества уголовного законодательства и уровня преступности, последний определяется прежде всего социально-экономическими, политическими, нравственными и иными факторами. Поэтому необходима постановка реальных задач в борьбе с преступностью, таких как снижение темпов ее роста, осуществление над ней контроля государства и общества, удержание ее на социально терпимом уровне. Более радикальные цели на сегодняшний день, полагает ученый, утопичны⁴.

А. И. Коробеев говорит об уголовной политике как о выработанной государством генеральной линии, определяющей основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступности⁵. А. Н. Савенков считает, что уголовная политика государства означает аккумуляцию основных положений, в соответствии с которыми государство ведет борьбу с преступлениями при посредстве наказания и иных подобных мер.

Н. А. Лопашенко и И. П. Парфиненко указывают на то, что само понятие уголовно-правовой политики и формы ее реализации трактуются по-разному, иногда — диаметрально противоположно⁶.

Проблемы отечественной уголовной политики

Состояние преступности, подвергаясь определенным колебаниям в зависимости от различных факторов, среди которых основное место занимают экономические кризисы, безработица, состояние мира или войны, уровень образования и культуры населения и т.п., в целом представляет собой стабильное явление. Количественные и качественные показатели преступности, не подвергаясь действию существенных социальных детерминант, мало изменяемы во времени. Это подтверждает вывод о том, что «лучшая уголовная политика — это политика социальная»⁷, а также предполагает вывод о неэффективности и бесполезности собственно уголовной политики как правоохранительной стратегии государства⁸.

Однако, говоря о безрезультатности стратегий борьбы с преступностью, следует задать вопрос: имеем ли мы пример такой стратегии? Была ли в отечественной практике научно обоснованная и воплощенная в реальности концепция правоохранения: долгосрочная, обеспеченная законодательно, организационно, финансово? поддержанная среди самих правоохранителей (работников прокуратуры, следственных и судебных органов и пр.) методически и информационно? разъясненная и понятная широким слоям общества? проводимая последовательно и не подверженная политической, идеологической и иной конъюнктуре, а также субъективным предпочтениям и заблуждениям представителей властных элит? На все эти вопросы, к

³ Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 470–479. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479.

⁴ Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. Т. 1 : Общая часть С. 24–28.

⁵ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 15.

⁶ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 109 ; Парфиненко И. П. Уголовно-правовая политика и ее роль в борьбе с проявлениями коррупции в органах местного самоуправления и государственной власти // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2. С. 72–74.

⁷ Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть : пер. с нем. М., 1903. С. 76.

⁸ Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М. : Юрист, 2003. С. 38.

сожалению, приходится дать отрицательные ответы. Неслучайно М. Д. Давитадзе называет системный кризис характеристикой состояния отечественной уголовной политики⁹.

Поскольку уголовная политика представляет собой агрегацию свойств уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, а также практической правоохранительной деятельности, в том числе превентивного характера, постольку ее оптимальная модель должна опираться на рациональность и эффективность всех указанных элементов.

Ядро уголовной политики, ее фундамент составляет отношение к двум основополагающим в уголовном праве понятиям: что есть преступление? и каким должно быть (может быть) реагирование на него государства? Публичная власть должна в первую очередь решить главные вопросы: какие деяния являются преступными и какие государственные меры предупреждения этих деяний и реагирования на них допустимы и необходимы? Ответ на первый вопрос находится в плоскости рациональности и оптимальности криминализации деяний, которые законодатель (не без общественной поддержки) полагает преступными. Вторая проблема связана со свойствами уголовно-правовых мер (прежде всего наказаний), которые государство применяет; с их эффективностью, способностью достигать поставленных перед ними целей.

Очевидно, что говорить о стратегии как общем последовательно направленном развитии, как и наблюдать это движение, можно лишь в условиях стабильной правовой среды и правовой системы, обеспеченной главным образом стабильностью законодательства. Современные состояние борьбы с преступностью и качество

уголовной политики характеризуются прежде всего бессистемностью законодательства и его нестабильностью, дисбалансом процесса криминализации и декриминализации общественно опасных деяний.

В Уголовный кодекс России к настоящему времени (март 2024 г.) с момента начала его действия в 1997 г. изменения внесены 326 (!) федеральными законами и постановлениями Конституционного Суда РФ. Тысячи новаций сообщили этому базовому в сфере противодействия преступности нормативному правовому акту свойства разбалансированности и бессистемности¹⁰.

Н. Г. Иванов говорит о том, что отечественный законодатель, устанавливая всё новые уголовно-правовые запреты, не учитывает их целесообразности, перенасыщает уголовный закон нормативными идеями, злоупотребляет потенциалом уголовного права, включая в его рамки деяния, не связанные с уголовным правом или не касающиеся уголовно-правовых отношений¹¹. Недостатки уголовного закона и уголовного права, на которые в разное время указывали А. Э. Жалинский, А. А. Тер-Акопов, Я. И. Гилинский, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеев, В. А. Номоконов и другие ученые, обусловили и соответствующее неудовлетворительное состояние уголовной политики. Отсутствие единой концепции в сфере уголовной политики объясняется тем, что уголовное право является средством манипуляции обществом, инструментом навязывания своей воли правящей элитой обществу через текст уголовного закона, а уголовно-правовое поле является местом столкновения различных политических сил и идеологий¹².

Несмотря на разнообразие, сложность и динамизм современной правовой жизни,

⁹ Давитадзе М. Д. Современные проблемы уголовной политики // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 123–127.

¹⁰ Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 12 (157). С. 123–136. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.

¹¹ Иванов Н. Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях. М. : Юрлитинформ, 2019.

¹² Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. Т. 3 : Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. С. 16 ; Александрова И. А. Уголовное право и политика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 60–65 ; Климен-

многочисленность научных работ по вопросам уголовной политики, стоит признать недостаточность эмпирического материала по данной проблематике. Говорить об оптимальной модели (или оптимизации) какого-либо явления можно лишь при наличии самого этого явления. Ученые до последнего времени не могли прийти к согласию о направлении текущего вектора отечественной уголовной политики, что ставит под сомнение само ее существование. Так, например, А. Г. Авдейко и А. В. Земцова считали, что наблюдают ее смягчение (правда, только в отношении экономики и бизнеса), а А. И. Рарог и Н. Е. Крылова полагали, что существует устойчивый тренд в сторону усиления уголовной репрессии (и оказались правы)¹³.

Правовые реалии сегодняшнего дня, связанные с разрывом между юридической наукой и практикой, противоречивостью между элементами системы права (в том числе системы законодательства), правовой культуры и правореализации, позволяют постигать феномен уголовной политики преимущественно на теоретическом уровне. Здесь следует согласиться с В. В. Лунеевым, который отмечает, что право развивается «в форме науки слов, а не науки реалий», и с сожалением констатирует отсутствие у законодателя и правоохранителя потребности в научном (социальном и криминологическом) и методическом обеспечении своей деятельности¹⁴. Такое место юридической науки в обеспечении социальных потребностей является сегодня частным случаем роли отече-

ственной науки, в целом исключенной из числа приоритетных областей общественного бытия.

Модели уголовной политики

Состояние законодательства и практики правоприменения, характеризующее направление уголовной политики, всё многообразие средств и способов достижения ее целей, при широкой степени обобщения можно свести к двум основным векторам: мягкая уголовная политика и жесткая уголовная политика. Само существо этих направлений говорит о том, что первое свидетельствует о понимании государством социальной обусловленности преступности и о вторичности уголовных мер в деле борьбы с ней. Второе направление указывает на доминирующую роль уголовной репрессии, обусловленную либо неспособностью, либо нежеланием государства (в силу тех или иных причин) создать в обществе ситуацию, в которой социальные условия (возможность позитивной самореализации индивидов, особенно из числа социально незащищенных категорий граждан, безработных, молодежи и т.д.) могли бы значительно ослабить преступные детерминанты.

Процесс смягчения уголовной политики предполагает широкую декриминализацию деяний, не представляющих общественной опасности, и смягчение наказания за иные деяния. Идеи гуманизма имеют глубокие корни, богатую историю формирования и иллюстри-

ко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2005. С. 9.

¹³ Авдейко А. Г., Земцова А. В. Тенденции и перспективы современной уголовной политики в сфере предпринимательства // Вестник ВИПК МВД России. 2016. № 1 (37). С. 37–42 ; Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90–107 ; Она же. Проблемы совершенствования российского законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 3. С. 25–37 ; Малышкин Д. А. Основные тренды уголовно-правовой политики Российской Федерации // Актуальные вопросы развития науки на современном этапе : сборник статей / под ред. Г. Н. Гужиной. М., 2019. С. 21–30.

¹⁴ Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные аспекты : монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2019. С. 68.

руют уровень цивилизованности государства¹⁵. В цивилизованном обществе эта идея является фундаментальной для строительства современной правовой системы. В отечественном законодательстве идеи гуманизма провозглашены через конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) и закреплены в отраслевом законе (ст. 7 Уголовного кодекса РФ). Гуманизация уголовного права должна относиться к обеим сторонам уголовного процесса: в отношении потерпевшего это максимально возможное возмещение вреда, причиненного ему преступлением; в отношении обвиняемого (подсудимого, осужденного) — рациональное смягчение репрессивного воздействия наказания, уменьшение физических и нравственных страданий, иных неизбежных отрицательных последствий любого наказания, не отражающееся на качестве уголовно-правовой охраны общества. Перечисленные в законе цели наказания (ст. 43 УК РФ) не состоят в причинении страданий преступнику или его унижении, наоборот, эти неизбежные негативные свойства любого наказания осложняют достижение целей наказания. Не вызванные необходимостью несправедливые и чрезмерные страдания человека (а преступник, какое бы преступление он ни совершил, остается человеком) вызывают его озлобление и жесточение, препятствуют его исправлению.

Смягчение отечественной уголовной политики, выражающееся в гуманизации и либерализации (от лат. *liberalis* — свободный) уголовного законодательства, провозглашалось на протяжении двух десятилетий (1997–2017 гг.) и связывалось с общепризнанным приоритетом охраны личности, ее прав и свобод. Признаком гуманизации уголовной политики ученые полагали имевший место отход от тенденции рас-

ширения и ужесточения уголовной репрессии¹⁶. Однако разнонаправленные новации уголовного и уголовно-процессуального законодательства со временем приняли вектор ужесточения, исключив на практике провозглашенное смягчение. Подавляющее большинство законодательных актов, вносивших изменения в уголовный закон, криминализовали деяния, которые ранее не считались преступными, расширяли возможность привлечения к уголовной ответственности, ужесточали ее¹⁷.

Расширение сферы средств уголовно-правового воздействия на социальные отношения является лишь частным (но наиболее опасным) случаем увеличения присутствия государства в социальном пространстве. Такое воздействие характерно для определенных типов политических режимов, требующих повышенной защиты государственных интересов, под которыми понимается неизменяемость принципов функционирования властной вертикали. Жесткая уголовная политика, характерная для таких государств и обществ, ассоциируется с понятием «сильное государство». Под силой здесь понимается не эффективность и успешность в выполнении государственных функций (обеспечение прав и свобод человека, безопасности общества, высокого уровня жизни населения и т.д.), а возможность принуждения граждан для проведения в жизнь своих, зачастую непопулярных, решений. Под обеспечением правопорядка при такой модели уголовной политики понимается прежде всего подавление сопротивления населения. Данный подход (не только в уголовной политике, но и в праве вообще) несет в себе потенциальные риски тотального государственного контроля и сокращения масштабов свободы, что требует обязательного учета и отражения в уголовно-политологическом дискурсе¹⁸. В своих крайних

¹⁵ Кравченко И. О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 565–577. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577.

¹⁶ Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М.: ЮрИнфо, 1999.

¹⁷ Обзор изменений Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁸ Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 131–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144.

воплощениях жесткости уголовная политика может стать ядром всей внутренней политики государства. В этом своем качестве она полагает насилие основным фактором развития общества, его движущей силой. Это представляет для граждан куда бóльшую угрозу, чем сама преступность¹⁹.

Конституционное установление приоритета прав и свобод человека и гражданина, закрепление принципа гуманизма в уголовном законе должно быть ориентиром для законодателя и исключить противоречия в толковании норм для правоприменителя. Данный подход, перцепированный политической элитой государства, способен изменить негативные антипрогрессивные тенденции уголовно-правовой политики.

Отечественный и международный опыт государственного строительства и правового регулирования борьбы с преступностью так или иначе ассоциирует первый вектор с демократическими политическими режимами, либеральной идеологией и общественными реформами, имеющими целью свободу личности и общества. В свою очередь, жесткая уголовная политика характеризует не столько состояние преступности, сколько недемократические и антилиберальные тенденции в развитии общества, государства и права. Таким образом, жесткость уголовной политики является производной не от криминальной ситуации в стране, а от жесткости политической системы. Понимание данной сущности наделяет слово «политика» в понятии «уголовная политика» более существенными коннотациями и переносит смысловое значение из области права в сферу отношений по поводу политической власти.

Установленное еще Ф. Бэконом различие между законом по существу (справедливым и соответствующим принципу юридического равенства) и законом по форме (несправедливым и неправовым) актуально и для разных направлений уголовной политики: правового и неправового. Справедливость и общественная

польза являются источниками права и критериями оценки уголовной политики. В гражданском обществе господствует или справедливый закон, или насилие и жестокость закона, порождающие несправедливость²⁰.

Выводы

Оптимизация уголовной политики должна исключить главное заблуждение и опасность в данной сфере: иллюзию того, что уголовными и уголовно-правовыми средствами можно решить (уменьшить, ослабить) социально-криминологические детерминанты преступности. Построение оптимальной модели уголовной политики невозможно без проведения широкой правовой реформы, построения рациональной модели криминализации, избавления уголовного права от излишней репрессивности, а уголовного наказания — от многовековых иллюзий по поводу возможности достижения заявленной цели восстановления социальной справедливости. Особое место в конструкторе уголовной политики занимают правоохранительные органы, их способность соответствовать глобальному прогрессивному вектору, связанному с рационализацией и гуманизацией (от лат. *humanus* — человеческий) данной сферы социального бытия. Для того чтобы воплощение стратегических концепций по рациональной перестройке правоохранительной сферы не было саботировано практическими работниками уголовной юстиции, требуется выполнение тяжелой сверхзадачи по разъяснению и пропаганде доктринальных положений новой уголовной политики, методическому и научному их сопровождению, проведению соответствующих организационных и кадровых мероприятий.

Стратегическая концепция современного уголовного права и объективирующей ее уголовной политики должна быть адекватна существующим криминальным угрозам, освобождена от идеологических и политических заблуждений,

¹⁹ Голик Ю. В., Коробеев А. И., Усс А. В. Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1991. С. 26–27.

²⁰ Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 1977. С. 484.

определенна, ясна и понятна и правоохранительным органам, и обществу. Доктринальные, законодательные и правоприменительные стадии, на которых реализуются направления уго-

ловной политики, могут быть эффективными при их развороте в сторону рационализации и гуманизации как основного вектора развития общества и права в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдейко А. Г., Земцова А. В. Тенденции и перспективы современной уголовной политики в сфере предпринимательства // Вестник ВИПК МВД России. — 2016. — № 1 (37). — С. 37–42.
2. Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. — 598 с.
3. Александрова И. А. Уголовное право и политика // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 3 (27). — С. 60–65.
4. Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12 (157). — С. 123–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.
5. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. — М. : ЮрИнфо, 1999. — 293 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. / АН СССР, Ин-т философии. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 1977. — 567 с.
7. Голик Ю. В., Коробеев А. И., Усс А. В. Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. — Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1991. — 240 с.
8. Давитадзе М. Д. Современные проблемы уголовной политики // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 6. — С. 123–127.
9. Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 3 : Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 619 с.
10. Иванов Н. Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 172 с.
11. Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 — М., 2005. — 24 с.
12. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 352 с.
13. Кравченко И. О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 5. — С. 565–577. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577.
14. Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. — 2015. — № 8. — С. 90–107.
15. Крылова Н. Е. Проблемы совершенствования российского законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2016. — № 3. — С. 25–37.
16. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. — М. : Юрист, 2003. — 352 с.
17. Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / под ред. В. Б. Малинина. — СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. — Т. 1. — С. 4–40.
18. Лесников Г. Ю. Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью // Современные проблемы уголовной политики : материалы IV Междунар. науч.-практ. конференции : в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. — Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2013. — Т. 1. — С. 127–133.
19. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть : пер. с нем. — М., 1903. — 334 с.
20. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 339 с.

21. Малышкин Д. А. Основные тренды уголовно-правовой политики Российской Федерации // Актуальные вопросы развития науки на современном этапе : сборник статей / под ред. Г. Н. Гужиной. — М., 2019. — С. 21–30.
22. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2008.
23. Парфиненко И. П. Уголовно-правовая политика и ее роль в борьбе с проявлениями коррупции в органах местного самоуправления и государственной власти // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 2. — С. 72–74.
24. Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные аспекты : монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2019. — 567 с.
25. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 2 (147). — С. 131–144. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144.
26. Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10. — № 3. — С. 470–479. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479.

Материал поступил в редакцию 18 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeyko A. G., Zemtsova A. V. Tendentsii i perspektivy sovremennoy ugovolnoy politiki v sfere predprinimatelstva // Vestnik VIPK MVD Rossii. — 2016. — № 1 (37). — S. 37–42.
2. Aleksandrov A. I. Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugovolnoy politiki i ugovolnogo protsesssa. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2013. — 598 s.
3. Aleksandrova I. A. Ugolovnoe pravo i politika // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2014. — № 3 (27). — S. 60–65.
4. Antonchenko V. V. Krizis ugovolnoy politiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 12 (157). — S. 123–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.
5. Boskholov S. S. Osnovy ugovolnoy politiki. — M.: YurInfo, 1999. — 293 s.
6. Bekon F. Sochineniya: v 2 t. / AN SSSR, In-t filosofii. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Mysl, 1977. — 567 s.
7. Golik Yu. V., Korobeev A. I., Uss A. V. Ugolovno-pravovaya politika. Tendentsii i perspektivy. — Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1991. — 240 s.
8. Davitadze M. D. Sovremennye problemy ugovolnoy politiki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2018. — № 6. — S. 123–127.
9. Zhalinskiy A. E. Izbrannye trudy: v 4 t. T. 3: Ugolovnaya politologiya. Sravnitel'noe i mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. — 619 s.
10. Ivanov N. G. Etyudy o rossiyskoy ugovolnoy politike i ee konkretnykh voploshcheniyakh. — M.: YurLitinform, 2019. — 172 s.
11. Klimenko A. I. Vzaimosvyaz pravovogo i politicheskogo soznaniya v osushchestvlenii ideologicheskoy funktsii gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 — M., 2005. — 24 s.
12. Korobeev A. I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya. — M.: YurLitinform, 2019. — 352 s.
13. Kravchenko I. O. Liberalizatsiya i gumanizatsiya ugovolno-pravovoy politiki // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2021. — Т. 15. — № 5. — S. 565–577. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577.
14. Krylova N. E. Gumanizatsiya ugovolnogo zakonodatelstva prodolzhaetsya? Analiz proektov federalnykh zakonov, odobrennykh Plenumom Verkhovnogo Suda RF 31 iyulya 2015 g. // Zakon. — 2015. — № 8. — S. 90–107.

15. Krylova N. E. Problemy sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatelstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2016. — № 3. — S. 25–37.
16. Kudryavtsev V. N. Strategii borby s prestupnostyu. — M.: Yurist, 2003. — 352 s.
17. Lesnikov G. Yu., Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika // Entsiklopediya ugovnogo prava: v 35 t. / pod red. V. B. Malinina. — SPb.: Izd. prof. Malinina, 2005. — T. 1. — S. 4–40.
18. Lesnikov G. Yu. Ugolovnaya politika kak strategiya i taktika borby s prestupnostyu // Sovremennye problemy ugovnoy politiki: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii: v 3 t. / pod red. A. N. Ilyashenko. — Krasnodar: Krasnodar. un-t MVD Rossii, 2013. — T. 1. — S. 127–133.
19. List F. Uchebnik ugovnogo prava. Obshchaya chast: per. s nem. — M., 1903. — 334 s.
20. Lopashenko N. A. Osnovy ugovno-pravovogo vozdeystviya. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2004. — 339 s.
21. Malyshkin D. A. Osnovnye trendy ugovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Aktualnye voprosy razvitiya nauki na sovremennom etape: sbornik statey / pod red. G. N. Guzhinoy. — M., 2019. — S. 21–30.
22. Naumov A. V. Rossiyskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy: v 3 t. — 4-e izd., pererab. i dop. — M., 2008.
23. Parfinenko I. P. Ugovno-pravovaya politika i ee rol v borbe s proyavleniyami korruptsii v organakh mestnogo samoupravleniya i gosudarstvennoy vlasti // Sibirskie ugovno-protseessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2019. — № 2. — S. 72–74.
24. Protivodeystvie sovremennoy prestupnosti. Kriminologicheskie, ugovno-pravovye, ugovno-protseessualnye aspekty: monografiya / pod obshch. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova. — M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2019. — 567 s.
25. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Ugolovnaya politika i ugovnoe pravo silnogo gosudarstva // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 2 (147). — S. 131–144. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144.
26. Rarog A. I. Ugolovnaya politika i ugovno-pravovye ambitsii // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2016. — T. 10. — № 3. — S. 470–479. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.141-161

В. А. Маслов*

Судимость в России в 2013–2022 годах: общая характеристика и особенности совершаемых деяний, виновных лиц и назначаемых мер воздействия

Аннотация. В статье на основе данных о судимости за период с 2013 по 2022 г. выявляются и осмысливаются некоторые закономерности развития криминальной ситуации в России за указанный период. Обращено внимание на увеличение числа привлекаемых к ответственности с 2020 г. (на 48 тыс. человек по состоянию на 2022 г.), а также рост удельного веса осуждаемых за тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе осужденных (особенно за период 2018–2022 гг.); существенные изменения в части числа осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: четырехкратный рост числа осужденных (на 48,6 тыс.), что с учетом общего снижения числа осужденных привело к росту удельного веса таких осужденных в общей массе с 2,1 до 11,1 %; увеличение удельного веса несовершеннолетних осужденных, воспитываемых в полной семье (4,5 %), и соразмерное уменьшение несовершеннолетних осужденных, воспитываемых вне семьи; увеличение удельного веса привлекаемых к ответственности ранее судимых лиц с 34 % в 2013 г. до 38,5 % в 2022 г.; высокую эффективность применения институтов условно-досрочного освобождения от наказания и условного осуждения; не теряющую остроты проблему количества лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения (удельный вес в 2022 г. — 25,2 %); существенный рост числа применения конфискации имущества (4 195 в 2022 г.; рост удельного веса с 0,1 до 0,7 % в общем числе применяемых мер воздействия); увеличение удельного веса вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью в общем числе применяемых мер (с 1,7 до 12,2 %).

Ключевые слова: судимость; уголовная ответственность; рецидивная преступность; преступность несовершеннолетних; категории преступлений; характеристика осужденных; личность преступника; несовершеннолетний осужденный; несовершеннолетний преступник; алкогольное опьянение; уголовное наказание; лишение свободы; конфискация имущества; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Для цитирования: Маслов В. А. Судимость в России в 2013–2022 годах: общая характеристика и особенности совершаемых деяний, виновных лиц и назначаемых мер воздействия // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 141–161. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.141-161.

© Маслов В. А., 2025

* Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620017
villi@e1.ru

Criminal Record in Russia in 2013–2022: General Characteristics and Features of Acts Committed, Perpetrators and Assigned Enforcement Actions

Villy A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
villi@e1.ru

Abstract. The paper, based on criminal record data for the period from 2013 to 2022, identifies and interprets certain patterns in the development of the crime situation in Russia over the specified period. Attention is drawn to the increase in the number of people brought to justice since 2020 (by 48 thousand people as of 2022), as well as the growth in the proportion of those convicted of serious and especially serious crimes in the total number of convicts (especially for the period 2018–2022); significant changes in the number of those convicted of crimes against traffic safety and transport operation: a fourfold increase in the number of convicts (by 48.6 thousand), which, taking into account the overall decrease in the number of convicts, led to an increase in the proportion of such convicts in the total number from 2.1 to 11.1 %; an increase in the proportion of juvenile convicts raised in a complete family (4.5 %), and a proportionate decrease in juvenile convicts raised outside the family; an increase in the proportion of previously convicted persons brought to justice from 34 % in 2013 to 38.5 % in 2022; high efficiency of the application of the institutions of parole and suspended sentence; the continuing acute problem of the number of persons who committed a crime while intoxicated (the proportion in 2022 was 25.2 %); a significant increase in the number of applications for property confiscation (4,195 in 2022; an increase in the proportion from 0.1 to 0.7 % of the total number of measures applied); an increase in the proportion of the type of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions and engage in certain activities in the total number of measures applied (from 1.7 to 12.2 %).

Keywords: criminal record; criminal liability; recidivism; juvenile delinquency; categories of crimes; characteristics of convicted persons; identity of the offender; juvenile convicted person; juvenile offender; alcohol intoxication; criminal punishment; deprivation of liberty; confiscation of property; deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities.

Cite as: Maslov VA. Criminal Record in Russia in 2013–2022: General Characteristics and Features of Acts Committed, Perpetrators and Assigned Enforcement Actions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):141-161. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.141-161.

Введение

Выработка корректных мер борьбы с преступностью возможна лишь на основе достоверных данных, позволяющих судить о состоянии дел в сфере противодействия наиболее общественно опасным проявлениям человеческого поведения.

Стремительно меняющиеся общественные отношения предполагают необходимость перманентного мониторинга криминальной ситуации в целях выработки своевременных (по возможности — превентивных) мер, призванных обеспечить соблюдение прав и свобод членов общества, среди которых особое место занимают уголовно-правовые меры. Именно данные

меры, формирующие правовую основу борьбы с преступностью, призваны, с одной стороны, недвусмысленно указать всем субъектам на недопустимость общественно опасного поведения и, с другой стороны, в случае совершения таких противоправных действий, выступить материальной основой для привлечения к наиболее строгой — уголовной — ответственности.

С учетом изложенного представляется актуальным исследование судимости в России в 2013–2022 гг., выявление и осмысление тенденций развития тех или иных криминальных проявлений в динамике, в контексте имеющихся доктринальных точек зрения, что может послужить как основой для дальнейших научных исследований (в том числе прогностического

характера), так и ориентиром для коррекции правоприменительной практики и законодательства.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследуются имеющиеся статистические данные о судимости в России в 2013–2022 гг.

Основная часть

Признавая невозможность (ввиду ограниченности объема публикации) рассмотрения всех значимых аспектов, характеризующих ситуацию с судимостью в России в 2013–2022 гг., в данной публикации позволим себе остановиться:

1) на общей характеристике и особенностях совершаемых деяний (количество, структура, объекты посягательства);

2) общей характеристике и особенностях осужденных (количество, социальная принадлежность, возрастной состав, семейное состояние, наличие судимости, состояние алкогольного опьянения);

3) назначаемых наказаний и иных мерах уголовно-правового характера.

Эмпирическая база исследования основана на данных, отраженных в форме «Основные статистические показатели состояния судимости в России 2007–2022 годы», опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ¹.

1. Общая характеристика и особенности совершаемых деяний (количество, структура, объекты посягательства)

Начать стоит с общей характеристики осужденных, отметив количество осужденных лиц по приговорам, вступившим в законную силу,

и структуру осужденных в зависимости от категории преступления (диаграмма 1).

Следует констатировать положительную динамику снижения числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, за анализируемый период на 156 тыс. чел. (–21,2 %), что можно воспринимать позитивно. Однако в то же время:

— во-первых, достигнутый пик падения количества осужденных в 2020 г. сменился увеличением числа привлеченных к ответственности (на 48 тыс. по состоянию на 2022 г.);

— во-вторых, фактически не претерпел изменений удельный вес осуждаемых за тяжкие и особо тяжкие преступления, хотя опять же стоит акцентировать внимание на том, что минимальные относительные показатели 2018–2020 гг. сменились и в этом случае ростом к 2022 г.

В целом же структура осужденных на конец анализируемого периода (2022 г.) говорит нам о том, что каждый второй (50,5 %) осужден за преступление небольшой тяжести, четверо из десяти совершили преступление средней тяжести (20,4 %) или тяжкое преступление (23,5 %), а каждый двадцатый — особо тяжкое преступление.

С учетом различной социальной значимости объектов охраны представляется обоснованным рассмотреть динамику удельного веса осужденных в зависимости от объекта посягательства (диаграмма 2).

Данная диаграмма наглядно иллюстрирует наиболее часто подверженные посягательствам объекты (в совокупности составляющие 75–80 % от общего числа осужденных): четверо из десяти в 2022 г. осуждены за преступления против собственности; еще по одному осуждено: за преступления против здоровья населения и общественной нравственности, против жизни и здоровья, против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

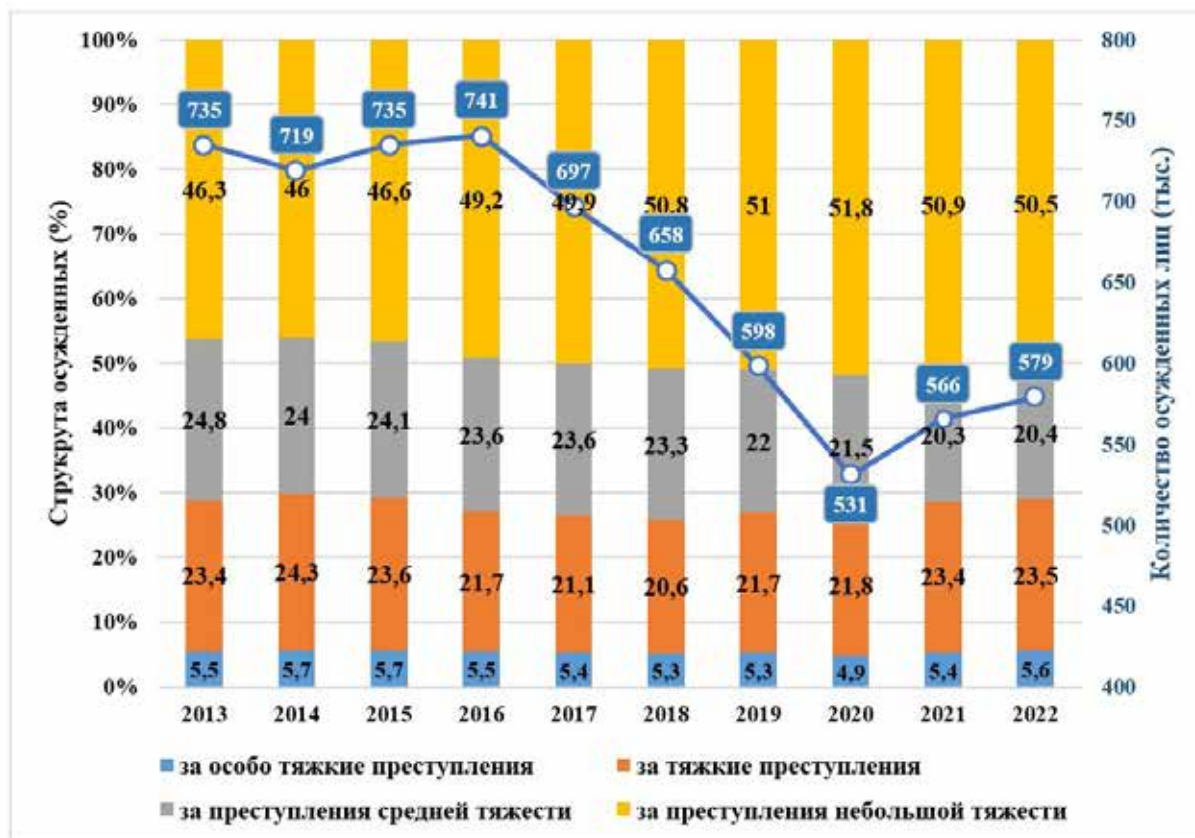
Кроме того, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наибольшей популярностью в преступной среде обладает такой объект охра-

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России 2007–2022 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.02.2024).

Диаграмма 1

Количество осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам (тыс.);
структура осужденных в зависимости от категории преступления (%) (2013–2022)

ны, как отношения собственности, и, несмотря на снижение числа осужденных (на 97,8 тыс.), равно как и снижение удельного веса данных лиц на 4,7 %, общее число осужденных за преступления против собственности остается значительным — 227,8 тыс. в 2022 г. (из них 166 тыс. — за кражу).

Во-вторых, наиболее стабильным (с точки зрения удельного веса) является число осужденных за преступления против здоровья населения и общественной нравственности, поскольку снижение количества осужденных на 38,1 тыс. составляет снижение их удельного веса в общей массе осужденных лишь на 2,4 %; 72,7 тыс. лиц осуждено по ст. 228–228.2, 234 Уголовного кодекса Российской Федерации² при 101,2 тыс. осужденных по данным статьям в 2012 г.

В-третьих, несколько более существенные изменения произошли в части осуждения за преступления против жизни и здоровья: фактически двукратное снижение числа осужденных (62,6 тыс. лиц), в разрезе удельного веса интерпретируемое как снижение на 6,3 %.

В-четвертых, наиболее существенные изменения наблюдаются в части числа осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: четырехкратный рост числа осужденных (на 48,6 тыс.), что, с учетом общего снижения числа осужденных, привело к росту удельного веса таких осужденных в общей массе с 2,1 до 11,1 %. Характерно, что по ст. 264 УК РФ также наблюдается снижение числа осужденных с 15,3 тыс. в 2013 г. до 8,4 тыс. в 2022 г.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Диаграмма 2

Динамика удельного веса осужденных в зависимости от объекта посягательства (%) (2013–2022)

За рамками указанной диаграммы остались менее «популярные» среди преступников деяния — против семьи и несовершеннолетних. Число осужденных за наказуемые в рамках ст. 150–157 УК РФ деяния снизилось с 63,3 тыс. до 50,5 тыс. (20,2 %), что в контексте удельного веса характеризуется уже как небольшой рост: с 8,6 до 8,7 %.

В негативном плане можно охарактеризовать динамику преступлений против порядка управления, поскольку снижение числа осужденных за период с 2013 по 2022 г. составило всего 2,2 тыс. (по итогам 2022 г. осужденных по ст. 317–330.2 УК РФ — 35,8 тыс.); как следствие, удельный вес таких осужденных в общей массе вырос с 5,2 до 6,2 %.

Равным образом требует отдельного рассмотрения динамика осужденных за не столь распространенные преступления, которая свидетельствует о необходимости обращения на нее пристального внимания.

Во-первых, за анализируемый период наблюдается существенный рост осужденных за преступления против половой неприкосновен-

ности и половой свободы личности: с 5,6 тыс. в 2013 г. до 7,6 тыс. в 2022 г.

Во-вторых, еще более впечатляющая негативная динамика обнаруживается с учетом осужденных за преступления в сфере экономической деятельности: в 2013 г. — 3,7 тыс., в 2022 г. — 9,8 тыс.

В-третьих, не менее настораживающими выглядят данные о числе осужденных за преступления против правосудия: 7,2 тыс. в 2013 г. и 13,5 тыс. в 2022 г.

2. Общая характеристика и особенности осужденных (количество, социальная принадлежность, возрастной состав, семейное состояние, наличие судимости, состояние алкогольного опьянения)

Дав краткую общую характеристику совершенных в России преступлений, представляется возможным обратиться к вопросу о лицах, их совершивших. Характеризуя осужденных лиц, стоит отметить, что не претерпело существенных изменений соотношение числа осужденных

в зависимости от пола: по-прежнему подавляющее большинство осужденных — мужчины (в 2013 г. — 85,1 %, в 2022 г. — 85,3 %; в среднем за анализируемый период — 85,9 %), 14 из 100 осужденных — женщины.

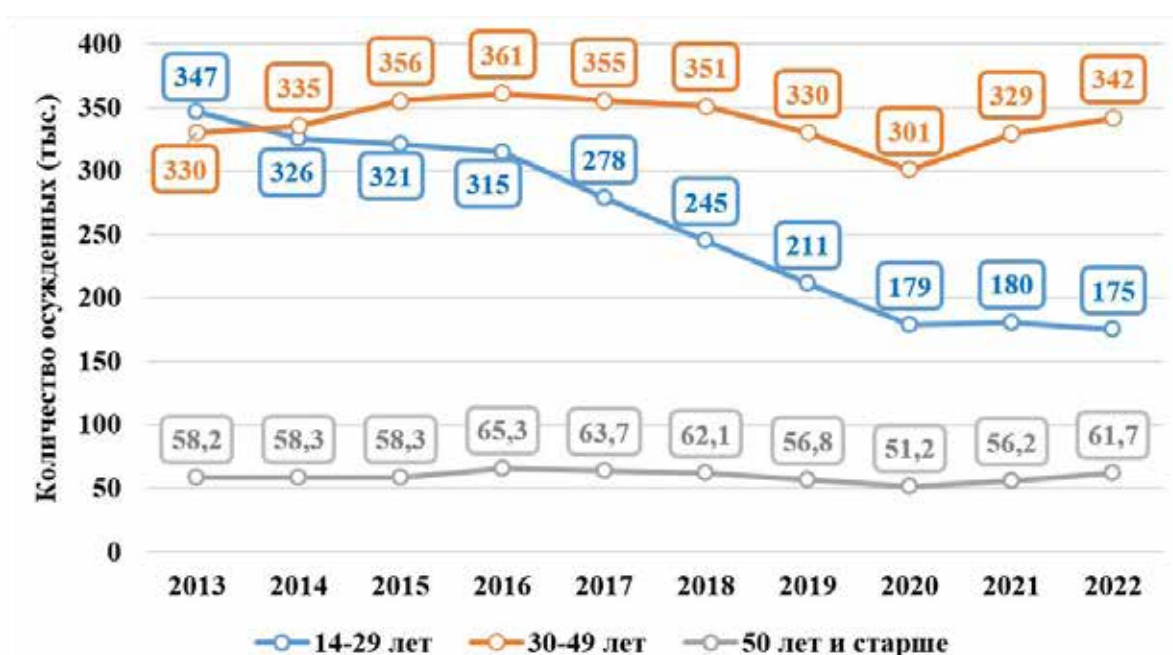
В части социальной принадлежности, как и ранее, большинство осуждаемых относятся к трудоспособным лицам без определенных занятий, при этом, несмотря на общее сни-

жение количества таких лиц с 456,2 тыс. в 2013 г. до 363,4 тыс. в 2022 г. (на 92,7 тыс.), с учетом общего снижения числа осужденных удельный вес данных лиц относительно стабилен и составляет 62,8 % в 2022 г. (в 2013 г. — 62 %).

Несколько более значительные изменения произошли в части возрастной характеристики осужденных (диаграмма 3).

Диаграмма 3

Динамика количества осужденных в зависимости от возраста (тыс.) (2013–2022)

Наибольшая стабильность наблюдается в самой возрастной категории осужденных: 58,2 тыс. осужденных в возрасте 50 лет и старше в 2013 г. и 61,7 тыс. в 2022 г. (в среднем 59,2 тыс. осужденных в год).

Разнонаправленная динамика наблюдается в части осужденных средней возрастной категории: при 330 тыс. осужденных в возрасте 30–49 лет в 2013 г. к 2016 г. их число увеличилось до 361 тыс., дальнейшие четыре года характеризовались снижением числа осужденных данной возрастной категории до 301 тыс. в 2020 г., после чего снова наметилась тенденция к росту.

Наиболее систематическое и существенное снижение наблюдается в части числа осужден-

ных в возрасте 14–29 лет. Так, с 347 тыс. таких осужденных в 2013 г. к 2022 г. их число уменьшилось вдвое — до 175 тыс.

С учетом существенного снижения общего числа осужденных представляется обоснованным обращение внимания на структуру осужденных лиц в зависимости от возраста (диаграмма 4).

Указанное выше существенное снижение числа осужденных в возрасте от 14 до 29 лет при росте числа более возрастных осужденных (30–49 лет) с 330,1 тыс. в 2013 г. до 341,8 тыс. в 2022 г. привело к значительному снижению удельного веса наиболее молодой возрастной категории в общем числе осужденных. Так, если

Диаграмма 4

Структура осужденных лиц по возрасту (%) (2013–2022)

в 2013 г. практически каждый второй осужденный был в возрасте 14–29 лет, то к 2022 г. — уже каждый третий.

С учетом общего снижения числа осужденных возрос удельный вес в общем числе осужденных не только лиц в возрасте 30–49 лет (с 44,9 до 59 %), но и лиц 50 лет и старше (с 7,9 до 10,7 %).

Представляется, что можно позитивно оценивать указанные данные, иллюстрирующие снижение числа лиц, встающих на преступный путь в молодом возрасте, отметив, что закономерным результатом является снижение числа находящихся в колониях для взрослых лиц, совершивших преступления в возрасте до 25 лет, более чем в два раза³, что также следует воспринимать положительно.

Вместе с тем стоит чуть подробнее остановиться на характеристике личности осужденных, совершающих преступление в возрасте 14–17 лет.

Так, подавляющее большинство таких лиц — мужчины (92,9 % в 2013 г., 91,4 % в 2022 г.); трое из десяти — в возрасте 14–15 лет (30,5 % в 2013 г., 28,9 % в 2022 г.), оставшиеся семь из десяти — 16–17 лет. Стабильно большое число таких несовершеннолетних осужденных — учащиеся (68,5 % в 2013 г. и 64,9 % в 2022 г.).

Позитивной оценки заслуживает факт снижения числа осужденных несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (с 4 378 в 2013 г. до 1 472 в 2022 г.), удельный вес среди несовершеннолетних осужденных по данному критерию снизился с 15 до 10,4 %.

Вызывает некоторую настороженность то, что каждый четвертый несовершеннолетний совершил преступление в группе, в том числе с участием взрослых (19,4 % в 2013 г., 21,5 % в 2022 г.). Данное обстоятельство важно ввиду как существенного значения (каждый пятый несовершеннолетний совершает преступление

³ Маслов В. А. Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах // Lex russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 1 (206). С. 80.

совместно со взрослым, что свидетельствует о передаче криминального опыта), так и пусть небольшой, но тем не менее негативной динамики роста удельного веса таких несовершеннолетних в общей массе осужденных несовершеннолетних, что в очередной раз свидетельствует о необходимости усиления ответственности в отношении взрослых за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий⁴.

Что касается личности несовершеннолетних осужденных, то здесь определенный интерес представляет характеристика семейного состояния как значимого фактора социализации и привития необходимых морально-нравственных черт и установок (диаграмма 5).

Подавляющее большинство осужденных несовершеннолетних (92,2 % по итогам 2022 г.) воспитывались в семье (как полной, так и с одним родителем).

Налицо не столь значительная, но тем не менее заслуживающая внимания тенденция увеличения удельного веса несовершеннолетних осужденных, воспитываемых в полной семье (4,5 %), и соразмерное уменьшение количества несовершеннолетних осужденных, воспитываемых вне семьи.

Можно говорить о двух взаимосвязанных причинах указанного: ключевой — совершенствовании работы с подопечными в специализированных воспитательных учреждениях для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения; второстепенной — недостатках воспитания в полных семьях, вызванных, в свою очередь, также рядом факторов и обстоятельств, в связи с чем в очередной раз стоит отметить исключительно значимую роль семьи в вопросах коррекции как допреступного⁵, так и постпреступного⁶ поведения несовершеннолетних.

Целесообразно рассмотреть также динамику привлечения к ответственности ранее судимых осужденных (имеющих неснятую или непогашенную судимость) (диаграмма 6).

Несмотря на снижение числа юридически ранее судимых осужденных на 27 тыс. (с 250 тыс. в 2013 г. до 223 тыс. в 2022 г.), с учетом общего снижения числа осужденных, удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 34 % в 2013 г. до 38,5 % в 2022 г.

Акцентируя внимание на негативной динамике роста удельного веса осуждаемых повторно, стоит напомнить и о том, что речь идет о юридически судимых — тех, у кого судимость не снята и не погашена, тогда как судимых с криминологической точки зрения (ранее совершавших преступления и (или) привлекавшихся к ответственности) намного больше. К примеру, следует привести данные ученых, указывающих, что каждый второй из числа лиц, совершивших преступления в 2015 г., ранее совершал преступления (552 582 человек, 52 %)⁷, отметив, что удельный вес осужденных, имеющих неснятую или непогашенную судимость за тот же период, — 32,7 %.

Данное обстоятельство предполагает необходимость актуализации вопросов должного пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия на осуждаемых лиц.

Обозначенная динамика во взаимосвязи с указанной чуть выше возрастной характеристикой осужденных может интерпретироваться как рост удельного веса осужденных в возрасте 30–49 лет, которые ранее уже были привлечены к уголовной ответственности.

Характерно и то, что количество осужденных, имеющих судимость и освобожденных от отбывания наказания условно-досрочно, уменьшилось с 38,4 тыс. в 2013 г. до 13 тыс. в 2022 г.,

⁴ Дикаев С. У., Дикаева М. С. Об уголовной политике реагирования на преступность несовершеннолетних в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 696.

⁵ Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 12.

⁶ Ковтуненко Л. В. Роль семьи в воспитании и ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 8 (219). С. 33.

⁷ Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2016. № 3. С. 43.

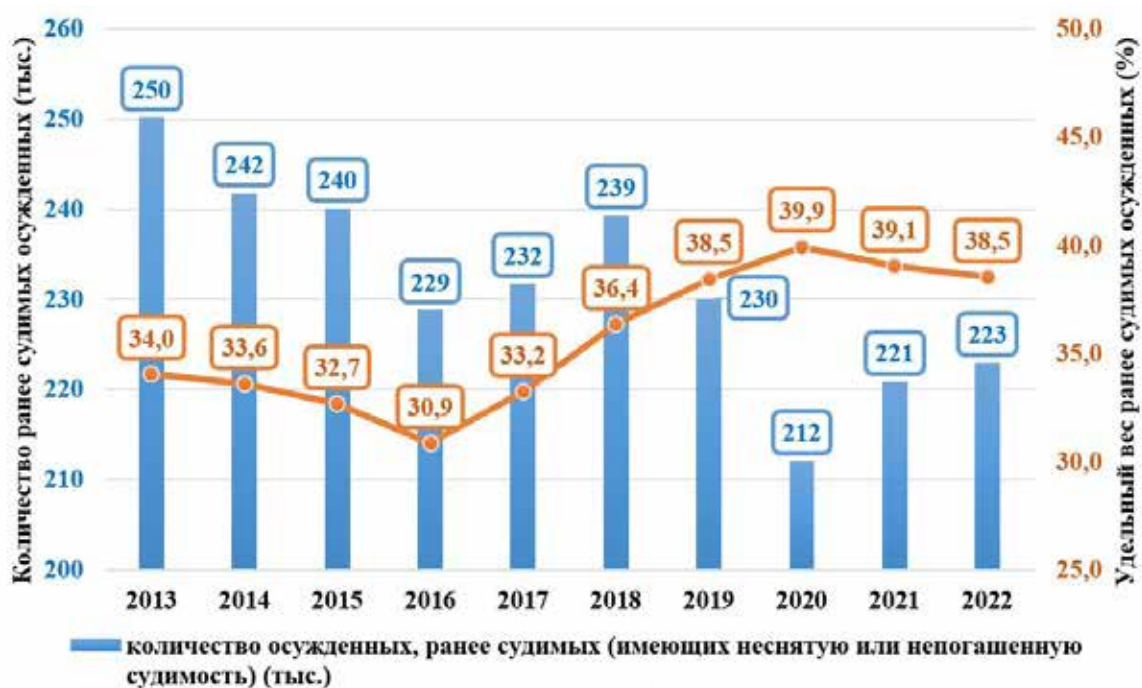
Диаграмма 5

Структура осужденных в возрасте 14–17 лет в зависимости от семейного состояния (%) (2013–2022)

Диаграмма 6

Динамика количества ранее судимых осужденных (имеющих неснятую или непогашенную судимость) (тыс.); удельный вес ранее судимых осужденных (имеющих неснятую или непогашенную судимость) (%) (2013–2022)

удельный вес таких лиц от общего числа осужденных снизился на 9,3 % (с 15,4 % в 2013 г. до 6,1 % в 2022 г.) (диаграмма 7).

Указанные данные вполне можно интерпретировать как повышение эффективности института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и решение (в некоторой степени) проблем правоприменительного толка, свойственных данному институту в начале 2010-х гг.⁸, хотя и исследования последних лет обращают внимание на «произвольное толкование и применение норм об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания»⁹.

сти распространения положений об условно-досрочном освобождении на иные (помимо лишения свободы) наказания (к примеру, исправительные и обязательные работы¹⁰).

В чем-то сходная тенденция прослеживается при рассмотрении сведений о количестве осужденных, ранее судимых (имеющих неснятую или непогашенную судимость), совершивших преступление, не отбыв условное осуждение (диаграмма 8).

Диаграмма наглядно показывает, что фактически каждый второй (47,9 %) из числа осужденных, совершивших преступление, не отбыв

Диаграмма 7

Динамика количества осужденных, ранее освобожденных условно-досрочно (тыс.); удельный вес осужденных, ранее освобожденных условно-досрочно, в общей массе ранее судимых осужденных (%) (2013–2022)

Представляется, что, с учетом указанной динамики, уместно вести речь о необходимости

наказание по предыдущему приговору, в 2013 г. не отбыл условное осуждение (48,8 тыс. осуж-

⁸ Макарова О. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 75 ; Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 17.

⁹ Дроздов А. И., Орлов А. В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 164.

¹⁰ Князьков А. С. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 67.

Диаграмма 8

Динамика количества осужденных, совершивших преступление, не отбыв условное осуждение (тыс.); удельный вес данных лиц в числе осужденных, совершивших преступление, не отбыв наказание по предыдущему приговору (%) (2013–2022)

денных). К 2022 г. таких осужденных стало меньше на 21,8 тыс., а их доля в общем числе совершивших преступление, не отбыв наказание по предыдущему приговору, составила 26 %.

Демонстрируемая динамика, на наш взгляд, свидетельствует о повышении эффективности института условного осуждения.

Известная со времен появления алкоголя проблема преступности, совершаемой лицами, находящимися под воздействием этилового спирта (этанола), предполагает необходимость рассмотрения динамики осужденных, совер-

шивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (диаграмма 9).

Не приходится говорить о том, что проблема взаимосвязи употребления алкоголя и совершения преступления (как отмечают исследователи, «пьянство и алкоголизм остаются негативными социальными явлениями, питающими преступность и входящими в качестве элементов в причинный комплекс преступности»¹¹) разрешена, поскольку по-прежнему большое число осужденных совершили преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения (146 тыс. в

¹¹ *Ендольцева А. В., Никитин А. М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. 2013. № 13. С. 30.

Диаграмма 9

Динамика количества осужденных, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения (тыс.); удельный вес осужденных, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в общей массе осужденных (%) (2013–2022)

2022 г.). При этом следует констатировать разнонаправленную динамику в части как абсолютных, так и относительных показателей: рост с 2013 по 2016 г. (на 74 тыс. осужденных), сменяющийся существенным снижением вплоть до уже указанных 146 тыс. Характерно и то, что, с учетом общего снижения числа осужденных, удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в общей массе осужденных, возрос до 25,2 % (в 2013 г. — 23,8 %).

Справедливости ради нужно сказать, что острота данной проблемы несколько уменьшилась по сравнению с пиковыми показателями 2016 г., когда было осуждено 249 тыс. лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, а удельный вес таких лиц составлял

33,6 %, когда фактически каждое третье преступление совершалось вследствие (или по крайней мере с некоторой степенью значимости факта воздействия этилового спирта на человека в причинном комплексе индивидуального преступного поведения) употребления алкогольных напитков. Однако даже четверть таковых осужденных всё еще является обстоятельством, требующим самого пристального внимания со стороны государства, особенно с учетом того, что по-прежнему несоразмерно низким остается число назначаемого осужденным в рамках ст. 73 УК РФ лечения от алкогольной зависимости (1 518 в 2013 г. и 1 142 в 2022 г.), что составляет 0,2 % от общего числа осужденных лиц, в связи с чем, возможно, стоит обратить особое внимание на исследования, утверждающие

необходимость разработки «недобровольных форм оказания помощи больным алкоголизмом»¹².

Сказанное актуально еще и постольку, поскольку в ряде регионов России ситуация с совершением преступлений лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, на порядок хуже, нежели в среднем по стране. Так, к примеру, в Республике Татарстан удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в среднем за период с 2013 по 2017 г. составлял 34,8 % (в 2013 г. —

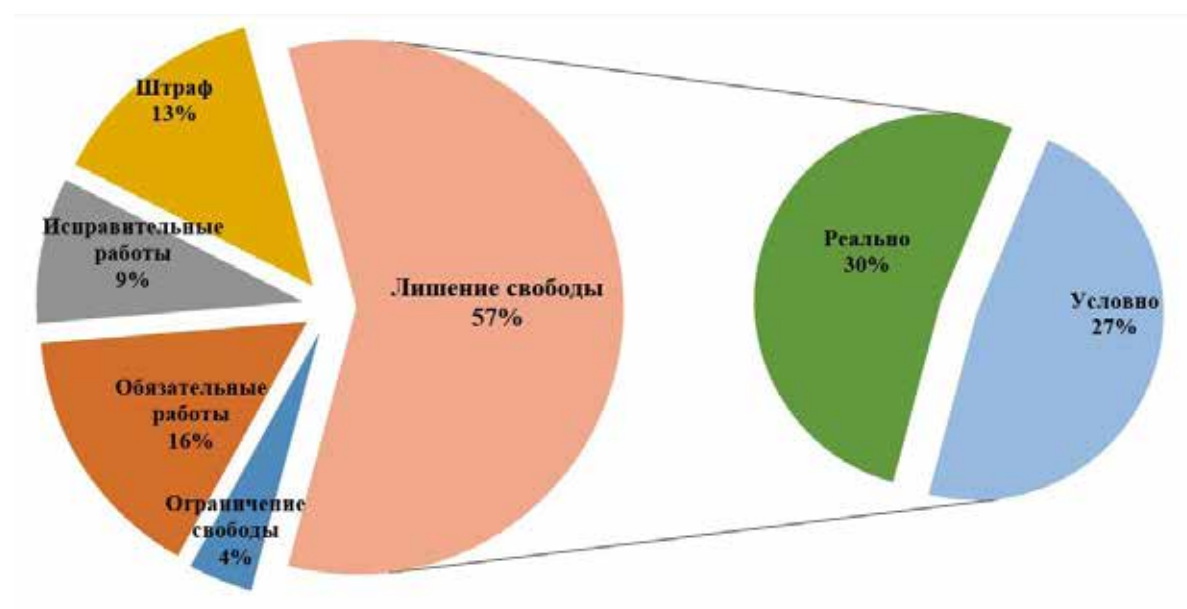
27,9 %, в 2014 г. — 34,1 %, в 2015 г. — 33,9 %, в 2016 г. — 38,7, в 2017 г. — 35,8 %¹³), в то же время указанный показатель по Российской Федерации был лишь 28,2 %.

3. Назначаемые наказания и иные меры уголовно-правового характера

Несколько слов следует сказать о структуре назначаемых осужденным наказаний (диаграмма 10).

Диаграмма 10

Структура назначаемых наказаний (2022 г.) (%)

Уточним, что на диаграмме представлены наиболее распространенные наказания. Не включены условное осуждение (за исключением назначаемого к лишению свободы), а также такие наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинар-

ной части, принудительные работы, в сумме в общем количестве назначенных наказаний составляющие 2,7 %.

Указанная структура наводит на мысль о том, что потенциал некоторых наказаний не реализуется в полной мере (например, ограничения свободы), что важно, поскольку исследователи, отмечая необходимость модернизации системы

¹² Клименко Т. В., Козлов А. А., Романов А. А. Оптимизация комплексной системы мер профилактики правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, за счет расширения форм недобровольного лечения осужденных // Вопросы наркологии. 2015. № 1. С. 100.

¹³ Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 5. С. 44.

наказаний «с особым вниманием к альтернативным санкциям»¹⁴, говорят и о том, что подобные редко применяемые на практике наказания в большей степени направлены на «гуманизацию пенитенциарной политики»¹⁵.

Констатируя продолжающееся доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний¹⁶, отметим, что по-прежнему треть наказаний в виде лишения свободы назначается условно. Факт, на первый взгляд, несоразмерно частого применения условного осуждения может быть объяснен среди прочего и тем, что «суровое уголовное наказание если и оказывает, то незначительное влияние на уровень преступности и производит небольшой превентивный эффект. В то же время наказание в виде лишения свободы имеет значительные отрицательные последствия»¹⁷. С учетом отмеченной выше позитивной динамики осуждения после применения к лицу условного осуждения стоит считать обоснованной широкую распространенность такого снисхождения к виновным.

Признавая ситуацию с основными видами наказания относительно стабильной, необходимо отметить две характерные тенденции в части

динамики назначения осужденным дополнительных наказаний.

Во-первых, кратно возросло число применения конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ): если в 2013 г. было лишь 920 данных фактов, то в 2022 г. таковых уже 4 195. Как следствие, удельный вес числа осужденных, к которым применялась конфискации имущества, вырос с 0,1 до 0,7 %. При этом 60 % назначения конфискации имущества (2 518 фактов) относится к осужденным за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (ст. 228–234.1 УК РФ), тогда как и на международном уровне (ст. 31 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции¹⁸), и доктринально установлена высокая эффективность конфискации имущества прежде всего для коррупционной и организованной преступности¹⁹, причем намного чаще говорят о необходимости ее «возрождения» в исходной форме — в виде наказания²⁰.

Представляется, что более масштабному (и, наверно, обоснованному) расширению практики применения этой меры препятствуют заложенная законодателем диспозитивность²¹,

¹⁴ Уткин В. А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 121.

¹⁵ Антонян Е. А. Вопросы гуманизации исполнения наказаний в России и в зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4 (13). С. 287.

¹⁶ Маслов В. А. Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3 (148). С. 131–145.

¹⁷ Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 253.

¹⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹⁹ Зорькин В. Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7 (187). С. 19; Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55). С. 175.

²⁰ Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 121; Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 2 (277). С. 20; Романовский Г. Б. Проблемы противодействия коррупции: право и криминология // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 4 (12). С. 69.

²¹ Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 175–190.

а также ограниченность применения конфискации имущества конкретным перечнем статей Особенной части УК РФ, о необходимости расширения²² которого (а то и вовсе исключения данного перечня и признания возможности назначения конфискации за совершение любого преступления²³) также справедливо говорят исследователи.

Во-вторых, наиболее масштабными — как в абсолютных показателях, так и в переводе на удельный вес в общем количестве осужденных — выглядят показатели назначения осужденным наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (диаграмма 11).

Диаграмма 11

Динамика количества назначения осужденным наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (тыс.); удельный вес количества осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, в общем числе осужденных (%) (2013–2022)

²² Адоевская О. А. О проблеме унификации международных, зарубежных и национальных норм о борьбе с коррупцией // Уголовное право. 2013. № 3. С. 94 ; Волков К. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия коррупционным преступлениям // Российский следователь. 2011. № 15. С. 7.

²³ Векленко С. В., Карпов К. Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 25 ; Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 243.

Столь значительный рост с 2016 г. обусловлен неоднозначно воспринятой в доктрине уголовного права криминализацией с 1 июля 2015 г. нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию²⁴. Осуждение по данной норме привело к росту числа лиц (некоторые авторы характеризуют таких лиц как имеющих «значительный криминогенный потенциал»²⁵), которым назначается наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью с 12,2 тыс. в 2013 г. до 69 тыс. в 2022 г. (росту удельного веса этого вида наказания в общем числе применяемых мер с 1,7 до 12,2 %).

С одной стороны, стоит признать, что уголовное законодательство традиционно считалось оплотом борьбы с деяниями наиболее общественно опасными и, как следствие, требующими принятия наиболее суровых, не свойственных иным видам юридической ответственности правоограничительных мер (неоспоримо обладающих карательным характером²⁶). Именно отсутствие элемента кары в данном наказании²⁷ дает основание авторам говорить о необходимости исключения лишения указанного права из системы уголовных наказаний, предусмотрев его как установленную законом меру безопас-

ности²⁸. В этой части тенденция расширения практики назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью может интерпретироваться как неоправданное расширение границ действия уголовного закона (сближение с административно-деликтным законодательством, которому также присуща данная мера воздействия), отступление от концепции «маленького, но жесткого» уголовного закона, особенно с учетом того факта, что самим осужденным эта мера нередко не воспринимается как наказание²⁹, а ее исполнение осуществляется в условиях правовой неурегулированности мер воздействия при уклонении осужденного от исполнения вышеупомянутого наказания³⁰.

С другой стороны, признавая общность отраслей уголовного и административного права как отраслей публичного права, регулирующих (охраняющих) наиболее значимые общественные отношения, стоит отметить отсутствие объективной возможности (как и необходимости) разграничения предметов ведения административного и уголовного права (в том числе преступлений и правонарушений) при большом количестве деяний, общественная опасность (вредность) которых «погранична». Кроме того, следует помнить и о превентивной составляю-

²⁴ Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2015. № 1. 12 января.

²⁵ Пичугин С. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы нормативной регламентации и правоприменительной практики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 11 (234). С. 23.

²⁶ Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 91.

²⁷ Мирошниченко Н. В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 56.

²⁸ Уткин В. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 61.

²⁹ Звонов А. В. Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 84.

³⁰ Габараев А. Ш., Питкевич Л. П., Тимофеева Т. Н. Вопросы правового и организационного совершенствования порядка исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 92.

щей данного наказания, поскольку, как справедливо отмечают авторы, весьма эффективно с точки зрения частной превенции исключение осужденного из сферы прежней деятельности, которая использовалась им в антиобщественных целях³¹.

Вместе с тем нужно принимать во внимание и то, что увеличение числа назначений этого вида наказания требует правового и организационного совершенствования рассматриваемого наказания, в том числе ввиду «увеличения уровня повторной преступности среди рассматриваемой (речь идет о ст. 264.1 УК РФ. — В. М.) категории осужденных»³².

Заключение

С учетом имеющихся эмпирических данных и доктринальных точек зрения можно сделать следующие выводы:

1. В части общей характеристики и особенностей совершаемых деяний, характеризуя положительно динамику снижения числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за период с 2013 по 2022 г. (на 156 тыс., или 21,2 %), стоит обратить внимание на увеличение числа привлекаемых к ответственности с 2020 г. (на 48 тыс. по состоянию на 2022 г.), а также рост удельного веса осуждаемых за тяжкие и особо тяжкие преступления в общем количестве осужденных (особенно за период 2018–2022 гг.).

2. В части общей характеристики и особенностей осужденных:

— во-первых, подавляющее большинство осужденных — мужчины (в 2013 г. — 85,1 %, в 2022 г. — 85,3 %, в среднем за анализируемый период — 85,9 %); 14 из 100 осужденных — женщины; большинство осужденных — трудоспособные лица без определенных занятий, при этом, несмотря на общее снижение количества таких лиц на 92,7 тыс., их удельный вес относи-

тельно стабилен и составляет 62,8 % в 2022 г. (в 2013 г. — 62 %);

— во-вторых, наблюдается увеличение удельного веса несовершеннолетних осужденных, воспитываемых в полной семье (4,5 %), и соразмерное уменьшение несовершеннолетних осужденных, воспитываемых вне семьи. Можно предположить, что ключевой причиной является совершенствование работы с подопечными в специализированных воспитательных учреждениях для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения;

— в-третьих, не теряет остроты проблема преступности лиц, привлекавшихся ранее к уголовной ответственности, поскольку удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 34 % в 2013 г. до 38,5 % в 2022 г.;

— в-четвертых, можно констатировать высокую эффективность (по крайней мере в сравнении с 2013 г.) применения норм институтов условно-досрочного освобождения от наказания и условного осуждения;

— в-пятых, проблема взаимосвязи употребления алкоголя и совершения преступлений должна оставаться в поле зрения, поскольку по состоянию на 2022 г. 146 тыс. лиц совершили преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения (удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в общей массе осужденных увеличился, при этом по-прежнему несоразмерно низким остается число назначаемого осужденным в рамках ст. 73 УК РФ лечения от алкогольной зависимости (0,2 % от общего числа осужденных лиц).

3. В части назначаемых мер воздействия:

— во-первых, стоит констатировать продолжающееся доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний, при этом по-прежнему треть назначаемых наказаний в виде лишения свободы — условные, что с учетом позитивной динамики осуждения после

³¹ Безручко Е. В. Основные направления совершенствования подсистемы альтернативных наказаний // Юрист-Правовед. 2017. № 3 (82). С. 75.

³² Питкевич Л. П. Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российский судья. 2021. № 11. С. 32.

применения к лицу условного осуждения следует считать обоснованным;

— во-вторых, признавая ситуацию с основными видами наказания относительно стабильной, нужно отметить две характерные тенденции в части динамики назначения осужденным дополнительных наказаний:

а) кратно возросло число применения конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) — представляется, что более масштабному (и, наверно, обоснованному) расширению практики применения данной меры по-прежнему препятствуют заложенная законодателем диспозитивность, а также ограниченность применения конфискации имущества конкретным перечнем статей Особенной части УК РФ;

б) наиболее масштабными как в абсолютных показателях, так и в переводе на удельный вес в общем количестве осужденных выглядят

показатели назначения осужденным лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, что обусловлено криминализацией с 1 июля 2015 г. нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Констатируя общность отраслей уголовного и административного права как отраслей публичного права, регулирующих (охраняющих) наиболее значимые общественные отношения, отмечая отсутствие объективной возможности (как и необходимости) разграничения предметов ведения административного и уголовного права (в том числе преступлений и правонарушений) при большом количестве деяний, общественная опасность (вредность) которых «погранична», стоит считать возросшую применяемость данного вида наказания обоснованной и соответствующей целям правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адоевская О. А. О проблеме унификации международных, зарубежных и национальных норм о борьбе с коррупцией // Уголовное право. — 2013. — № 3. — С. 91–96.
2. Антонян Е. А. Вопросы гуманизации исполнения наказаний в России и в зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 4 (13). — С. 278–287.
3. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2016. — № 3. — С. 40–49. — DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49.
4. Безручко Е. В. Основные направления совершенствования подсистемы альтернативных наказаний // Юрист-Правовед. — 2017. — № 3 (82). — С. 72–77.
5. Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 2 (28). — С. 119–124.
6. Векленко С. В., Карпов К. Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. — 2010. — № 1. — С. 20–26.
7. Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2008. — № 2 (277). — С. 1–21.
8. Волков К. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия коррупционным преступлениям // Российский следователь. — 2011. — № 15. — С. 5–9.
9. Габараев А. Ш., Питкевич Л. П., Тимофеева Т. Н. Вопросы правового и организационного совершенствования порядка исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 2. — С. 90–92.
10. Дикаев С. У., Дикаева М. С. Об уголовной политике реагирования на преступность несовершеннолетних в современной России // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 5. — С. 687–698. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).687-698.
11. Дроздов А. И., Орлов А. В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1 (86). — С. 158–165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.158-165.

12. *Ендольцева А. В., Никитин А. М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. — 2013. — № 13. — С. 27–30.
13. *Звонов А. В.* Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 4 (95). — С. 82–88.
14. *Зорькин В. Д.* Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. — 2012. — № 7 (187). — С. 18–20.
15. *Кашуба Ю. А., Скиба А. П.* Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 1 (72). — С. 14–17.
16. *Клименко Т. В., Козлов А. А., Романов А. А.* Оптимизация комплексной системы мер профилактики правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, за счет расширения форм недобровольного лечения осужденных // Вопросы наркологии. — 2015. — № 1. — С. 94–104.
17. *Князьков А. С.* Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 2 (16). — С. 63–69. — DOI: 10.17223/22253513/16/8.
18. *Ковтуненко Л. В.* Роль семьи в воспитании и ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. — № 8 (219). — С. 28–34.
19. *Козловская М. Г.* Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 2 (55). — С. 175–179. — DOI: 10.25513/1990-5173.2018.2.175-179.
20. *Кури Х., Ильченко О. Ю.* Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 2. — С. 240–256.
21. *Лаптев Д. Б., Федоров А. А.* Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
22. *Макарова О. В.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права. — 2014. — № 10 (214). — С. 72–78. — DOI: 10.12737/5777.
23. *Маслов В. А.* Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 3 (148). — С. 131–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
24. *Маслов В. А.* Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах // Lex russica (Русский закон). — 2024. — Т. 77. — № 1 (206). — С. 67–90. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090.
25. *Маслов В. А.* Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12 (145). — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
26. *Мирошниченко Н. В.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. — 2014. — № 1. — С. 51–56.
27. *Питкевич Л. П.* Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российский судья. — 2021. — № 11. — С. 30–32. — DOI: 10.18572/1812-3791-2021-11-30-32.
28. *Пичугин С. А.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы нормативной регламентации и правоприменительной практики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2021. — № 11 (234). — С. 16–24. — DOI: 10.51522/2307-0382-2021-234-11-16-24.
29. *Романовский Г. Б.* Проблемы противодействия коррупции: право и криминология // Наука. Общество. Государство. — 2015. — Т. 3. — № 4 (12). — С. 66–71.
30. *Уткин В. А.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 3 (82). — С. 58–61.
31. *Уткин В. А.* Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 4 (25). — С. 117–121.

32. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2018. — Т. 3. — № 5. — С. 39–47.
33. Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. — 2019. — № 1 (38). — С. 84–96.
34. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 1 (50). — С. 1–14.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Adoevskaya O. A. O probleme unifikatsii mezhdunarodnykh, zarubezhnykh i natsionalnykh norm o borbe s korruptsiyey // Uголовное право. — 2013. — № 3. — С. 91–96.
2. Antonyan E. A. Voprosy gumanizatsii ispolneniya nakazaniy v Rossii i v zarubezhnykh stranakh // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2009. — № 4 (13). — С. 278–287.
3. Afanaseva O. R., Goncharova M. V. Kriminologicheskii portret lichnosti prestupnika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya». — 2016. — № 3. — С. 40–49. — DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49.
4. Bezruchko E. V. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya podsystemy alternativnykh nakazaniy // Yurist-Pravoved. — 2017. — № 3 (82). — С. 72–77.
5. Burkina O. A., Ustinov A. A. Konfiskatsiya imushchestva kak mera protivodeystviya korruptsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2015. — № 2 (28). — С. 119–124.
6. Veklenko S. V., Karpov K. N. Konfiskatsiya imushchestva: protivorechiya zakonodatelstva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2010. — № 1. — С. 20–26.
7. Volzhenkin B. V. Zagadki konfiskatsii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2008. — № 2 (277). — С. 1–21.
8. Volkov K. A. Uголовно-правовые проблемы противodeystviya korruptsionnym prestupleniyam // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 15. — С. 5–9.
9. Gabaraev A. Sh., Pitkevich L. P., Timofeeva T. N. Voprosy pravovogo i organizatsionnogo sovershenstvovaniya poryadka ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2020. — № 2. — С. 90–92.
10. Dikaev S. U., Dikaeva M. S. Ob uголовной politike reagirovaniya na prestupnost nesovershennoletnikh v sovremennoy Rossii // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2020. — Т. 14. — № 5. — С. 687–698. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).687-698.
11. Drozdov A. I., Orlov A. V. Aktualnye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 1 (86). — С. 158–165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.158-165.
12. Endoltseva A. V., Nikitin A. M. Pyanstvo, ego istoki i kriminologicheskaya sushchnost // Rossiyskiy sledovatel. — 2013. — № 13. — С. 27–30.
13. Zvonov A. V. Soderzhanie kary uголовного nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu: kratkiy obzor // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2016. — № 4 (95). — С. 82–88.
14. Zorkin V. D. Korruptsiya kak ugroza stabilnomu razvitiyu obshchestva // Zhurnal rossijskogo prava. — 2012. — № 7 (187). — С. 18–20.
15. Kashuba Yu. A., Skiba A. P. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: novyy vzglyad // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2011. — № 1 (72). — С. 14–17.
16. Klimenko T. V., Kozlov A. A., Romanov A. A. Optimizatsiya kompleksnoy sistemy mer profilaktiki pravonarusheniy, sovershennykh v sostoyanii alkogolnogo opyaneniya, za schet rasshireniya form nedobrovolnogo lecheniya osuzhdennykh // Voprosy narkologii. — 2015. — № 1. — С. 94–104.

17. Knyazkov A. S. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: problemy i tendentsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2015. — № 2 (16). — S. 63–69. — DOI: 10.17223/22253513/16/8.
18. Kovtunen L. V. Rol semi v vospitanii i resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. — 2020. — № 8 (219). — S. 28–34.
19. Kozlovskaya M. G. Opyt borby s organizovannoy prestupnostyu v Gruzii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2018. — № 2 (55). — S. 175–179. — DOI: 10.25513/1990-5173.2018.2.175-179.
20. Kuri Kh., Ilchenko O. Yu. Effektivnost nakazaniya: rezultaty mezhdunarodnykh issledovaniy // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. — 2013. — № 2. — S. 240–256.
21. Laptev D. B., Fedorov A. A. Sovershenstvovanie instituta konfiskatsii imushchestva na osnove opyta zarubezhnykh stran // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 477. — S. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
22. Makarova O. V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya i ego primeneniye // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 10 (214). — S. 72–78. — DOI: 10.12737/5777.
23. Maslov V. A. Dominirovanie lisheniya svobody v strukture naznachayemykh nakazaniy: problemy pravoprimeritelnoy praktiki // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 3 (148). — S. 131–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
24. Maslov V. A. Ofitsialnaya statistika i otsenka sostoyaniya borby s prestupnostyu v 2012–2022 godakh // Lex russica (Russkiy zakon). — 2024. — T. 77. — № 1 (206). — S. 67–90. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090.
25. Maslov V. A. Effektivnost konfiskatsii imushchestva v kontekste ofitsialnoy statistiki // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 12 (145). — S. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
26. Miroshnichenko N. V. Lisheniye prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu // Ugolovnoye pravo. — 2014. — № 1. — S. 51–56.
27. Pitkevich L. P. Ugolovnoye nakazanie v vide lisheniya prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 11. — S. 30–32. — DOI: 10.18572/1812-3791-2021-11-30-32.
28. Pichugin S. A. Lisheniye prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu: voprosy normativnoy reglamentatsii i pravoprimeritelnoy praktiki // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. — 2021. — № 11 (234). — S. 16–24. — DOI: 10.51522/2307-0382-2021-234-11-16-24.
29. Romanovskiy G. B. Problemy protivodeystviya korruptsii: pravo i kriminologiya // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. — 2015. — T. 3. — № 4 (12). — S. 66–71.
30. Utkin V. A. Lisheniye prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu: ugolovnoye nakazanie ili mera bezopasnosti? // Chelovek: prestupleniye i nakazanie. — 2013. — № 3 (82). — S. 58–61.
31. Utkin V. A. Ugolovnye nakazaniya v Rossii: penalizatsiya i sudebnaya praktika // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2015. — № 4 (25). — S. 117–121.
32. Shalagin A. E., Grebenkin M. Yu. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniye prestupleniy, sovershennykh v sostoyanii alkogolnogo opyaneniya // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — T. 3. — № 5. — S. 39–47.
33. Shesler A. V. Pochemu ugolovnoye nakazanie dolzhno byt karoy // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2019. — № 1 (38). — S. 84–96.
34. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Lichnost prestupnika i ee formirovaniye // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2015. — № 1 (50). — S. 1–14.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.162-179

П. А. Скобликов*

Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства

Аннотация. Разобраны итоги применения ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, отраженные в судебной статистике в целом по России, сформулированы предложения по улучшению форм статистического учета в этой части. Представлены и систематизированы результаты выборочного анализа итоговых судебных постановлений, вынесенных по делам об административных правонарушениях, состоящих в публичном демонстрировании либо пропаганде нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, а равно иных атрибутики, символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. Отмечены пробелы и противоречия в законодательстве по вопросам ответственности за указанные публичное демонстрирование и пропаганду, показано, как эти недостатки проявляют себя в конкретных судебных делах. Описаны и обобщены места и предметы совершения противоправных действий в попавших в выборку делах, изложены обоснования судов (либо зафиксировано отсутствие обоснований) при отнесении этих предметов к запрещенной символике или атрибутике. Проанализированы практикуемые судами подходы к изучению и учету субъективной стороны деяний, квалифицированных по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ. Сделан вывод, что, как правило, суды уклоняются от определения формы вины лиц, которым назначают наказания, не устанавливая мотивы деяния. Обобщена отраженная в изученных судебных актах логика назначения наказаний за названные деяния, обоснованы предложения по корректировке предусмотренных в законе размера и видов наказания. На основе эмпирического материала рассмотрены отдельные проблемы оказания юридической помощи лицам, привлеченным к ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, а также затронуты вопросы иных, помимо собственно наказаний, юридических последствий для тех, кто был признан виновным.

Ключевые слова: нацистская атрибутика; нацистская символика; атрибутика экстремистской организации; символика экстремистской организации; предупреждение экстремизма; противодействие экстремизму; ст. 20.3 КоАП РФ; символика и атрибутика АУЕ; административная преюдиция; предмет административного правонарушения; малозначительность административного правонарушения.

© Скобликов П. А., 2025

* Скобликов Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН
Знаменка ул., д. 10, г. Москва, Российская Федерация, 119019
skoblikov@list.ru

Для цитирования: Скобликов П. А. Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 162–179. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.162-179.

Countering Nazism and Extremism: A Selective Study of Judicial Practice under Part 1 of Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the Context of Current Legislation

Petr A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Sector for Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
skoblikov@list.ru

Abstract. The paper analyzes the results of the application of Part 1 of Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, reflected in judicial statistics in Russia as a whole, and makes proposals to improve the forms of statistical accounting in this part. The paper presents and systematizes the results of a selective analysis of final court decisions issued in cases of administrative offenses involving the public display or propaganda of Nazi emblems or symbols, or emblems or symbols similar to Nazi ones to the point of confusion, or emblems or symbols of extremist organizations, as well as other emblems, symbols, propaganda or public display of which are prohibited by federal laws. The gaps and contradictions in the legislation on issues of liability for the said public demonstration and propaganda are noted, and it is shown how these shortcomings manifest themselves in specific court cases. The locations and objects of illegal actions in the cases included in the sample are described and summarized, and the courts' justifications (or the lack of justification) for classifying these objects as prohibited symbols or attributes are presented. The approaches used by the courts to the study and consideration of the subjective side of acts qualified under Part 1 of Article 20.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are analyzed. It was concluded that, as a rule, courts avoid determining the form of guilt of persons to whom punishment is assigned and do not establish the motives for the act. The logic of sentencing for the acts in question, reflected in the studied judicial acts, is summarized, and proposals for adjusting the amount and types of punishment provided for in the law are substantiated. Based on empirical material, individual problems of providing legal assistance to persons held liable under Part 1 of Article 20.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are examined, and issues of other legal consequences for those found guilty, in addition to the actual punishments, are also touched upon.

Keywords: Nazi attributes; Nazi symbols; extremist organization attributes; symbols of an extremist organization; prevention of extremism; counteraction to extremism; Art. 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; AUE symbols and attributes; administrative prejudice; subject of an administrative offense; insignificance of an administrative offense.

Cite as: Skoblikov PA. Countering Nazism and Extremism: A Selective Study of Judicial Practice under Part 1 of Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the Context of Current Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):162-179. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.162-179.

Введение

К задачам законодательства об административных правонарушениях отнесены защита

от таких правонарушений и их предупреждение¹. Согласно ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики

¹ См.: ст. 1.2 КоАП РФ.

или символики, сходных с нацистской до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, а равно иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, являются административным правонарушением, если эти действия (бездействие) не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. За совершение такого административного правонарушения предусмотрены следующие наказания: для граждан — административный штраф в размере от 1 тыс. до 2 тыс. руб. либо административный арест на срок до 15 суток, в обоих случаях с конфискацией предмета административного правонарушения; для должностных лиц — административный штраф в размере от 1 тыс. до 4 тыс. руб. с конфискацией предмета административного правонарушения; для юридических лиц — административный штраф в размере от 10 тыс. до 50 тыс. руб. также с конфискацией предмета административного правонарушения.

Часть 1 появилась в ст. 20.3 КоАП РФ в соответствии с положением Федерального закона от 04.11.2014 № 332-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»², и с того времени судебная статистика демонстрирует сначала резкий, а затем неуклонный и значительный рост числа выявленных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3 КоАП РФ, а также лиц, подвергнутых за них наказанию.

1. Отражение практики применения

ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в судебной статистике

В 2014 г. в целом по России в суды поступило 611 дел, в которых деяния лиц, привлеченных к ответственности, были квалифицированы по ст. 20.3 КоАП РФ. В результате рассмотрения дел 486 лиц признаны виновными и подвергнуты наказанию. В 2015 г. в суды поступило уже 1 460 дел³ (+200 %), в которых 1 202 лиц были подвергнуты наказанию. В 2017 г. эти же показатели составили 2 068 дел (+41,6 %) и 1 665 лиц, в 2019 г. — 2 977 дел (+44 %) и 2 388 лиц соответственно, а в 2021 г. — 4 279 дел (+43,7 %) и 3 183 лиц⁴.

К сожалению, существующая судебная статистика не позволяет сформировать достаточно точное и полное представление о практике применения правоохранительными органами и судами ч. 1 ст. 20 КоАП РФ.

Действовавшие и действующие статистические формы не отражают, например, сведений о том, что явилось предметом правонарушения, кто принимал либо не принимал участие в рассмотрении дела (привлеченное к ответственности лицо и его защитник, прокурор, специалист, оперативный работник и т.д.), признал ли фигурант дела свою вину, установлены ли цель и мотивы деяния, какие обстоятельства суд счел смягчающими либо отягчающими ответственность, на какие правовые нормы и судебные акты ссылался суд, обосновывая свое постановление, какие доводы принял или не принял во внимание, чем мотивировал свою позицию и т.д. Почему так происходит? Тому есть несколько причин.

² СЗ РФ. 20.14. № 45. Ст. 6142.

Статья 20.3 КоАП РФ в первоначальной редакции и до принятия Закона от 04.11.2014 № 332-ФЗ не имела частей и предусматривала ответственность лишь за демонстрирование фашистской атрибутики или символики при условии, что демонстрирование осуществляется в целях пропаганды такой атрибутики или символики.

³ Здесь и далее приводятся статистические данные, которые почерпнуты нами на официальном сайте Верховного Суда РФ и обработаны в соответствии с нашими задачами. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.07.2024).

⁴ Выстроенный нами статистический ряд было бы логично завершить сведениями за 2023 г., но это невозможно по причине, которая будет раскрыта далее.

Во-первых, и это главное, судебная статистика, сколь ни была бы она совершенна, не в состоянии отразить все значимые параметры юридического дела. В противном случае количество лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, должно быть сопоставимо с теми, кто эту работу учитывает. Потребуется также другая, значительно более развитая и дорогостоящая, по сравнению с существующей, материальная база, качественно иное оснащение и подготовка тех, кто разрабатывает и корректирует вслед за изменением законодательства формы учета, фиксирует в соответствии с ними первичные данные, обрабатывает их, передает в вышестоящие подразделения, обобщает, хранит и предоставляет заинтересованным органам и лицам. Обусловленные этим новые и масштабные финансовые затраты бюджет любого государства не выдержит.

Во-вторых, в Отчете о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях по статистической форме № 1-АП⁵, которая использовалась в период с 2014 по 2022 гг., представлены лишь совокупные данные по применению ст. 20.3 КоАП РФ и игнорируется тот факт, что с конца 2014 г. эта статья содержит две части, которыми предусматриваются два однородных, но различных правонарушения⁶.

В-третьих, вместо того чтобы дифференцировать сведения по ч. 1 и ч. 2 ст. 20.3 КоАП РФ, было принято обратное решение — издан приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 18.05.2022 № 80⁷, которым, помимо прочего, сведения о применении ст. 20.3 КоАП РФ в указанном выше Отчете по форме № 1-АП объединяются (суммируются) со сведениями о применении ст. 20.3.1 КоАП РФ (по-

следней предусматривается ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Таким образом, *опираясь на судебную статистику, невозможно уяснить особенности практики привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ* (на что нацелено наше исследование), а также по ч. 2 ст. 20.3 либо по ст. 20.3.1 КоАП РФ даже по тем параметрам, которые в форме 1-АП фиксируются: статусу лиц, подвергнутых наказанию (юридические лица, должностные лица, индивидуальные предприниматели, иные физические лица); виду наказания, определенному судом для лиц, признанных виновными, и некоторым иным.

2. Эмпирическая база исследования

В сложившихся условиях, чтобы составить правильное представление о правоприменительной практике, исследователям и аналитикам необходимо обращаться к материалам соответствующих дел. *Наиболее информативным документом является итоговое постановление, выносимое судом первой инстанции* (ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ), в котором описывается фабула дела, отражаются позиции и аргументы участников судебного процесса, оцениваются представленные суду доказательства, обосновывается юридическая квалификация содеянного, решается вопрос о виновности/невиновности привлеченного к ответственности лица, о виде и размере наказания, наличии/отсутствии оснований для прекращения производства по делу и приводятся доводы в пользу принятого решения.

В рамках настоящего исследования были выбраны 10 итоговых постановлений, вынесенных

⁵ Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.06.2014 № 142, а затем приказом того же ведомства от 11.04.2017 № 65 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ В части 2 ст. 20.3 КоАП РФ предусмотрена ответственность за изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды атрибутики или символики, пропаганда или публичное демонстрация которых запрещены.

⁷ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 18.05.2022 № 80 «О внесении изменений в формы статистической отчетности о деятельности судов и судимости, утвержденные приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65» // СПС «КонсультантПлюс».

в конце 2023 г. по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ. В выборку попали постановления судов из следующих регионов России: Краснодарского, Приморского и Ставропольского краев, Республики Карелии, Республики Крым, Вологодской, Костромской, Московской, Оренбургской и Ульяновской областей. Выбирая данный период, автор стремился, с одной стороны, проанализировать свежую и актуальную практику, а с другой — охватить те постановления, которые прошли возможную проверку в судах апелляционной и кассационной инстанций. Для выявления искомых постановлений использовались ресурсы интернет-портала «Судебные акты РФ» и другие открытые интернет-ресурсы.

Помимо этого, была поставлена и решена следующая задача: отобрать, изучить и проанализировать решения судов вышестоящих инстанций в тех случаях, когда постановления судов первой инстанции, попавшие в выборку, опротестовываются или обжалуются.

Полученная выборка сравнительно небольшая, она не вполне отвечает требованиям репрезентативности; проведенное исследование вследствие этого было бы правильно охарактеризовать как пилотное⁸. С учетом его результатов в будущем возможно проведение более масштабного исследования, направленного на подтверждение полученных результатов и предложенных автором объяснений, прояснения вопросов, которые возникают в связи с полученными результатами⁹.

Вместе с тем характеристика данного исследования исключительно как пилотного будет

неточной. Относительно небольшой объем эмпирического материала позволил провести его всесторонний и глубокий анализ, что было бы затруднительно осуществить в случае масштабного исследования. Сделанные автором выводы о наличии определенных сложностей и изъянов в судебной практике достаточно прочны и могут быть верифицированы путем обращения к обнаруженным автором документам (на которые даются ссылки). Новые исследования, если они будут опираться на масштабную и репрезентативную выборку, способны более точно показать степень распространенности выявленных прецедентов, но вряд ли смогут опровергнуть их наличие, равно как и наличие в действующем законодательстве пробелов и коллизий, на которые автор указывает в связи с собранными эмпирическими данными.

В опубликованных научных трудах, посвященных теоретическим и практическим вопросам применения ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, неоднократно встречаются утверждения о том, что авторы провели анализ судебной практики, судебных материалов, а затем на их основе сделали обобщения и выводы¹⁰. Несмотря на это, ни в указанных, ни в иных изученных нами работах не приводятся данные о том, сколько и каких дел стали объектами внимания, в каких регионах и судах осуществлялось производство по делам, по какому принципу они отбирались, какие именно материалы авторами проанализированы, к какому периоду они относятся. Такой подход не позволяет верифицировать результаты исследований, снижает доверие к ним. Проблему не снимает приведение подробно-

⁸ Под пилотным исследованием обычно понимают относительно небольшое изыскание, проводимое перед основным, масштабным исследованием. Пилотное исследование позволяет решить ряд задач, в том числе уточнить и дополнить гипотезы, оценить временные, финансовые и иные затраты на исследование, выявить практические проблемы, которые невозможно обнаружить умозрительно, получить предварительные результаты и т.д.

⁹ Такое исследование потребует больше времени, поэтому оно будет уместно в рамках диссертационной работы или при грантовой поддержке исследователя.

¹⁰ См., например: *Яворский М. А.* Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: практические аспекты // *Право и образование.* 2017. № 6. С. 84–95 ; *Яворский М. А., Курушин С. А.* Противодействие административно наказуемому экстремизму: теоретические и практические аспекты (на примере пенитенциарных учреждений России) // *Правовая мысль.* 2021. № 1 (2). С. 52–53.

стей дел без указания их реквизитов и отсылки к изученным документам¹¹.

3. Основные гипотезы исследования

Отправной точкой нашего исследования послужил длинный ряд гипотез, основная часть которых состоит в следующем:

1) поскольку ответственность по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ возможна как с умышленной, так и с неосторожной формами вины¹², то мы предполагали, что многие судьи будут избегать конкретизации формы вины в итоговых постановлениях по делу, ограничиваясь констатацией ее наличия;

2) ввиду сложной конструкции ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, отсутствия у привлеченного к ответственности лица достаточно полной информации о последствиях признания его виновным, невозможности получить в дело защитника по назначению и других обстоятельств мы предполагали, что профессиональные юристы будут редко выступать в деле со стороны привлеченных к ответственности лиц;

3) так как в научных работах и в публичных выступлениях субъектов уголовной политики нередко происходит отождествление воровского преступного сообщества (самого крупного в России, имеющего самую давнюю историю среди ныне существующих криминальных формирований, представленного практически во всех регионах нашей страны)¹³ и международного общественного движения «АУЕ» (далее — МОД «АУЕ»), решением Верховного Суда РФ от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с признанного экстремистским, то мы предполагали, что лица, привлеченные к ответственности за публичное демонстрирование либо пропаганду символики или атрибутики МОД «АУЕ», составляют значительную долю в общей совокупности тех, кто привлекается к ответственности и подвергается наказанию в соответствии с ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ;

4) принимая во внимание, что в действующем законодательстве отсутствуют определения символики и атрибутики применительно к ст. 20.3 КоАП РФ¹⁴, мы предполагали, что, с одной стороны, суды будут испытывать сложности при различении предметов этих двух видов, а с другой — имеются предпосылки для

¹¹ Так, в одной из публикаций утверждается, что «в октябре 2014 г. участковым уполномоченным полиции ОМВД России по Иркутской области... в отношении осужденного П., отбывающего наказание в ИК ГУФСИН России по Иркутской области, был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ. В судебном заседании П. вину в совершении административного правонарушения признал полностью и суду пояснил, что татуировку сделал себе на свободе, будучи в несовершеннолетнем возрасте» (Яворский М. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: практические аспекты. С. 87–88). Однако в октябре 2014 г. статья 20.3 КоАП РФ еще не имела деления на части. Соответствующий закон вступил в силу лишь 16 ноября 2014 г.

¹² Вопрос об ответственности за неосторожные правонарушения законодатель в КоАП РФ решил иначе, чем в УК РФ. В Общей части УК РФ сформулировано правило, согласно которому ответственность за неосторожное деяние возможна лишь в случае, если эта форма вины специально предусмотрена соответствующей статьей Особенной части. В Общей части КоАП РФ подобного правила нет, и фактически там работает иное правило: если на это нет специального указания, предусмотренное Особенной частью КоАП РФ деяние может совершаться при вине как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

¹³ Об истории возникновения и дальнейшем развитии воровского преступного сообщества см., например: Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. С. 8–37 ; Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. С. 105–123, 166–171, 173–178 ; Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его основания, толкование и применение : монография М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 22–30.

¹⁴ В КоАП РФ не включены определения атрибутики и символики как предметов предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ правонарушения. Вместе с тем Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противо-

произвольного вменения либо освобождения от ответственности¹⁵;

5) учитывая существенные элементы неопределенности в диспозиции нормы, предусмотренной частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ, а также то, что суды поставлены перед выбором: определять в качестве наказания для физических лиц и индивидуальных предпринимателей административный штраф в незначительном размере¹⁶ или административный арест, — мы предполагали, что обнаружим непоследовательную и неоднозначную практику назначения административных наказаний, нарушения принципа справедливости.

4. Предмет правонарушения и места его экспонирования согласно попавшим в выборку делам

В соответствии с диспозицией нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, предметом предусмотренного ею нарушения в самом общем виде могут быть: 1) запрещенная символика, 2) запрещенная атрибутика.

Ровно в половине изученных нами итоговых постановлений по делу суды квалифицировали предметы правонарушения как символику. В одном деле суд расценил предмет правонарушения в качестве атрибутики. Еще в одном деле суд счел предметы правонарушения (их было несколько) символикой и атрибутикой (в судеб-

действии экстремистской деятельности» (СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031) содержит определение символики экстремистской организации. Ею законодатель счел ту символику, «описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности». Исходя из буквального толкования процитированной дефиниции, следует заключить, что если организация, в отношении которой судом принято соответствующее судебное решение, не имеет учредительных документов либо в них символика не описана, то данная экстремистская организация символики не имеет. Если же толковать процитированную дефиницию расширительно, то при отсутствии в учредительных документах организации описания ее символики либо при отсутствии учредительных документов искомое описание может дать суд в том решении, которым данная организация признана экстремистской. Важно также отметить, что в указанном Законе определения атрибутики экстремистской организации не дается. Нет определений атрибутики либо символики нацистских и экстремистских организаций и в Федеральном законе от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1928). Наряду с этим, в последнем указано, что перечень атрибутики и символики нацистских организаций определяется в порядке, установленном Правительством РФ.

¹⁵ В целом на это обстоятельство (действующее правовое регулирование оставляет много неясностей относительно предмета рассматриваемого правонарушения, в роли которого выступает запрещенная атрибутика или символика) обращают внимание и другие исследователи (см., например: *Равноушкин А. В.* Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 112), но выводы о векторе влияния на правоприменительную практику ими не делались.

¹⁶ Образовалась ситуация, когда, например, установленный в законе минимальный штраф для участника публичного мероприятия в виде пикетирования в случае формального нарушения установленного порядка его проведения (ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ) в пять раз выше, чем максимальный штраф за пропаганду фашистской символики или атрибутики. Целесообразно, по нашим оценкам, не только повысить верхний порог административного штрафа в ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, но и предусмотреть там возможность назначения обязательных работ (ст. 3.13 КоАП РФ). Такой вид наказания может быть более эффективной альтернативой штрафу в случае, когда лицо не трудоустроено, не имеет легальных доходов и имущества, на которое допустимо и целесообразно обращать взыскание.

ном постановлении использована формулировка «символы криминального сообщества и атрибутика экстремистской организации»¹⁷), но что является чем — не указал. В остальных случаях судьи уклонились от выбора между двумя терминами и никак не охарактеризовали предмет правонарушения, ограничившись описанием события и общей формулировкой «совершил административное правонарушение, предусмотренное частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ».

Если взглянуть на предмет правонарушения с точки зрения принадлежности к запрещенным организациям, то вырисовывается следующая картина. В четырех делах фигурирует фашистская символика (атрибутика), принятая еще во времена Третьего рейха (главным образом свастика), в трех делах — символика (атрибутика) МОД «АУЕ». В оставшихся трех делах распределение такое: в одном деле фигурирует символика (как ее квалифицировал судья в итоговом постановлении) Федерального фонда борьбы с коррупцией, который признан Московским городским судом экстремистской организацией; еще в одном деле — символика или атрибутика (что это, судья не стал определять) социальной сети «Инстаграм» (подконтрольна организации, признанной Тверским районным судом г. Москвы экстремистской); и в последнем деле — атрибутика (как ее квалифицировал судья в итоговом постановлении) организации, которая признана экстремистской решением Верховного Суда РФ.

В шести делах (то есть в большинстве) предмет правонарушения экспонировался в виртуальном пространстве — в телекомму-

никационной сети «Интернет» — и был доступен для просмотра неопределенно широкому кругу лиц. Из этих дел выделяется одно, в котором формула обвинения весьма запутанна и противоречива. В судебном постановлении утверждается, что лицо разместило в сети «Интернет» несколько изображений, которые содержат символику запрещенной в России «террористической организации», но далее сообщается, что эта же организация в соответствии с решением Саратовского суда признана экстремистской¹⁸. Однако для объявления организации террористической либо экстремистской требуются различные правовые и фактические основания, у таких признаний разные правовые последствия. Кроме того, в судебном постановлении утверждается, что привлеченное к ответственности лицо разместило в сети «Интернет» материал, который Минюстом России под № 3045 внесен в Перечень экстремистских материалов¹⁹. Если так, то действия лица в этой части следовало оценить на предмет наличия состава правонарушения, предусмотренного статьей 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов» КоАП РФ.

В трех делах привлеченные к ответственности лица демонстрировали окружающим татуировки, нанесенные на свое тело. В одном деле татуировка в виде восьмиконечных звезд на коленях была квалифицирована судом как символика МОД «АУЕ»; согласно судебному постановлению, она экспонировалась в общей кухне и, вероятно, на территории исправительного учреждения ФСИН России²⁰. В другом деле

¹⁷ Постановление вынесено 28 декабря 2023 г. в Шекснинском районном суде Вологодской области. См.: URL: https://sheksninsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=81228458&case_uid=7e662142-a642-41e8-a61c-d0c13c65e545&delo_id=1500001 (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁸ Постановление вынесено 28 декабря 2023 г. в Ленинском районном суде г. Ставрополя, Ставропольский край. См.: URL: https://lenynsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=361516035&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.08.2024).

¹⁹ Если обратиться к данному Перечню, то под № 3045 там фигурируют не изображения, а аудиофайлы с названиями «Банда Москвы Виват России.mp3» и «ГРОТ-дым.mp3». Они физически не могут содержать нацистскую свастику, поскольку не содержат визуальных образов. См.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=31&> (дата обращения: 13.08.2024).

²⁰ Итоговое постановление по этому делу вынесено 30 декабря 2023 г. в Пожарском районном суда Приморского края. См.: URL: https://pozharsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=99000822&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.08.2024).

привлеченное к ответственности лицо демонстрировало татуировки с символами Третьего рейха — свастикой на животе и рунами на шее. Место происшествия в тесте судебного постановления, размещенного на сайте суда, скрыто²¹. В третьем деле подсудимый в ходе заседания по уголовному делу находился в майке и демонстрировал участникам процесса татуировку в виде свастики, нанесенную на плечо²².

Ну и в последнем деле (том самом деле, где суд счел предмет правонарушения атрибутикой) лицо, задержанное за совершение другого административного правонарушения и помещенное в изолятор временного содержания, поставило там подписи в виде нацистского лозунга при ознакомлении с официальными документами (протоколами и пр.). При этом сотрудники полиции обнаружили, что и в паспорте гражданина образец его подписи имел тот же вид.

5. Участие в судебном заседании защитника, законного представителя привлеченного к ответственности лица и признание вины последним

Ни в одном деле, попавшем в нашу выборку, не принимал участия законный представитель привлеченного к административной ответственности лица. Это обусловлено рядом обстоятельств. К ответственности по изученным делам не привлекались юридические лица (что исключало участие законного представителя юридического лица). Все привлеченные к ответственности физические лица и индивидуальный предпри-

ниматель являлись совершеннолетними, дееспособными и физически состоятельными субъектами, что исключало привлечение к участию в деле законных представителей физического лица. Ну а должностные лица (таковые в изученных делах не фигурируют) по определению не могут иметь законных представителей.

Защитник принимал участие лишь в одном деле, попавшем в нашу выборку, и участвовал в судебном заседании при разрешении дела по существу (по непонятной причине в судебном постановлении этот участник процесса называется «представитель»). Привлеченной к ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ гражданке К. инкриминировалось размещение на своей странице в социальной сети изображения восьмиконечной звезды, которое сотрудники регионального подразделения Центра противодействия экстремизму МВД России сочли символикой МОД «АУЕ»²³. Позицию по делу, занятую К., суд счел противоречивой: свою вину она не признала и отрицала принадлежность ей страницы в социальной сети (на которой была размещена указанная выше символика), при этом обращала внимание на то, что к этой странице имеют доступ разные лица. Какими доказательствами оперировали гражданка К. и ее представитель, в судебном постановлении не сообщается, назвала ли она конкретных лиц, имевших доступ к странице, на которой была размещена запрещенная символика, в тексте постановления не раскрывается.

Судья признал К. виновной и определил ей в качестве наказания административный штраф в максимально возможном размере — 2 тыс. руб. До вступления постановления в законную силу

²¹ Постановление вынесено 28 декабря 2023 г. в Костомукшском городском суде, Республика Карелия. См.: URL: https://kostomukshsky--kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=153395903&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.08.2024).

²² Постановление вынесено 28 декабря 2023 г. в Ленинском районном суде г. Орска, Оренбургская обл. См.: URL: https://leninskyorsk--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=230538085&case_uid=5f8b608e-70cc-4207-b529-5981aaa776bd&delo_id=1500001 (дата обращения: 12.08.2024).

²³ Постановление вынесено 28 декабря 2023 г. в Железнодорожном районном суде г. Ульяновска, Ульяновская область. См.: URL: https://zjeleznodorogniy--uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_or=case&_id=127793747&_uid=3776fa0a-ebaa-4ca4-b340-ff071c1fef8c&_deloid=1500001&_caseType=&new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 26.07.2024).

К. обжаловала его в вышестоящем суде, и это единственное постановление из нашей выборки, проверенное вышестоящим судом на предмет обоснованности и законности. Защитник К. принял участие в судебном заседании, где рассматривалась жалоба, и, судя по обстоятельной аргументации²⁴, он же и подготовил ее²⁵.

Тот факт, что защитник редко участвует в делах рассматриваемой категории, можно объяснить прежде всего следующими соображениями.

Первое. В восьми из десяти изученных дел привлеченные к ответственности лица заявляли суду о своей виновности, надеясь, по всей видимости, в связи с этим на снисхождение. Причем в некоторых судебных постановлениях используется выражение «полное признание вины» (вероятно, для усиления его значимости), но нигде нет выражения «частичное признание вины».

Признание вины не входит в закрепленный в ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ перечень обстоятельств, смягчающих административную ответственность. Однако, как показало наше исследование, надежды на снисхождение не были напрасными. Во всех (!) делах судьи сочли

признание вины обстоятельством, смягчающим ответственность. И такая оценка не противоречит действующему законодательству: в ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ содержится нормативное предписание о том, что судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дело об административном правонарушении, могут признать смягчающими обстоятельства, не указанные в КоАП РФ или в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

При занятой позиции привлеченные к ответственности лица, вероятно, считали приглашение юриста ненужным и даже вредным. Ведь юрист требуется, чтобы оспорить обвинение, а такая деятельность противоречила бы признанию вины²⁶, влекла конфронтацию с судьями, уменьшала шансы на смягчение наказания.

Второе. Привлеченные к ответственности лица, вероятно, считали необоснованными финансовые затраты, связанные с приглашением юриста. Потому что если суд проявит снисхождение и не назначит в качестве наказания административный арест, то альтернативным наказанием будет административный штраф, размер которого в худшем случае составит 2 тыс. руб.,

²⁴ Защитник указал, в частности, следующее: а) не определено, в чем выразилось правонарушение (имела место публичная демонстрация запрещенной символики либо ее пропаганда?); б) не изложен период совершения правонарушения, являющегося длящимся (что имеет значение для определения срока давности); в) не указано место выявления и пресечения правонарушения (что могло привести к нарушению конституционного права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом); г) суд необоснованно отказал в ходатайстве о допросе оперуполномоченного ЦПЭ УМВД России; д) суд не учел замечания, указанные в определении судьи, ранее рассматривавшего это же дело.

²⁵ С решением, вынесенным по жалобе, можно ознакомиться на официальном сайте Ульяновского областного суда. URL: https://oblsud-uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=17667283&deloid=1502001&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 10.07.2024).

²⁶ Конечно, это заблуждение. Здесь моделируется ход рассуждений привлеченного к ответственности лица, но это не значит, что автор считает его правильным. Защитник мог бы: а) обратить внимание суда на наличие дополнительных обстоятельств, смягчающих ответственность; б) опровергнуть обстоятельства, отягчающие ответственность; в) обосновать малозначительность совершенного правонарушения; г) представить аргументы о том, что протокол составлен и другие материалы дела оформлены неправомочными лицами или указанные документы составлены/оформлены неправильно либо неполно, что не может быть восполнено при рассмотрении дела судом, и ходатайствовать о возвращении материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол; д) указать на истечение срока давности привлечения к административной ответственности и т.д.

а это на порядок меньше гонорара юриста за работу в деле²⁷.

6. Негативные юридические последствия для гражданина, признанного виновным по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ

Мотивация пригласить юриста оказалась бы значительно сильнее, если бы кто-нибудь разъяснил физическому лицу, индивидуальному предпринимателю, должностному лицу все юридические последствия (явные и неявные) признания его виновным в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, но протокол об административном правонарушении такого раздела не содержит (ст. 28.2 КоАП РФ)²⁸.

Тема юридических последствий признания лица виновным по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ заслуживает отдельного рассмотрения и предполагает комплексный анализ различных отраслей законодательства. Такой анализ автор надеется представить в одной из своих будущих работ. Настоящая статья основной целью имеет анализ эмпирического материала, правоприменительной практики. Поэтому ограничимся здесь лишь двумя замечаниями. Первое замечание относится к наиболее серьезному юридическому последствию, которое не зафиксировано в законодательстве об административных правонарушениях, поскольку имеет уголовно-правовой характер. В случае

если лицо, подвергнутое наказанию на основании ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, будет обвинено в совершении действий, предусмотренных той же нормой, то последует уже не административная, а уголовная ответственность, поскольку таковая предусмотрена частью 1 ст. 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами» УК РФ. Здесь имеет место так называемая административная преюдиция²⁹, и виновному при повторном нарушении грозит уголовное наказание разных видов и размеров, наиболее строгое из которых — лишение свободы на срок до четырех лет.

Второе замечание относится к практическим последствиям, которые для многих не очевидны, но способны оказаться весьма значимыми. Согласно общему правилу, лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ). Вместе с тем по истечении указанного периода информация о квалификации деяния и назначенном наказании из соответствующих учетов не удаляется (или может не удаляться), она доступна правоохранительным, судебным и некоторым иным государственным органам. Использо-

²⁷ Если внимательно изучить упомянутое выше решение по жалобе К., то там можно обнаружить косвенное подтверждение смоделированных нами финансовых соображений при решении вопроса об обращении за помощью к юристу, введении его в дело в качестве представителя. К. имеет довольно редкую фамилию, при этом она совпадает с фамилией представителя. По всей видимости, юридическая помощь была оказана близким родственником и не на коммерческой основе.

²⁸ Но должен содержать, как нам представляется. Причем ознакомление следует подтверждать собственноручной записью в протоколе привлеченного к ответственности лица: «С возможными юридическими последствиями ознакомлен. Подпись, дата». Отсутствие такового должно быть безусловным основанием для возвращения материалов дела в орган или лицу, составившим протокол (п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ).

²⁹ В юридической литературе можно встретить различные определения этого правового феномена. Автор настоящей работы предлагает следующее: административная преюдиция в уголовном праве — это особенность конструкции состава некоторых преступлений; в таком составе закреплена связь между несколькими одноименными или однородными административными правонарушениями, при совершении которых одним и тем же лицом в течение определенного периода презюмируется общественная

ние нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций охватывается определением экстремистской деятельности (экстремизма), данным в п. 1 ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности. Противодействие экстремизму — одно из приоритетных направлений деятельности ряда правоохранительных ведомств. Вследствие изложенного отбывшее административное наказание по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ лицо будет долго вызывать профессиональный интерес сотрудников правоохранительных органов, а факт привлечения к ответственности за экстремизм способен неблагоприятно сказываться при принятии в отношении него юридических решений, о которых гражданин даже не узнает (например, если они станут выноситься в рамках оперативно-розыскной деятельности), но почувствует на себе их последствия, или узнает, но не поймет их подоплеку. В отдельных случаях такая стигматизация может сказаться и на близких родственниках признанного виновным лица, на их карьере³⁰.

7. Установление формы вины, выяснение цели и мотивов деяния, осведомленности фигуранта дела о наличии юридического запрета

Во всех попавших в выборку делах судьи, констатируя в резолютивной части итоговых постановлений наличие вины у преданного суду лица, уклонились тем не менее от определения формы вины. Более того, ни в каком постановлении не используется термин «неосторожность» и лишь в одном применен термин «умы-

сел» — в мотивировочной части постановления. Судья указал там на «очевидность умысла»³¹. Вероятно, форма вины, помимо прочих обстоятельств, была учтена судом при выборе вида и размера наказания (хотя это умозаключение не раскрыто в постановлении) — привлеченному к ответственности гражданину Г. суд назначил административный арест сроком на семь суток.

Согласно фабуле дела, Г. 2 сентября и 14 декабря 2020 г. разместил на своей интернет-странице в социальной сети и в срок до 29 декабря 2023 г. публично демонстрировал видеоролики с названиями «Дело раскрыто. Я знаю всех, кто пытался меня убить», «Кто захватил столицу Сибири и как ее освободить». В видеороликах экспонируется сочетание букв «ФБК», являющееся, как указано в постановлении, символикой международного Фонда борьбы с коррупцией (Anti-Corruption Foundation International), который в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021 признан экстремистской организацией, и деятельность этой организации на территории Российской Федерации запрещена.

Ни в одном из изученных постановлений не отражена информация о том, выясняли ли судьи осведомленность привлеченного к ответственности лица о существовании юридического запрета на публичную демонстрацию той символики, демонстрация которой лицу вменялась. Между тем соответствующая информация должна быть принята во внимание при определении виновности и ее формы. Так, из содержания приведенного выше постановления вытекает, что в момент, когда Г. размещал ролики с символикой «ФБК» на своей интернет-странице, запрета на публичную демонстрацию этой символики еще не имелось, он появился существенно позже. Поэтому

опасность содеянного и делается вывод о совершении преступления, а виновный привлекается к уголовной ответственности.

³⁰ Чтобы понять, как это может случиться, представьте, например, что супруг судьи или сотрудника подразделений МВД России по противодействию экстремизму был подвергнут наказанию по ч. 1 ст. 20 КоАП РФ.

³¹ Постановление вынесено 30 декабря 2023 г. в Центральном районном суде г. Сочи Краснодарского края. См: URL: https://sochi-centralny--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=360236488&case_uid=afac7fdd-a033-4564-9267-e785caf80870&delo_id=1500001 (дата обращения: 10.07.2024).

во время совершения описанных действий Г. не мог иметь умысла на совершение правонарушения. Помимо этого, если не доказано, что Г. знал о принятом Московским городским судом решении от 09.06.2021, тогда можно ставить вопрос лишь о его виновности в форме неосторожности.

Ну а самым показательным в вопросах субъективной стороны правонарушения является очень непростое и во многих смыслах иллюстративное дело гражданина Г-ко, который в официальных документах для своей личной подписи длительное время использовал словосочетание, квалифицированное судом в качестве националистического лозунга. Как указано в итоговом постановлении по делу об административном правонарушении³², этот лозунг использовала организация «Добровольческое Движение Организации украинских националистов», которая решением Верховного Суда РФ от 08.09.2022 по делу № АКПИ22-729С признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена. В постановлении также указано, что к делу против Г-ко приобщено заключение специалиста от 25.12.2023, согласно которому многократно и письменно использованный Г-ко лозунг — «это *атрибутика*»³³ (выделено нами. — П. С.), использовавшаяся национали-

стическим объединением «Добровольческое Движение Организации украинских националистов»».

Между тем в карточке производства делу № АКПИ22-729С³⁴ имеется информация о том, что судебное заседание состоялось в закрытом режиме, принятое решение на сайте Верховного Суда РФ не опубликовано. Более того, в карточке отсутствуют сведения об ответчике и о требовании истца; название запрещенной организации там также отсутствует. Следовательно, Г-ко не мог из официальных источников узнать о введенном запрете, и, по всей видимости, нет оснований делать вывод о наличии его вины в любой форме³⁵.

По сути, здесь наше исследование обнаруживает весьма серьезную проблему в сфере правоприменения. Судебное решение, которое основывается на материалах дела с грифом «секретно» (на это, по всей видимости, указывает буква «С» в конце номера дела), не публикуется, но при этом адресуется неопределенно широкому кругу граждан и фактически оказывается вмонтированным в законодательство об административной ответственности, формулирует (расширяет) диспозицию административно-правовой нормы. Тем самым, как нам думается, нарушается принципиальный

³² Постановление вынесено 26 декабря 2023 г. в Алуштинском городском суде Республики Крым. См: URL: https://alushta--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=173215647&case_uid=08f275f8-91a3-44a3-9f71-279c4c39638f&delo_id=1500001 (дата обращения: 13.07.2024).

³³ Возможно, термин «атрибутика» в этом месте судебного постановления является опiskой, и вместо него следовало использовать термин «символика»; символика есть совокупность символов, знаков и слов, в то время как под атрибутикой обычно понимают совокупность предметов, связанных с определенным видом деятельности, либо отличительные черты овеществленных предметов. Впрочем, как уже отмечено выше, четкого определения того и другого в действующем законодательстве нам обнаружить не удалось.

³⁴ Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/11525472> (дата обращения: 13.07.2024).

³⁵ Для полноты картины сто́ит указать на следующее. Сведения о том, что «Добровольческое Движение Организации украинских националистов» включено в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Законом о противодействии экстремистской деятельности, были опубликованы на официальном сайте Минюста России 7 ноября 2022 г. (URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 04.08.2024)). Однако там не приводится лозунг этой организации и отсутствует описание ее символики.

конституционный запрет: любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, *не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения* (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ)³⁶.

В большинстве изученных постановлений никак не отражена информация, задавался ли судья вопросом о целях и мотивах совершенного деяния. Так, согласно фабуле дела, изложенной в одном из постановлений, гр-н Г-в на своей интернет-странице в социальной сети «ВКонтакте», доступной для общего просмотра, разместил короткий видеоролик «всем расизм:3», на котором молодой человек (главный герой фильма «Фанатик», так называемый НС-скинхед) в футболке красного цвета, в центре которой на белом круге изображена правосторонняя свастика, провоцирует на конфликт двух представителей негроидной расы³⁷. В суде Г-в свою вину признал, и судья удовлетворился этим. *Что побудило отданное под суд лицо публично демонстрировать ролик, герой которого носит футболку, копирующую флаг Третьего рейха, официальный символ фашисткой Германии, какую цель или цели тем самым преследовал Г-в — судья выяснять не стал*; счел признание вины смягчающим обстоятельством и назначил в качестве наказания самое мягкое из возможных (подробнее практика назначения наказаний будет рассмотрена далее).

8. Некоторые особенности длящихся деяний, подпадающих под признаки правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ

Содержание изученных постановлений, включенных в нашу выборку, дает благодатную пищу для прояснения вопроса об особенностях длящихся правонарушений, предусмотренных частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ, и длящихся административных правонарушений в целом.

В юридической литературе можно встретить категорическое утверждение о том, что предусмотренное частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ правонарушение «может совершаться исключительно в форме действий»³⁸. Дело Г., отчасти рассмотренное в предыдущем разделе, интересно еще и тем, что опровергает процитированное утверждение и показывает возможность прямо противоположного — того, что рассматриваемое правонарушение может совершаться исключительно путем бездействия. Противоправному бездействию Г. предшествовали действия, выразившиеся в размещении в сети «Интернет» видеоролика с аббревиатурой, которую суд, рассмотревший дело об административном правонарушении, счел символикой экстремистской организации. Однако в момент осуществления этих действий еще не было принято другое судебное решение — о признании экстремистской соответствующей организации (более того, не был даже заявлен административный иск о таком признании и отсутствовало судебное дело). Следовательно, *произведенные Г. действия по размещению видеоролика не наказуемы, а значит, нет оснований считать, что правонарушение совершено посредством действий*. Объективная сторона деяния может быть представлена лишь бездействием, состоявшим в том, что Г. не удалил из сети «Интернет» в ра-

³⁶ Тема заслуживает обстоятельного анализа. Автор предполагает представить его в одной из своих последующих работ и будет признателен коллегам за их суждения по поднятой теме (особенно приветствуются доводы тех, кто с автором не согласен), за дополнительные материалы и примеры.

³⁷ Постановление вынесено 28 декабря 2023 г. в Калужском районном суде Калужской области. См.: URL: https://kaluga-klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=108348563&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.07.2024).

³⁸ Яворский М. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: теоретические аспекты // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 87.

зумный срок данный видеоролик после того, как было принято и вступило в законную силу судебное решение о признании организации экстремистской.

В юридической литературе также можно встретить утверждение о существовании общего правила, состоящего в том, что любые длящиеся административные правонарушения (а, значит, и предусмотренные частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ деяния) совершаются в форме бездействия. Единственным исключением из данного правила провозгласивший его автор счел правонарушение, предусмотренное статьей 7.1 КоАП РФ, — самовольный захват земельного участка³⁹. Между тем в шести из десяти попавших в нашу выборку дел инкриминируемое деяние совершено путем размещения определенной информации в сети «Интернет», то есть начиналось деяние с действия и лишь затем продолжалось бездействием, выразившимся в невыполнении обязанности по удалению запрещенного контента.

Следует согласиться с тем, что внешние проявления правонарушения (система признаков, предусмотренных административно-правовой нормой), характеризующие его объективную сторону (простое или сложное, совершенное посредством действий, бездействия либо всего в совокупности и т.д.), в основном и определяют характер правонарушения как конкретного противоправного деяния⁴⁰, а значит, должны приниматься во внимание при индивидуализации наказания.

9. Практика назначения наказаний в случае признания гражданина свиновым в совершении правонарушения рассматриваемого вида

Четверым гражданам из нашей выборки, признанным в совершении предусмотренного частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ правонарушения, было

назначено наказание в виде административного штрафа в размере 1 тыс. руб. Это — минимум минимум, наименьшее из возможных, и, на наш взгляд, обнаружившееся обстоятельство указывает на то, что почти в половине дел, в которых привлеченные к ответственности лица подверглись административным наказаниям, судьи сочли незначительными совершенные правонарушения.

В качестве общего правила закон предусматривает право судей заменить административный штраф на предупреждение. Последнее представляет собой меру административного наказания, выраженную в официальном порицании. Данная мера устанавливается за первые совершенные административные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов России, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба (ст. 3.4 КоАП РФ). Все эти условия наличествуют в делах, в которых судьи назначили минимальное наказание. Предупреждение не предусмотрено в качестве наказания в ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, но в соответствии с ч. 3 ст. 3.4 КоАП РФ это не является препятствием для вынесения предупреждения.

Несмотря на это, никому из попавших в нашу выборку лиц судьи не вынесли предупреждения, что не является случайностью. Возможность применения такой меры наказания заблокирована частью 2 ст. 4.1.1 КоАП РФ, где перечислены немногие административные правонарушения, при совершении которых административное наказание в виде административного штрафа нельзя заменять на предупреждение. В число этих немногих включено и рассматриваемое

³⁹ Давыдов К. В. Длящиеся и продолжаемые административные правонарушения: проблемы теории и судебной практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 1. С. 209–210.

⁴⁰ Жданова А. Н. Характер административного правонарушения и индивидуализация ответственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 111.

здесь деяние. По всей видимости, законодатель счел его настолько серьезным, что полагает невозможным ни при каких условиях ограничиваться предупреждением.

Еще двум гражданам в качестве административного наказания был назначен штраф в размере 1,5 тыс. руб., одному — в размере 2 тыс. руб. Таким образом, административный штраф — самое распространенное наказание в нашей выборке.

Двое граждан получили в качестве наказания административный арест. Один из них — на срок семь суток, другой — на 12 суток. В обоих случаях привлеченные к ответственности лица в ходе судебного заседания просили суд не назначать административный арест, а ограничиться штрафом.

Характерно также, что в деле гр-на Г-ва, о котором речь шла в предыдущем разделе (напомним, фигурант разместил в сети «Интернет» видеоролик «всем расизм:3» с символикой, степени смещения похожей на фашистский флаг), судья указал, что не усматривает оснований для применения крайней меры административной ответственности в виде административного штрафа. Однако как и почему суд пришел к такому выводу, в итоговом судебном постановлении не раскрыто; мотивы и цель размещения видеоролика для публичного просмотра остались без внимания суда, прокурора и лиц, документировавших правонарушение.

Итого — девять дел, в которых суд назначил привлеченным к ответственности лицам административное наказание. Производство по последнему (десятому) делу было прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ)⁴¹. Первоначально дело было возвращено в прокуратуру для устранения выявленных в нем недостатков, затем поступило в суд повторно, и связанные с этим мероприятия отведенное законом время исчерпали.

К ответственности по данному делу была привлечена гражданка М., имевшая статус индивидуального предпринимателя. Она учредила в г. Красногорске Московской области музыкальную школу и в силу статуса организовывала ее работу. В этой работе работники прокуратуры обнаружили следующее нарушение. На интернет-странице музыкальной школы имелась кнопка для перехода в социальную сеть «Инстаграм». Международная компания Meta Platforms Inc., которой принадлежит эта социальная сеть, признана в России экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена.

Статья 2.9 КоАП РФ предусматривает возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения. В этом случае судья, а также орган и должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут ограничиться устным замечанием. Как нам представляется, приведенному нормативному предписанию могло бы соответствовать дело М. Стоило, в частности, выяснить, куда конкретно вела ссылка при переходе в социальную сеть «Инстаграм». Если, допустим, ссылка вела на страницу музыкальной школы, где размещались видео исполнения классических русских произведений, а тем более произведений патриотических, и отсутствовал запрещенный контент, то следовало ограничиться устным замечанием (ну еще присовокупить разъяснение юридических последствий при более строгом подходе и рекомендацию поискать вместо «Инстаграм» иной, более безопасный ресурс). Некоторыми исследователями резонно отмечается, что при решении вопроса о разграничении правомерного поведения и экстремистских посягательств целесообразно учитывать реальную опасность действий лица для граждан, общества и государства⁴².

Характерно, что лишь в одном постановлении из нами изученных судья поставил вопрос о

⁴¹ С постановлением можно ознакомиться на сайте «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: sudact.ru/regular/doc/1hK4Pt7ZJ9rJ/ (дата обращения: 12.07.2024).

⁴² Хоменко А. Н., Черемнова Н. А. Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст. 280, 282 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 54.

том, не является ли инкриминируемое деяние малозначительным и не следует ли освободить от административной ответственности привлеченное к ней лицо⁴³. Оценив представленные по делу доказательства, судья дал на этот вопрос отрицательный ответ. В остальных постановлениях данный вопрос не поднимался и под этим углом зрения обстоятельства дел судьями не оценивались (по крайней мере, это не отражено в итоговых постановлениях).

Автор надеется, что материал настоящей статьи окажется интересным и полезным широкому кругу читателей: а) юристам и другим лицам, выступающим в роли защитника либо законного представителя при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ (особенно в тех случаях, когда опыт работы у защитника, законного представителя по делам такой категории незначителен либо отсутствует); б) оперативным сотрудникам уго-

ловного розыска, подразделений по противодействию экстремизму МВД России и таких же подразделений ФСБ России, которые выявляют, документируют соответствующие правонарушения, сопровождают возбужденные по ним дела; в) прокурорским работникам, в полномочия которых входит возбуждение дел по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, участие в рассмотрении дел, дача заключения по возникающим при их рассмотрении вопросам, принесение протестов на постановления, вынесенные по делам, и др.; г) судьям, рассматривающим в первой и последующих инстанциях дела о правонарушениях, предусмотренных частью 1 ст. 20.3 КоАП РФ; д) лицам, причастным к законотворческому процессу, поскольку в статье констатируются пробелы и противоречия действующего законодательства, высказываются и обосновываются предложения, направленные на их ликвидацию; е) коллегам-исследователям, обращающимся к данной или смежным темам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). — Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. — 38 с.
2. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М. : Юрид. лит., 1990. — 304 с.
3. Давыдов К. В. Длющиеся и продолжаемые административные правонарушения: проблемы теории и судебной практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2015. — № 1. — С. 207–213.
4. Жданова А. Н. Характер административного правонарушения и индивидуализация ответственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2006. — № 3 (27). — С. 110–112.
5. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2022. — Т. 8 (74). — № 2. — С. 111–118.
6. Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его основания, толкование и применение : монография — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 168 с.
7. Хоменко А. Н., Черемнова Н. А. Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст. 280, 282 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 44–56.
8. Яворский М. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: теоретические аспекты // Вестник Самарского юридического института. — 2017. — № 1 (23). — С. 84–90.

⁴³ Это уже упомянутое выше постановление, вынесенное 28 декабря 2023 г. в Калужском районном суде Калужской области.

9. Яворский М. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: практические аспекты // Право и образование. — 2017. — № 6. — С. 84–95.
10. Яворский М. А., Курушин С. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму: теоретические и практические аспекты (на примере пенитенциарных учреждений России) // Правовая мысль. — 2021. — № 1 (2). — С. 50–54.

Материал поступил в редакцию 14 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vodolazskiy B. F., Vakutin Yu. A. Prestupnye gruppirovki, ikh obychai, traditsii, «zakony» (Proshloe i nastoyashchee). — Omsk: Omskaya vysshaya shkola militsii MVD SSSR, 1979. — 38 s.
2. Gurov A. I. Professionalnaya prestupnost: proshloe i sovremennost. — M.: Yurid. lit., 1990. — 304 s.
3. Davydov K. V. Dlyashchiesya i prodolzhaemye administrativnye pravonarusheniya: problemy teorii i sudebnoy praktiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2015. — № 1. — S. 207–213.
4. Zhdanova A. N. Kharakter administrativnogo pravonarusheniya i individualizatsiya otvetstvennosti // Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh. — 2006. — № 3 (27). — S. 110–112.
5. Ravnyushkin A. V. Problemy kvalifikatsii soversheniya v obshchestvennykh mestakh administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 20.3 KoAP RF // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2022. — T. 8 (74). — № 2. — S. 111–118.
6. Skoblikov P. A. Vysshee polozhenie v prestupnoy ierarkhii: ugolovnyy zakon, ego osnovaniya, tolkovanie i primeneniye: monografiya — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 168 s.
7. Khomenko A. N., Cheremnova N. A. Otgranichenie ekstremistskikh proyavleniy ot pravomernogo povedeniya v kontekste st. 20.3, 20.3.1 KoAP RF i st. 280, 282 UK RF // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 3 (90). — S. 44–56.
8. Yavorskiy M. A. Protivodeystvie administrativno nakazuemому ekstremizmu v penitentsiarnoy sisteme Rossii: teoreticheskie aspekty // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. — 2017. — № 1 (23). — S. 84–90.
9. Yavorskiy M. A. Protivodeystvie administrativno nakazuemому ekstremizmu v penitentsiarnoy sisteme Rossii: prakticheskie aspekty // Pravo i obrazovanie. — 2017. — № 6. — S. 84–95.
10. Yavorskiy M. A., Kurushin S. A. Protivodeystvie administrativno nakazuemому ekstremizmu: teoreticheskie i prakticheskie aspekty (na primere penitentsiarnykh uchrezhdeniy Rossii) // Pravovaya mysl. — 2021. — № 1 (2). — S. 50–54.

Криминалистическое исследование распределенной информации

Аннотация. В статье констатируется повышение значения новой формы информации — распределенной информации. Анализируются правовые события, вызывающие необходимость криминалистического исследования распределенной информации, а также наиболее часто совершаемые с использованием сервисов распределенной информации преступления. Излагаются основные правила функционирования систем распределенной информации. Обращается внимание на то, что наиболее часто в практике исследования возникает необходимость исследования именно файлообменных сетей, в частности такой их разновидности, как торренты. Рассматриваются основы функционирования файлообменных сетей. С учетом проведенного исследования предлагается авторская классификация файлообменных сетей. В работе определены основные криминалистически значимые задачи исследования файлообменных сетей. К ним отнесены: восстановление целого информационного объекта по частям; установление пользователя и его идентификаторов; доказывание осведомленности пользователя о содержании имеющихся у него информационных объектов; доказывание умысла на распространение; последовательно рассмотрены основы решения указанных задач. В ходе компаративистского исследования привлечения к ответственности провайдеров файлообменных сетей был сделан вывод, что в России, в отличие от многих зарубежных стран, практически отсутствует правовая база для привлечения к ответственности провайдера пиринговых сетей (но и в сетях последнего поколения у провайдера практически не остается контроля за контентом сети). Отмечаются недостаточные знания большинства следователей в рассматриваемой сфере. Представляется насущно необходимой организация периодических курсов повышения квалификации с рассмотрением новых технологий и основ их исследования.

Ключевые слова: криминалистическое исследование файлообменных сетей; цифровая криминалистика; торренты; трекеры; виртуальные следы; ответственность провайдера файлообменной сети; доказывание вины нарушителей; расследование; децентрализованные сети; пиринговые сети.

Для цитирования: Смушкин А. Б. Криминалистическое исследование распределенной информации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 180–187. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.180-187.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

© Смушкин А. Б., 2025

* Смушкин Александр Борисович, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
skif32@yandex.ru

Forensic Investigation of Distributed Information

Aleksandr B. Smushkin, Leading Researcher, Project Office of Scientific Programs and Research, Saratov State Law Academy, Associate Professor, Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
skif32@yandex.ru

Abstract. The paper notes the increasing importance of a new form of information—distributed information. The author analyzes legal events that necessitate forensic research of distributed information, as well as the most frequently committed crimes using distributed information services. The basic rules for the functioning of distributed information systems are defined. It is stated that most often in the practice of investigation there is a need to study file-sharing networks and their variety such as torrents. The basics of file-sharing networks are considered. Taking into account the conducted research, the author's classification of file-sharing networks is proposed. The paper defines the main forensically significant tasks of studying file-sharing networks. These include: restoration of the entire information object from parts; identification of the user and his identifiers; proof of the user's awareness of the content of the information objects in his possession; proof of intent to distribute; the principles of solving the above problems are considered sequentially. In the course of a comparative study of holding file-sharing network providers accountable, it was found that, unlike many foreign countries, in Russia there is virtually no legal basis for holding a peer-to-peer network provider accountable (but even in the latest generation of networks, the provider has virtually no control over the content of the network). It is noted that most investigators have insufficient knowledge in the area under consideration. It seems urgently necessary to organize periodic advanced training courses that cover new technologies and the principles of their research.

Keywords: forensic examination of file-sharing networks; digital forensics; torrents; trackers; virtual traces; liability of the provider of the file-sharing network; proving the guilt of violators; investigation; decentralized networks; peer-to-peer networks.

Cite as: Smushkin AB. Forensic Investigation of Distributed Information. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):180-187. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.180-187.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Четвертая информационная революция, повсеместная активизация и усложнение применяемых технических средств коммуникации, хранения и обработки информации, цифровизация всех сфер человеческой жизни приводят к возникновению новых концептов в информационной сфере и новых форм информации. Одной из таких форм является распределенная информация.

Наиболее часто необходимость в исследовании сервисов распределенной информации возникает при расследовании дистанционной незаконной торговли наркотиками (через мар-

кетплейсы Даркнета), распространения экстремистской информации, использования мессенджеров, основанных на соответствующих технологиях, при организации и управлении не только экстремистским или террористическим, но любым иным преступным сообществом, распространении детской порнографии, нарушении авторских прав и т.д. М. Ф. Радайкин обоснованно отметил, что «файлообмен проблемным контентом будет оставаться до тех пор, пока не станет выгоднее и проще работать официально, нежели в серой или черной схеме»¹.

¹ Радайкин М. Ф. Правовое положение торрент-трекеров и их пользователей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. № 4. С. 50.

Системы и сервисы распределенной информации функционируют на основе следующих правил:

- единый информационный объект (включая композитные объекты типа дискографий, собраний сочинений, программных комплексов) дробится на множество элементов;
- как правило, в сети отсутствует единый центр и все ее пользователи равны;
- информационный объект скачивается и раздается параллельно несколькими потоками;
- полученные элементы информационного объекта, в свою очередь, попадают на раздачу у нового пользователя;
- чем больше в сети раздающих, тем выше скорость перекачки;
- в определенный момент в сети может не быть ни одного пользователя, обладающего полным информационным объектом;
- использование первоначальным владельцем полного файла VPN-сервисов и прокси-серверов существенно осложняет либо вообще делает невозможным его установление.

Видами использования распределенной информации можно считать:

- файлообменные пиринговые сети и торренты;
- системы распределенных вычислений;
- блокчейн;
- некоторые виды удаленного цифрового видеонаблюдения;
- некоторые мессенджеры типа «скайп».

Наиболее часто возникает необходимость исследования именно файлообменных сетей, в частности торрентов.

Е. А. Войниканис отмечает три основных принципа функционирования файлообменной сети:

- «взаимного использования ресурсов;
- децентрализации;
- самоорганизации»².

Первый принцип характеризуется предоставлением информации и компьютерных мощностей фактически в общее пользование. Имея много общего с распределенной базой данных, в пиринговой сети пользователь предоставляет доступ к части своего дискового пространства.

Принцип децентрализации означает отсутствие единых серверов, с которых происходит скачивание информации, неприменение клиент-серверной схемы. Отсутствие выраженного центра не дает возможности выявить конкретного злоумышленника или заблокировать конкретный ресурс.

Принцип самоорганизации заключается в корреляции структуры конкретной файлообменной сети с количеством участников, количеством и характером операций в сети.

Принципиальная основа функционирования торрентов достаточно подробно описана Е. Ю. Бакировой и А. Л. Свиным как сообщение присоединившимся к торренту пользователем своего адреса в сети и получение адресов передающих или скачивающих тот же файл пользователей: «Данные пользователи по частям скачивают друг у друга недостающие фрагменты определенного файла, получая на выходе совокупность всех частей этого файла, т.е. файл целиком»³. Таким образом, трекеры предоставляют только адреса пользователей, не участвуя в самом процессе обмена файлами, а пользователи соединяются напрямую в произвольных конфигурациях.

Активно используются технологии пиринговых (от англ. Peer-to-peer, p2p — равный к равному) файлообменных сетей в рамках Даркнета — теневого интернета — для ограничения доступа и анонимизации участников.

Классификация файлообменных сетей может производиться по различным основаниям. По типу организации сети можно выделить ча-

² Войниканис Е. А. Проблемы охраны результатов интеллектуальной деятельности в пиринговых сетях // Современное право. 2009. № 3. С. 106.

³ Бакирова Е. Ю., Свин А. Л. Защита авторских прав в сети Интернет на примере файлообменных сетей // Проблемы законодательного регулирования ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества : материалы междунар. науч.-практ. конференции в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», г. Белгород, 19 апреля 2013 г. / отв. ред. И. М. Комаров. Белгород : НИУ «БелГУ», 2013. С. 26.

стично децентрализованные сети (например, торренты с сервером, на котором размещаются адреса пользователей, владеющих информационными объектами), полностью децентрализованные (классические пиринговые сети и сети friend-to-friend). По степени открытости можно выделить: полностью открытые сети (допускающие скачивание без регистрации); требующие регистрацию, но не ограничивающие ее; сети с ограниченной регистрацией (либо требующие приглашения участника сети, либо сети с ограниченной пропускной способностью, допускающие подключение нового пользователя только после исключения старого); сети friend-to-friend (небольшие сети, чаще всего лично или дистанционно знакомых людей). С точки зрения легальности можно назвать: легальные сети (модерируемые, не подвергнутые блокировке), «серые» сети (со слабой модерацией, но удаляющие незаконный контент после жалоб пользователей), блокируемые сети (с блокировкой конкретным провайдером или в отношении которых Роскомнадзором принято решение о блокировке). При этом практика показывает, что на обход блокировки с помощью «зеркала», смены адреса, использования VPN-сервисов или специальных расширений браузеров требуется всего несколько дней.

Криминалистически значимыми задачами работы с распределенной информацией будут:

- 1) восстановление целого информационного объекта по частям;
- 2) установление самого пользователя и его идентификаторов;
- 3) доказывание осведомленности пользователя о содержании имеющихся у него информационных объектов;
- 4) доказывание умысла на распространение.

С криминалистической точки зрения особое значение приобретает специфика разделенного объекта. В отличие от классических вариантов восстановления целого по частям, как имеющим общую линию разделения, так и не имеющим таковой, или установления единого источника происхождения (емкости, объема или хранилища), распределенная информация, обнаруженная на разных устройствах, практически не имеет объединяющих признаков,

объединение информационных объектов осуществляется программой-клиентом. При этом используются совершенно другие принципы и методы по сравнению с восстановлением целого по частям в ходе идентификационных или диагностических исследований материальных объектов.

Установление пользователя (конкретного терминала, с которого осуществлялась работа с информацией) осуществляется путем выявления идентификаторов — MAC-адреса (адреса компьютера или иного электронного устройства в киберпространстве), IP-адреса (совокупности кодов, указывающих «привязку» адреса в реальном пространстве), никнейма / логина / имени компьютера / имени пользователя (используются разные формулировки). В некоторых случаях при установке программы-клиента требуется также указать язык пользователя. Что касается IP-адреса, то следует учитывать, что многими провайдерами по умолчанию предлагается пользователям динамический IP-адрес, а статический адрес предоставляется только за дополнительную плату. То есть динамический адрес может при каждом включении компьютера быть разным. Он присваивается службой DHCP в зависимости от политики присваивания адресов и наличия свободных адресов. Установив IP-адрес пользователя с помощью сервисов типа WhoIs, можно определить его географическую привязку. При этом с учетом практически полного отсутствия географических ограничений в киберпространстве расследование могут осложнять территориальная разнесенность пользователей на большие расстояния и нахождение пользователей в странах, не имеющих договоров о правовой помощи и о выдаче преступников с РФ, а также недружественно относящихся к России. Кроме того, пользователь может прибегнуть к использованию прокси-серверов. MAC-адрес компьютера тоже может быть изменен программными средствами.

Частично децентрализованные сети имеют единые хабы, на которых обрабатываются запросы пользователей на поиск определенной информации и, соответственно, оставляются виртуальные следы подобного поиска. В процессе взаимодействия с провайдерами и вла-

дельцами (модераторами) могут быть получены сведения о конкретных пользователях, интересующихся определенной информацией, списки запросов конкретного пользователя и т.д. Многие клиенты пиринговых сетей отображают не только никнеймы, но и IP-адреса владельцев информационных фрагментов. В некоторых программах национальная принадлежность пользователя дополнительно указывается флагом.

Нужно учитывать, что во многих случаях сам пользователь может достоверно не знать сущность информационного фрагмента, находящегося у него, или точное пофайловое содержимое крупного информационного пакета (крупного сборника документов, дискографии и т.д.). Следовательно, умысел на обладание определенной информацией, ограниченной в распространении, еще должен быть доказан. С учетом возможных стеганографических закладок это будет не всегда легкой задачей. Для ее решения важно будет восстановить историю поиска и перекачки.

Поскольку сам торрент непосредственно содержит только адреса владеющих нелегальной информацией пользователей, а не саму информацию, как верно отметил В. А. Мещеряков, «размер и вид этой информации не всегда позволяют ее однозначно связать с исходным файлом, являющимся объектом правовой охраны»⁴. Неполный информационный объект не может рассматриваться как целостный цифровой продукт.

Во многих клиентах скачанная информация автоматически ставится на раздачу. Поэтому распространение запрещенной информации (экстремистской, детской порнографии и т.д.) при подтверждении умысла на скачивание именно этого объекта не должно представлять больших сложностей.

Еще одну правовую и криминалистическую проблему подчеркнул В. А. Мещеряков — основанную на наличии информации о адресах владельцев частей информационного объекта в сети возможность перманентной перекачки и удаления после использования (просмотра,

прочтения и т.д.) элементов информационного объекта, необходимых в конкретный момент. Он связывает эту возможность с наличием единого координирующего центра⁵.

Ряд виртуальных следов может быть обнаружен на информационно-технологических устройствах подозреваемых — это следы установки и использования программ-клиентов файлообменных сетей и торрентов (ApeXDC++, StrongDC++, µTorrent («мю-торрент»), uTorrent, BitTorrent), следы на рабочем столе, в папке установки, в реестре, списке автозагрузки, папках недавно использованных программ и файлов, следы в самих программах-клиентах, свидетельствующих о поиске и перекачке определенной информации. Кроме того, на терминале пользователя могут оставаться следы незаконченных перекачкой файлов пиринговой сети (например, *.lfl- в сети FlylinkDC++), файлов торрент-трекера, отражающих искомый информационный объект (это файлы с расширением *.torrent или .t_ с цифровым кодом. В них содержится URL трекера, имя, размер файла и контрольные хеш-суммы SHA-1-сегментов раздаваемых файлов). В программах-клиентах пиринговой сети или торрентов может быть выявлена следующая информация: список скачиваемых, завершенных и раздающихся файлов, настройки раздачи (ограничения или полный запрет на раздачу), IP-адреса, с которых происходит скачивание, адреса трекеров, с которых производился поиск определенных файлов. Это дает возможность определить пользователей, стабильно раздающих незаконный контент. Кроме того, как отметил Д. А. Тарасов, «в торрент-файле содержатся следующие данные:

- announce — URL-адрес торрент-трекера;
- announce list — список, содержащий несколько URL-адресов трекеров;
- create date — дата создания торрент-файла;
- comment — комментарий от создателя торрент-файла;
- created by — название и версия программы, в которой был создан торрент-файл;

⁴ Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. С. 141.

⁵ См.: Мещеряков В. А. Указ. соч. С. 142.

— info — директива для описания свойств файлов.

В файле истории торрент-клиента содержатся список загруженных с его помощью данных и путь их сохранения на компьютере пользователя (эти данные сохраняются, даже если загруженные файлы удалены и с носителя информации, и из списка загрузок в самом торрент-клиенте)»⁶.

В России практически отсутствует правовая база для привлечения к ответственности провайдера пиринговых сетей (но и в сетях последнего поколения контроля за контентом сети у провайдера практически не остается). Отечественные авторы отрицают возможность привлечения к административной или уголовной ответственности администраторов файлообменной сети за размещение информации. Это связано с тем, что на сайтах торрентов размещается только информационный файл, который содержит информацию о «местонахождении ресурса сети Интернет (URL), информацию о закачиваемом файле (размер, длительность и т.д.), а также контрольную сумму файла (чтобы в итоге собрать все его части и получить единое целое). Отсюда можно сделать вывод, что администрация данного интернет-ресурса не может нести ответственность за нарушение авторских и смежных прав, так как ни в одном нормативном правовом акте не закреплен прямой запрет на размещение и распространение файлов, носящих информационный характер (файлы метаданных)»⁷.

Между тем американский законодатель допускает ответственность провайдера за склонение (или содействие) к контрафакции, если провайдер был осведомлен о содержании файлов и оказал прямое материальное содействие. В Европе практикуется ответственности при осведомленности, материальной заинтересованности владельцев р2р-серверов и отсутствии своевременной реакции на законные требования об удалении контента.

Следует учитывать, что доступ к файлообменным сетям может быть различного уровня открытости, и если подключение к обычным пиринговым сетям или пиринговым сетям открытой авторизации оперативного сотрудника или следователя со своего устройства для изучения не будет создавать проблем, то для изучения сетей, требующих приглашения уже зарегистрированного пользователя, и сетей ограниченного круга пользователей friend-to-friend уже требуется серьезная агентурная работа по вербовке участника такой сети или внедрению оперативного сотрудника в связи с новинками разработок криптостойкости сетей.

С технической стороны для анализа пиринговых сетей применяются утилиты-сканеры, осуществляющие выборку и анализ данных о загруженных/розданных файлах, сканирующие логи программ-клиентов, в некоторых случаях осуществляющие поиск по логам нужных файлов (фильмов, музыки и т.д.).

Кроме того, для небольших файлообменных сетей остается достаточно актуальной схема доказывания, предложенная Н. Н. Федотовым. Он разграничивает доказывание факта размещения определенного информационного объекта в файлообменной сети и доказывание самого факта использования конкретным пользователем конкретной сети. В первом случае возможно использование заключения эксперта или свидетельских показаний. Для доказывания же второго обстоятельства Н. Н. Федотов предлагает разветвленную схему:

— «протокол экспертизы компьютера интересующего нас лица, содержащий вывод о том, что на исследуемом компьютере было установлено ПО файлообменных сетей и это ПО использовалось по назначению;

— показания иного участника файлообменной сети о том, что он взаимодействовал в этой сети с узлом, имеющим тот же IP-адрес, что использовался интересующим нас лицом;

⁶ Тарасов Д. А. Об эффективности судебной компьютерной экспертизы в процессе доказывания деяний, связанных с «компьютерным пиратством» // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 100.

⁷ Бакирова Е. Ю., Свиная А. Л. Указ. соч. С. 27.

— протокол экспертизы компьютера иного участника файлообменной сети, содержащий вывод о том, что на исследуемом компьютере было установлено ПО файлообменных сетей, это ПО использовалось по назначению и обнаружены следы взаимодействия с IP-адресом интересующего нас лица;

— протокол осмотра или экспертизы компьютера оператора связи (провайдера), где зафиксировано наличие логов, отражающих информацию о трафике IP-адреса интересующего нас лица, причем в этом трафике присутствовали характерные для файлообменных сетей особенности (протоколы, порты, IP-адреса популярных узлов)»⁸.

Зарубежные ученые подчеркивают необходимость изучения следующих файлов:

— файлов, которые являются либо контрабандными, либо незаконно хранящимися;

— конфигурационных файлов, содержащих информацию о сервере или пользователе, историю подключений, общие диски в сети или интернет-сайты, предоставляющие место для хранения данных вне сети (например, xDrive, Yahoo! и т.д.);

— файлов данных, показывающих расположение общего доступа к файлам с именами пользователей, паролями, условиями поиска, списками файлов, а также информацией о дате и времени (.dbb);

— файлов журналов, отображающих передачу данных и сетевую активность;

— сохраненной электронной почты, которая показывает соответствующую активность пользователя;

— программ передачи файлов⁹.

В криминалистических целях можно выделить особые пиринговые сети, размещающие децентрализованные интернет-страницы на компьютерах громадного количества пользователей в сети в долях, так что установить конкретного владельца становится невозможно. В качестве примера таких сетей можно назвать тот же ZeroNet. А. Н. Колычева указывает, что «фактически его владельцем, как и “хостинг-провайдером”, становятся все пользователи децентрализованной сети, и только методом контент-анализа информации, в случае если на странице есть какие-то дополнительные сведения, например номера телефонов, почтовые адреса, адреса электронной почты, сетевые псевдонимы, определенная символика и т.д., можно выявить владельца»¹⁰.

Подводя итог, можно отметить, что следователь в настоящее время уже должен быть не просто средненьким пользователем компьютера, но разбираться хотя бы на уровне терминологии и основ принципов функционирования всех этих новых информационных концептов. Представляется насущно необходимым организация периодических курсов повышения квалификации с рассмотрением новых технологий и основ их исследования. Ведь, как отмечает А. А. Куприянов, «для того чтобы привлечь квалифицированного специалиста, следователю приходится разбираться в том, кого именно привлечь в конкретном случае. Особенно актуальна эта проблема для уголовных дел о преступном распространении запрещенных материалов через файлообменные сети путем прямой рассылки или предоставления доступа»¹¹.

⁸ Федотов Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика М. : Юридический мир, 2007. С. 244–245.

⁹ Hagy D. W. Investigations Involving the Internet and Computer Networks. Washington, DC : National Institute of Justice, 2007. P. 52.

¹⁰ Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 56.

¹¹ Куприянов А. А. Доказывать отсутствие подделки IP-адресов обвиняемых обязано следствие // Уголовный процесс. 2017. № 6. С. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бакирова Е. Ю., Свиляр А. Л. Защита авторских прав в сети Интернет на примере файлообменных сетей // Проблемы законодательного регулирования ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества : материалы междунар. науч.-практ. конференции в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», г. Белгород, 19 апреля 2013 г. / отв. ред. И. М. Комаров. — Белгород : НИУ «БелГУ», 2013. — С. 26–29.
2. Войниканис Е. А. Проблемы охраны результатов интеллектуальной деятельности в пиринговых сетях // Современное право. — 2009. — № 3. — С. 106–109.
3. Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 199 с.
4. Куприянов А. А. Доказывать отсутствие подделки IP-адресов обвиняемых обязано следствие // Уголовный процесс. — 2017 — № 6.
5. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике : монография. — М. : Проспект, 2022. — 176 с.
6. Радайкин М. Ф. Правовое положение торрент-трекеров и их пользователей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 4. — С. 46–55.
7. Тарасов Д. А. Об эффективности судебной компьютерной экспертизы в процессе доказывания деяний, связанных с «компьютерным пиратством» // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 2. — С. 100–101.
8. Федотов Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика — М. : Юридический мир, 2007. — 432 с.
9. Hagy D. W. Investigations Involving the Internet and Computer Networks. — Washington, DC : National Institute of Justice, 2007. — 137 p.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakirova E. Yu., Svinar A. L. Zashchita avtorskikh prav v seti Internet na primere fayloobmenykh setey // Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya resursov i pravovogo razresheniya konfliktov s uchastiem subektov internet-soobshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii v ramkakh proekta «Rossiysko-ukrainskie kriminalisticheskie chteniya na Slobozhanshchine», g. Belgorod, 19 aprelya 2013 g. / otv. red. I. M. Komarov. — Belgorod: NIU «BelGU», 2013. — S. 26–29.
2. Voynikanis E. A. Problemy okhrany rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti v piringovykh setyakh // Sovremennoe pravo. — 2009. — № 3. — S. 106–109.
3. Kolycheva A. N. Fiksatsiya dokazatel'svennoy informatsii, khranyashcheysya na resursakh seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk (Ros. gos. un-t pravosudiya). — M., 2018. — 199 s.
4. Kupriyanov A. A. Dokazyvat otsutstvie poddelki IP-adresov obvinyayemykh obyazano sledstvie // Ugolovnyy protsess. — 2017 — № 6. — S. 8.
5. Meshcheryakov V. A. Teoreticheskie osnovy mekhanizma sledoobrazovaniya v tsifrovoy kriminalistike: monografiya. — M.: Prospekt, 2022. — 176 s.
6. Radaykin M. F. Pravovoe polozhenie torrent-trekerov i ikh polzovateley // Intellektual'naya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2013. — № 4. — S. 46–55.
7. Tarasov D. A. Ob effektivnosti sudebnoy kompyuternoy ekspertizy v protsesse dokazyvaniya deyaniy, svyazannykh s «kompyuternym piratstvom» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 2. — S. 100–101.
8. Fedotov N. N. Forenzika — kompyuternaya kriminalistika — M.: Yuridicheskiy mir, 2007. — 432 s.
9. Hagy D. W. Investigations Involving the Internet and Computer Networks. — Washington, DC: National Institute of Justice, 2007. — 137 p.

Проблемы собирания цифровых следов при производстве следственных действий по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов в рамках следственных действий по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях. Анализируются основные подходы к пониманию цифрового следа, а также позиции по классификации цифровых следов. Указывается, какие конкретно цифровые следы встречаются в такой категории дел, как незаконный оборот наркотических средств в компьютерных сетях. Автором проведен анализ международного опыта в области собирания цифровых следов, изучена отечественная судебная практика по рассматриваемой категории дел. Приводятся примеры, иллюстрирующие актуальность данной темы. В ходе проведения исследования выявлены проблемы, возникающие при собирании цифровых следов в рамках производства таких следственных действий, как осмотр и обыск. Отмечается необходимость разработки методики, направленной на стандартизацию порядка работы с цифровыми следами.

Ключевые слова: цифровые следы; собирание цифровых следов; классификация цифровых следов; наркотические средства; наркопреступность; незаконный оборот наркотических средств; компьютерные сети; Даркнет; маскировка; специальные знания.

Для цитирования: Саркисян К. Т. Проблемы собирания цифровых следов при производстве следственных действий по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 188–196. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.188-196.

Problems of Collecting Digital Traces during Investigative Activities in Cases Related to Illegal Drug Trafficking in Computer Networks

Karina T. Sarkisyan, Postgraduate Student, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
karina8888883@gmail.com

Abstract. The paper examines current issues of detection, recording and seizure of digital traces in line with investigative activities in cases related to the illegal trafficking of drugs in computer networks. The main approaches to understanding a digital trace, as well as positions on the classification of digital traces, are considered. The paper analyzes what specific digital traces are encountered in such a category of cases as illegal drug trafficking in

© Саркисян К. Т., 2025

* Саркисян Карина Тархановна, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
karina8888883@gmail.com

computer networks. An analysis of international experience in the field of collecting digital traces was conducted, and domestic judicial practice in the category of cases under consideration was studied. Examples are given to illustrate the relevance of this topic. During the study, problems were identified that arise when collecting digital traces during investigative actions such as inspection and search. The paper notes the need to develop a methodology aimed at standardizing the procedure for working with digital traces.

Keywords: digital traces; digital trace collection; digital trace classification; narcotics; drug crime; drug trafficking; computer networks; Darknet; disguise; special knowledge.

Cite as: Sarkisyan KT. Problems of Collecting Digital Traces during Investigative Activities in Cases Related to Illegal Drug Trafficking in Computer Networks. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):188-196. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.188-196.

Современные технологии и повсеместная цифровизация оказали свое влияние на развитие и изменение юридических наук, в частности уголовно-правовых. Как показывает практика, процессы цифровизации привели к появлению нового вида следов, а именно цифровых следов. Вопросы, связанные с понятием «цифровой след», активно обсуждаются в научной среде и становятся объектом дискуссий ученых.

При этом важно отметить, что такая тенденция отмечается не только в России, но и в целом по всему миру.

Согласно статистике, представленной Советом начальников национальной полиции Великобритании, при расследовании более 90 % всех зарегистрированных преступлений обнаруживаются цифровые следы, которые в результате многоэтапных процессов обнаружения, фиксации и изъятия преобразуются в такой вид доказательств, как цифровые доказательства¹.

Действительно, в настоящее время большое количество преступлений совершается с использованием компьютерных средств и систем, в результате чего и появляются цифровые следы.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных проблем собирания цифровых следов, следует определиться, что в науке обозначается этим термином.

Не все ученые используют понятие «цифровые следы», говоря о данных объектах. Так, например, В. А. Мещеряков в своих работах вводит понятие «виртуальные следы», под которыми понимает любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления, представленное в виде компьютерной информации и зафиксированное на материальном носителе².

В. Б. Вехов употребляет термин «электронный след», подразумевая информацию, содержащуюся на определенных электронных носителях³.

Понятие же «цифрового следа» было разработано Е. Р. Россинской, которая предлагает понимать под цифровым следом «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи»⁴.

¹ The National Policing Digital Strategy 2020–2030: Digital, Data and Technology Strategy (the Strategy) // URL: <https://pds.police.uk/wp-content/uploads/2020/01/National-Policing-Digital-Strategy-2020-2030.pdf> (дата обращения: 21.01.2024).

² Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. С. 94–98.

³ Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. Вып. 2. С. 14.

⁴ Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский ; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2022. С. 44.

Представляется, что данное определение наиболее полно, точно и емко раскрывает сущность цифрового следа.

Продолжая тему дискуссии о цифровых следах, следует сказать, что существует множество классификаций цифровых следов, к общему мнению ученые на данный момент не пришли, поэтому их позиции разнятся.

Традиционно в криминалистике следы делят на материальные и идеальные.

Р. А. Дерюгин, А. А. Жижелева считают, что цифровые следы нельзя отнести ни к материальным, ни к идеальным, поскольку они занимают промежуточное положение⁵.

По мнению В. Б. Вехова, Б. П. Смагоринского, С. А. Ковалева, компьютерная информация обладает определенными фиксированными характеристиками и представляет собой «невидимые материальные следы»⁶.

В связи с этим ряд авторов, в частности упомянутый В. А. Мещеряков, предлагают ввести еще одну категорию — «виртуальные следы»⁷.

Однако такое деление будет не совсем корректным, так как цифровые следы всё же содержатся на материальных носителях и, что важно, неотделимы от них.

По этой причине нельзя не согласиться с мнением Е. Р. Россинской, которая пишет, что «по природе цифровые следы являются следами материальными»⁸.

Развивая вопрос классификации цифровых следов, Е. Р. Россинская предлагает классификацию цифровых следов по месту хранения⁹:

- 1) на отдельных носителях,
- 2) в компьютерных системах и сетях.

В контексте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, наиболее актуальным является рассмотрение цифровых следов, хранящихся в компьютерных сетях.

Несмотря на то что вопросам о цифровых следах в последние годы уделяется достаточное внимание в науке, всё же отсутствие четко определенных, сформулированных правовых, теоретических и организационных основ обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов приводит к ситуации, когда имеющие значение для дела цифровые следы не становятся в результате процессуальных действий доказательствами. Это негативно отражается на расследовании и раскрытии преступлений правоохранительными органами.

Незаконный оборот наркотических средств во многом осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в связи с чем поднимаемая проблема наиболее актуальна для наркопреступлений.

Собирание следов преступления представляет собой многоступенчатый и комплексный процесс, осуществляемый в соответствии с законодательством и существующими методиками.

Говоря о собирании следов, традиционно в криминалистике под этим понимают три последовательно сменяющих друг друга этапа: обнаружение, фиксацию и изъятие¹⁰. Вопросы, связанные с обнаружением, фиксацией и изъятием следов, освещаются уже достаточно давно.

При анализе работ ученых можно отметить, что для каждого объекта имеются определен-

⁵ Дерюгин Р. А., Жижелева А. А. Перспективы развития цифровой криминалистики в условиях информационного общества // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24–25 мая 2019 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. С. 40–46.

⁶ Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Указ. соч. С. 17.

⁷ Мещеряков В. А. Указ. соч. С. 94–98.

⁸ Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 199.

⁹ Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография. С. 46.

¹⁰ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2014.

ные особенности их обнаружения, фиксации и изъятия.

В случае с цифровыми следами необходимо учитывать их специфику, а также то, в рамках каких следственных действий происходит процесс собирания.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что в основном следователи при расследовании дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях, сталкиваются с цифровыми следами при производстве таких следственных действий, как осмотр и обыск.

В зависимости от того, какое следственное действие проходит, выстраивается тактика работы с цифровыми следами, определяется порядок проводимых с ними действий в ходе собирания.

Так, осмотр в большинстве своем требует большей оперативности по принятию решений, привлечению специалистов, нежели обыск, который проводится уже по возбужденному уголовному делу.

Возвращаясь все-таки к специфике цифровых следов, отметим, что цифровые следы представляют собой именно компьютерную информацию, то есть они сами по себе не могут быть изъятые, приобщены к материалам дела, так как информация всё же представляет собой нечто нематериальное, что нельзя воспринимать органами чувств непосредственно. Поэтому цифровые следы неотделимы от их носителей, на которых они располагаются.

Особенность цифровых следов заключается и в их доступности. Принимая во внимание уровень и степень внедрения современных технологий, стоит учитывать, что пользователь имеет возможность без труда и достаточно оперативно управлять компьютерной информацией, проводить с ней различные процедуры в удаленном режиме.

Данные факторы приводят к необходимости разработки новых методов и способов обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов.

Сложность работы с цифровыми следами состоит в том, что, помимо общих для всех цифровых следов особенностей, нужно иметь в виду также специфику отдельных видов цифровых следов.

Анализ судебной практики демонстрирует, что наиболее часто встречающимися цифровыми следами по исследуемой категории дел являются следующие:

- данные социальных сетей и мессенджеров;
- данные сайтов сети Интернет, сети Даркнет, история посещения сайтов;
- данные приложений, содержащие информацию, например о местоположении и о проведенных транзакциях;
- облачное хранилище данных.

В ходе исследования данных социальных сетей, мессенджеров, а также данных с сайтов их обнаружение может быть осложнено тем, что значимая для дела информация может быть замаскирована. Такая маскировка бывает как лингвистической, так и компьютерно-технической.

Так, в разговоре могут быть употреблены слова, фразы, которые на первый взгляд не относятся к семантическому полю «наркотические средства», однако при более детальном исследовании не только вырванных из контекста лексем, словосочетаний, но и всего речевого продукта в целом лицо, обладающее специальными знаниями, может обнаружить использование маскировки слов наркотического дискурса.

Например, нередко для маскировки используются лексемы с семантическим полем «продукты питания». Согласно словарным данным наркотического сленга, масло — это концентрированная настойка опия; молоко — отвар дикорастущей конопли в молоке; пшено — папиросы с анашой или гашишем¹¹.

В своей работе А. Г. Данилин приводит примеры фраз, которые встречаются в разговорах при обсуждении наркотических средств: «Хочу нашего молока», «Мне нужно немного белого хлеба»¹².

¹¹ Наркоманский словарь Баяна Шириянова // URL: <http://imperium.lenin.ru/EOWN/eown7/dictionary/dictionary.html> (дата обращения: 15.01.2024).

¹² Данилин А. Г. LSD. Галлюциногены, психodelия и феномен зависимости. М. : Центрполиграф, 2001. С. 209.

Несмотря на изменение способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, приведенная А. Г. Данилиным лексика всё еще широко используется наркопреступниками.

Анализ показывает, что еще одним вариантом маскировки является внедрение гиперссылок в текст. Причем такие гиперссылки могут не отличаться визуально от других слов в речевом продукте. В таких случаях необходимо привлечь специалиста, который владеет навыками обнаружения скрытых гиперссылок.

Следующая проблема, с которой можно столкнуться на практике при работе с мессенджерами, заключается в появлении секретных чатов. В частности, такая функция предусмотрена в «Телеграме», который наиболее активно используется наркопреступниками.

Особенность секретного чата «Телеграма» состоит в возможности автоматического удаления сообщений по истечении заданного заранее времени (от одной секунды до одной недели) без возможности восстановления. Соответственно, криминалистически значимая информация может быть удалена еще до ее обнаружения.

С учетом этого факта, а также того, что управлять чатами «Телеграма» можно с различных устройств, вероятность потери криминалистически значимой информации возрастает.

При этом информация, которая может сохраняться в социальных сетях, мессенджерах, нередко является важной и ключевой для расследования и раскрытия преступлений.

В практике США известен случай, когда по опубликованной фотографии удалось найти поставщика наркотических средств. В рамках операции «Темное золото» сотрудники правоохранительных органов просматривали данные онлайн-магазинов Даркнета. На одном из таких сайтов были опубликованы фотографии, представляющие собой изображение марихуаны на ладони человека. Ввиду того что фотографии

были сделаны в высоком разрешении, четко просматривались папиллярные узоры пальцев рук. Данный фотоматериал был направлен на дактилоскопическую экспертизу, в результате которой было обнаружено, что в базе данных уже присутствуют исследуемые отпечатки, принадлежащие Хосе Роберту Поррасу. Таким образом была выявлена личность преступника¹³.

Однако для того, чтобы обнаруженные цифровые следы не теряли своей значимости, необходимо обеспечить сохранность имеющихся данных.

Если брать в пример «Телеграм», то в первую очередь нужно завершить сеансы на других устройствах с целью недопущения дистанционного удаления чатов и иной информации.

После этого шага можно, собственно, приступить к работе с цифровыми следами.

Уже были отмечены сложности обнаружения цифровых следов, связанные с маскировками. Однако стоит констатировать, что достаточно часто при работе с цифровыми следами специалисты имеют дело с большим объемом информации, что, естественно, требует времени. А при сборе цифровых следов оперативность играет одну из значимых ролей.

В зарубежных странах для ускорения процесса с получением максимального результата начали использовать ряд программ. Например, Cellebrite Pathfinder — это программа, основанная на алгоритмах машинного обучения. Cellebrite Pathfinder автоматически объединяет большие объемы разрозненных источников данных мобильных, облачных, компьютерных и телекоммуникационных сетей с целью выявления необходимой для правоохранительных органов информации¹⁴.

Программа имеет возможности распознавания, обработки и анализа текста, обнаружения фото-, видеоизображений, относящихся к заданной категории (в частности, в категории «наркотические средства»). Не менее важным является

¹³ Отчет по результатам проведенной сотрудниками правоохранительных органов США операции «Темное золото» // URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/first-nationwide-undercover-operation-targeting-darknet-vendors-results-arrests-more-35> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁴ Данные о программе Cellebrite Pathfinder // URL: <https://www.dataexpert.eu/products/mobile-forensics-cellebrite/cellebrite-pathfinder/> (дата обращения: 23.01.2024).

способность Cellebrite Pathfinder к получению данных о местонахождении подозреваемых лиц, обнаружению «горячих» точек. С помощью такой программы можно выстраивать в дальнейшем связи и закономерности передвижения, коммуникации лиц, участвующих в наркопреступлениях.

Безусловно, внедрение таких технологий требует проведения ряда масштабных процедур по проверке их функционирования, по их стандартизации, паспортизации. Однако современные проблемы требуют современных решений. И при собирании цифровых следов нельзя обойтись без использования передовых технологий.

В целом весь указанный алгоритм действий применим ко всем мессенджерам, социальным сетям, а также к отдельным приложениям.

При расследовании дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, наибольшее внимание уделяется именно данным социальных сетей, мессенджеров и сайтов сетей Интернет, Даркнет. При этом не менее криминалистически значимая информация может содержаться в приложениях.

В приговоре от 26.07.2023 по делу № 1-188/2023 Шатурского городского суда Московской области приводятся обстоятельства, согласно которым гражданин А. оборудовал тайники с закладками, используя мобильное приложение «Мэпс.ми». Впоследствии при осмотре его мобильного телефона были найдены «скриншоты из приложения “Мэпс.ми” с географическими координатами местности в количестве 60 штук». При проверке следственно-оперативной группой данных координат были найдены 53 тайника с закладками¹⁵.

Обнаружение данных банковских приложений может позволить отследить историю совершенных операций и, что не менее значимо, получателя денежных средств. Конечно, наркопреступники нередко либо оплачивают наличными, либо прибегают к использованию криптовалюты. И всё же нельзя исключать воз-

можность отслеживаемой бесконтактной оплаты и не проверять данную информацию.

Шпаковский районный суд Ставропольского края в вынесенном им приговоре от 19.07.2023 по делу № 1-187/2023 излагает следующие обстоятельства: гражданин А., используя личный мобильный телефон, через сайт интернет-магазина оформил заказ: «с целью личного потребления? пирролидиновалерофенон, который является производным наркотического средства N-метилэфедрона, в крупном размере». Оплату заказа стоимостью 2 636 руб. гражданин А. провел бесконтактным способом¹⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что данные приложений тоже могут содержать в себе криминалистически значимую информацию, которая при соблюдении всех процессуальных норм может стать в дальнейшем доказательством.

Не раз отмечалось, что цифровые следы неотделимы от их носителей, поэтому изъятию подлежат непосредственно носители.

В случае, когда носителем является мобильный телефон, планшет, необходимо иметь в виду, что если устройство находится во включенном состоянии, то команды дистанционного уничтожения информации могут быть применены без ведома следователя. Некоторые устройства имеют автоматический таймер для включения телефона с целью обновления, что также может поставить под угрозу данные, поэтому оптимальный вариант — извлечение аккумулятора.

Если устройство невозможно выключить, его необходимо изолировать от вышки сотовой связи, поместив в сумку Фарадея или другой блокирующий материал, перевести в режим полета либо отключить Wi-Fi, Bluetooth или другую систему связи. Цифровые устройства следует помещать в антистатическую упаковку, например в бумажные пакеты или конверты и картонные коробки. Следует избегать пластика, поскольку он может передавать статическое электриче-

¹⁵ Приговор от 26.07.2023 по делу № 1-188/2023 Шатурского городского суда Московской области // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7CPamAaBkmmJ/> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁶ Приговор от 19.07.2023 по делу № 1-187/2023 Шпаковского районного суда Ставропольского края // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DSn8SXFf2qg9/> (дата обращения: 20.01.2024).

ство, способствовать накоплению конденсата или влажности.

Изъятие компьютера — более сложный процесс. В каждом случае необходимо учитывать существующие особенности, например, включен или выключен был компьютер при его обнаружении, подключен ли компьютер к локальной сети и даже в рамках какого невербального следственного действия происходит изъятие носителя.

В науке уже выработаны рекомендации по обращению с цифровыми следами при их обнаружении, фиксации и изъятии. Однако теперь необходимо разработать методику, которая бы стандартизировала положения относительно порядка работы с цифровыми следами.

Важно отметить, что при выключении компьютера значимая информация может быть утеряна. Но в ситуации, когда на включенном компьютере запущена программа, формирующая, удаляющая информацию, необходимо немедленно отключить питание компьютера, чтобы сохранить оставшиеся на нем данные.

Вне зависимости от того, с каким носителем специалист имеет дело, он должен четко и полно отражать «в протоколе манипуляции, производимые как с осматриваемыми физическими объектами (средствами вычислительной техники, электронными носителями информации), так и непосредственно с объектами информационными»¹⁷.

Через фиксацию дополнительно обеспечивается сохранность цифровых следов и их носителей, с помощью фиксации можно отследить, каким образом были обнаружены и изъяты цифровые следы.

Действия специалиста фиксируются в протоколе следственного действия, который в дальней-

шем исследуется в суде. И, к сожалению, не всегда такая фиксация проводится в нужном порядке.

В частности, в приговоре от 09.06.2023 по делу № 1-120/2023 Ярославского районного суда отражено, что на определенном сайте интернет-магазина подсудимым были приобретены семена конопли, а также изучены посредством сети «Интернет» способы, методы и основы выращивания конопли¹⁸.

Изложенные факты, исходя из текста приговора, подтверждаются исключительно показаниями подсудимого. Однако из-за отсутствия привлечения специалиста возникают вопросы: с какого носителя совершались подсудимым указанные в приговоре действия? точно ли именно подсудимый пользовался данными устройствами, заходил в сеть и осуществлял ряд операций?

Во всех обозначенных аспектах собирания цифровых следов прослеживается необходимость участия специалиста, который бы смог обеспечить сохранность цифровых следов. Именно специалист владеет знаниями о том, какие методы и в каком порядке нужно применять в каждом конкретном случае, что необходимо фиксировать в протоколах следственных действий, какая информация является значимой.

В законодательстве участие специалиста по изъятию электронных носителей в следственных действиях регулируется статьей 164.1 УПК РФ¹⁹. Однако этой статьей не охватываются все вопросы, возникающие при работе с цифровыми следами и требующие правового регулирования.

Если обращаться к опыту зарубежных стран, а именно США, то, как указывает Национальный институт юстиции, собиранием цифровых следов должны заниматься лица, обладающие специальными знаниями, иначе говоря, специалисты²⁰.

¹⁷ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях: теория и практика // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 107.

¹⁸ Приговор от 09.06.2023 по делу № 1-120/2023 Ярославского районного суда // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fnQtVFPisVbb/> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a181248bd35e283bbf253a905940bfb32dd9923e/ (дата обращения: 20.01.2024).

²⁰ Electronic Crime Scene Investigation : A Guide for First Responders / National Institute of Justice (2008, April). Second edition // URL: <https://nij.ojp.gov/library/publications/electronic-crime-scene-investigation-guide-first-responders-second-edition> (дата обращения: 20.01.2024).

Действительно, компетенций следователя уже на данный момент будет недостаточно для эффективной работы с современными технологиями.

Нельзя преуменьшать важность производства отдельных следственных действий с уча-

стием специалиста, особенно в категории дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях. Их специфика априори предполагает необходимость привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в определенной области.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2014. — 928 с.
2. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. — 2016. — Вып. 2. — С. 10–19.
3. Данилин А. Г. LSD. Галлюциногены, психodelия и феномен зависимости. — М. : Центрполиграф, 2001. — 521 с.
4. Дерюгин Р. А., Жижелева А. А. Перспективы развития цифровой криминалистики в условиях информационного общества // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24–25 мая 2019 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. — С. 40–46.
5. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. — 408 с.
6. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях: теория и практика // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 9. — С. 102–118.
7. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (89). — С. 193–202.
8. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский ; под ред. Е. Р. Россинской. — М. : Проспект, 2022. — 254 с.

Материал поступил в редакцию 11 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2014. — 928 s.
2. Vekhov V. B., Smagorinskiy B. P., Kovalev S. A. Elektronnyye sledy v sisteme kriminalistiki // Sudebnaya ekspertiza. — 2016. — Vyp. 2. — S. 10–19.
3. Danilin A. G. LSD. Gallyutsinogeny, psikhodeliya i fenomen zavisimosti. — M.: Tsentrpoligraf, 2001. — 521 s.
4. Deryugin R. A., Zhizheleva A. A. Perspektivy razvitiya tsifrovoy kriminalistiki v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 24–25 maya 2019 g.) / pod red. D. V. Bakhteeva. — S. 40–46.
5. Meshcheryakov V. A. Prestupleniya v sfere kompyuternoy informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniya. — Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. — 408 s.

6. Rossinskaya E. R., Ryadovskiy I. A. Taktika i tekhnologiya proizvodstva neverbalnykh sledstvennykh deystviy po delam o kompyuternykh prestupleniyakh: teoriya i praktika // Lex russica. — 2021. — T. 74. — № 9. — S. 102–118.
7. Rossinskaya E. R. Teoriya informatsionno-kompyuternogo obespecheniya kriminalisticheskoy deyatel'nosti: kontseptsiya, sistema, osnovnye zakonomernosti // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 2 (89). — S. 193–202.
8. Teoriya informatsionno-kompyuternogo obespecheniya kriminalisticheskoy deyatel'nosti: monografiya / E. R. Rossinskaya, A. I. Semikalenova, I. A. Ryadovskiy; pod red. E. R. Rossinskoy. — M.: Prospekt, 2022. — 254 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

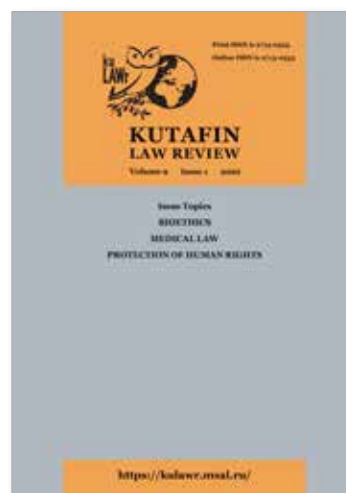
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 1 (170) январь 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002